

Национальная Академия наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет

В. М. ПЛОСКИХ

**КИРГИЗЫ
И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО**

Собрание научных трудов

II

Бишкек — КРСУ — 2014

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)
П 39

*Рекомендовано к изданию учеными советами
Института истории и культурного наследия НАН КР
и гуманитарного факультета
Кыргызско-Российского Славянского университета*

Ответственный редактор

Н. А. Халфин, д-р ист. наук

Рецензенты:

Д. Д. Джунушалиев, чл.-кор. НАН КР, д-р ист. наук

Х. З. Зияев, д-р ист. наук

В. А. Ромодин, канд. ист. наук

М. Я. Сушанло, д-р ист. наук

Плоских В. М.

П 39 **КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО.** Собрание научных трудов. Том 2; 2-е изд., испр. и доп. — Б.: КРСУ, 2014. 428 с.
ISBN 978–9967–19–194–5

В книге исследуются вопросы взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в. На базе архивных, литературных, этнографических и археологических материалов анализируются политические факторы и экономические связи, социальная структура и формы эксплуатации народа, характер и движущие силы восстаний.

Автор приходит к выводу об исторической общности судеб киргизского и узбекского народов, даже в условиях ханского деспотического гнета объединившихся в массовом народно-освободительном движении, которое привело к ослаблению и, в конечном итоге, падению Кокандского ханства и соединению с Россией.

Монография, дополненная приложением, адресована историкам, культурологам, политологам, ученым и студентам, знатокам и любителям отечественной истории.

П 0503020911–14
ISBN 978–9967–19–194–5

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)

© Плоских В. М., 1977; 2014

IV

**ЭКСПЛУАТАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА
КОКАНДСКОГО ХАНСТВА
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ КИРГИЗОВ**

1. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С завоеванием Киргизии и включением ее в систему административного управления Кокандского ханства на все киргизские земли распространились правовые нормы земельных отношений ханства, которые основывались на шариате. Но практика земельных отношений в киргизском обществе нередко и существенно отличалась от общегосударственных юридических норм. Во-первых, это было связано с тем, что у киргизов в основе правового положения лежал адат — «обычное» право, регулировавшее традиционный процесс землепользования. Во-вторых, преобладающей отраслью киргизского хозяйства было скотоводство, которое, в отличие от земледелия орошаемых оазисов ханства, имело и свои особенности, выразившиеся в кочевом и полукочевом цикле с охватом больших территорий пастбищ. В результате киргизское население, обращавшееся к земледелию, попадало под влияние и усваивало нормы аграрных отношений, регламентируемых шариатом; а узбекское население, занимавшееся скотоводством или отдававшее на выпас скот киргизам, приравнивалось в своей практике к нормам «обычного» права, регламентировавшего процесс пастбищепользования.

В Киргизии второй половины XVIII—XIX вв. господствующими были патриархально-феодальные отношения, т. е. определяющим являлся феодальный способ производства, в котором существенную роль играл патриархально-родовой уклад. Сущность патриархально-феодальных отношений оседлого земледельческого населения на примере Бухарского ханства рассмотрел Н. А. Кисляков¹. Аналогичное положение было и в Кокандском ханстве. Вопрос же об определении основ патриархально-феодальных отношений у кочевых народов — киргизов, казахов и других, о наличии или отсутствии частной феодальной собственности на землю, о специфике и основных средствах производства до сих пор дискутируется в литературе.

Сторонники одной концепции (наиболее ярко эта точка зрения выражена в трудах Ф. В. Шахматова и С. Е. Толыбекова) считают основным средством производства у кочевников скот, отрицают существование у них частной феодальной собственности на землю, поскольку она используется в естественном состоянии в качестве пастбища.

Другие исследователи (Л. П. Потапов, И. Я. Златкин, С. З. Зиманов) решающую роль в материальном производстве в общественном строе кочевников отводят земле, используемой как пастбище, поскольку производственные отношения у кочевых народов, как и оседло-земледельческих, базировались на частной собственности отдельных феодалов на землю².

¹ Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения...

² В ходе дискуссии на научной сессии в Ташкенте в 1954 г. и на страницах журнала «Вопросы истории» (1954—1956 гг.) вторая точка зрения получила признание большинства ученых, но и первая концепция

В 70-е гг. XX в. предпринял попытку по-иному (исходя из учения физиологов о взаимоотношении организма животных и внешней среды) подойти к решению вопроса о средствах производства у кочевников К. И. Петров¹. Процесс труда скотоводов он рассматривает технологически — как обработку организма животного в качестве предмета (продукта труда) при помощи кормовых средств (орудия труда) независимо от происхождения последних. Скотоводство сравнивается здесь в принципе с растениеводством. Особенности средства труда и предмета — продукта труда — у кочевников обуславливают, по мнению К. И. Петрова, специфику собственности на них и специфику общественных отношений: 1. Неопосредствование предшествующим трудом употребляемого пастбища как средства труда определяет общинный характер его использования и территориально-временную непрочность собственности (родо-племенной, государственной). 2. Частная собственность на скот (как своеобразное средство

все ещё имеет своих сторонников. Дискуссия не закончена, о чем свидетельствует появление статей И. Васильченко, К. И. Петрова, специальной главы в докторской диссертации А. Орузбаева и др. См.: Материалы объединённой научной сессии...; *Потанов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов...; *Бошарин О.* О патриархально-феодальных отношениях...; *Златкин И. Я.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов...; *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов...; *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов...; *Его же.* Кочевое общество казахов...; *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии...; *Васильченко А.* Еще раз об особенностях феодализма...; *Орузбаев А.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Киргизии...; и др.

¹ *Петров К. И.* Роль природного пастбища как средства труда...; *Его же.* Влияние природного пастбища...

производства) вместе с имущественным неравенством вели к захвату скотовладельческой верхушкой экономической и политической власти родо-племенной организации. Феодалные отношения сочетались здесь с институтами, органически присущими общинному владению пастбищами как специфическим средством труда.

Длительная и не давшая окончательных итогов дискуссия вызвана как сложностью проблемы, недостаточной методологической разработанностью вопроса, так и тем, что авторы оперируют ограниченным кругом фактического материала, а источники как раз полны противоречий. Жизнь во всем ее многообразии не вписывается в строго определённые каноны, и временами излишняя категоричность суждений оппонентов в ходе дискуссии дает пищу для возражений то с одной, то с другой стороны. Не вдаваясь в детали спора, выскажем лишь свои соображения и приведём конкретный материал из экономической истории киргизского общества.

Во-первых, Киргизия с включением в состав Кокандского ханства попадала под юридические нормы шариата, четко формулировавшие верховное право хана и государственную собственность на все земли. Существовавшие же на практике формы аграрных отношений не укладывались в нормы шариата или адата. Ясно, что следует различать права собственности и понятия собственности. Еще К. Маркс подчёркивал необходимость воспринимать отношения собственности не в их юридическом выражении, как волевые отношения, а в реальной форме ¹, как производственные отношения. Вместе с тем не следует

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 26.

игнорировать и того, что право собственности является отражением в сознании людей (и зафиксированной юридическими законами) собственности как объективной реальности. Таким образом, необходимо исследовать как реально существовавшие аграрные отношения, так и их соответствие теоретическим нормам шариата и киргизским «обычаям».

Во-вторых, при кочевом скотоводстве киргизов земельные отношения не были выражены столь четко, как при земледелии соседних узбеков или тех же киргизов, полностью перешедших к оседлости. В кочевом и полукочевом хозяйстве труд прилагался не непосредственно к земле (пастбищу с естественным травостоем), а к скоту и уже опосредованно, через скот, к земле. Понятно, что при этом роль земли не выступает столь отчётливо и кажется несколько сниженной. Напротив, частная феодальная собственность на скот была представлена прямо, открыто. Но ведь кто имел скот (а феодал его имел в преобладающем количестве), тот через скот являлся пользователем и владельцем осваиваемого пастбища, хотя оно и было (юридически и фактически) собственностью государства (за что выплачивался налог — рента). Поэтому понятны выводы отдельных авторов (в частности, А. У. Орузбаева), кто ищет экономическую основу патриархально-феодальных отношений кочевых киргизов в частной феодальной собственности на скот, посредством которой реализовывалось феодальное землевладение. От этого земля не переставала быть основным средством производства, но свое полное выражение находила лишь в совокупности с другим средством производства — скотом. Без такого синтеза и взаимосвязи невозможно само кочевое и полу-

кочевое производство. То есть, скот наряду с землей был средством производства, но основной оставалась и в кочевом скотоводстве земля.

В-третьих, хозяйственная жизнь киргизов не ограничивалась единственно скотоводством, в той или иной степени она была связана с земледелием. А в таком случае определенно основным средством производства выступала земля.

Таким образом, по нашему мнению, у киргизов во второй половине XVII — сер. XIX в. основным средством производства являлась земля (как всеобщее универсальное — при кочевании и конкретное — при земледелии) и важным средством производства — скот, роль которого была велика при кочевом хозяйстве. Особенность общественных отношений кочевников, для которой акад. Б. Я. Владимирцов предложил термин «кочевой феодализм» (правда, не прижившийся), и заключалась именно в большой роли скота как средства производства.

Скот, находившийся в частной собственности, выпасался на землях, внешне являвшихся коллективной собственностью или владением общины. Но как раз через посредство скота и происходило присвоение пастбищ. Имущественное неравенство на основе владения скотом влекло за собой и неравенство во владении землей, отсюда и право феодалов распоряжаться кочевьями.

В условиях, когда ярко проявлялась частная собственность на скот и не всегда четко отношения собственности на пастбища, выяснение последних имеет особое значение. Рассмотрим на конкретных примерах, как предстают перед нами отношения собственности, владения и пользования — три ступени присвоения материальных благ,

произведенных на земле, в Киргизии, и влияние Кокандского ханства на данные стороны экономической жизни киргизов. При этом следует иметь в виду, что собственность представляет собой динамичный процесс от простейших форм — к сложным, от отдельных элементов — к абсолюту. В этом плане, как правильно замечает В. Н. Никифоров, даже простое пользование участком содержит какой-то зародыш собственности, а следующая ступень присвоения — владение — служит уже разновидностью собственности, еще не полной. Владелец земли выступает в роли частного (община — коллективного) собственника, если основная доля продуктов земли поступает в его пользу ¹.

При рассмотрении аграрных отношений в Кокандском ханстве, как впрочем, и в Бухарском и в других соседних государствах Востока, следует иметь в виду три категории правоположения и практики земельных отношений: собственность, владение, пользование. Эти категории отражают не отношения между человеком и вещью (орудиями и средствами производства), а основные производственные отношения между людьми, классами через их отношение к вещам. Эти отношения меняются в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями общества. В зависимости от того, в чьих руках находятся орудия и средства производства, определяется и характер собственности.

В основе аграрных правоотношений в Кокандском ханстве лежало положение о верховной государственной форме собственности на всю землю. Для оседло-земледельческих районов оно имело под собой реальную почву

¹ *Никифоров В. Н. Восток и всемирная история... С. 64—65.*

и сказывалось на практике форм землевладения. В кочевых скотоводческих районах оно нередко было простой фикцией, не отражавшейся на сущности пастбищепользования.

Верховная феодальная собственность — это высшее право распоряжения землей, полное и безграничное право на все земли государства, право, находившее реальную форму выражения в присвоении налога и феодальной ренты. Верховным собственником всей земли в Киргизии выступало государство в лице кокандского хана, сосредоточившего в своих руках полное и окончательное право распоряжения землей.

Обращение к практике аграрных отношений в Кокандском ханстве и Киргизии XIX в. показывает, что верховное право собственности государства на все земли страны не исключало частной и общинной земельной собственности, а рента, совпадающая с налогом, не исключала специфической феодальной ренты, присваиваемой частными собственниками.

Другой нормой правоземельных отношений в Кокандском ханстве и Киргизии являлось отношение *владения*, или неполной частной собственности. Оно было как бы низшей ступенью по сравнению с верховным правом собственности и предполагало право отчуждения земель и частичного присвоения ренты. Это было частью права, переуступленного ханом через продажу, распоряжения, пожалования и пожертвования своим феодалам. В основе такого владения или частной феодальной собственности лежало неполное присвоение.

Исходя уже из форм собственности и владения, практика утверждала тот процесс *землепользования*, который

отвечал и соответствовал феодальным отношениям данной исторической ступени. Именно в практике землепользования в наибольшей степени проявлялся отпечаток патриархально-родового уклада. Именно в этой стадии земельных отношений проявилось максимальное различие в пользовании между традиционно-оседлым населением (где в полной мере раскрывался феодализм) и кочевым и полукочевым населением (где преимущественно сказывался консерватизм патриархально-родового уклада). Пользование землей непосредственно связано с ее эксплуатацией, но присвоение произведённых на ней благ оставалось за владельцем и собственником земли, нередко к самому процессу производства не имевшим никакого отношения. Обычная практика земельных отношений представляла собой такую картину: верховный собственник — государство в лице хана; частный собственник, владелец — феодал, наделённый полномочиями по документам; пользователь — свободный или зависимый дехканин (оседлый земледелец, либо кочевой скотовод).

В Киргизии после установления господства Кокандского ханства «все земли были объявлены государственной собственностью, и желающие получить их в частное владение должны были покупать у казны»¹. Кокандское ханство старалось подогнать хотя бы по форме существующую практику под каноны ислама.

Обратимся к фактам земельных правоотношений в кокандский период, как они были представлены поземель-

¹ Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд. С. 29.

ной комиссией Гомзина в 1869 г.¹ Комиссия зафиксировала взгляды местного населения, в том числе и киргизов, на землю, на отношения собственности и владения. Так, на основной вопрос: «Кому принадлежит земля?» был ответ: «Земля есть собственность государственная». Это вытекало, заключала комиссия, из мусульманского права, обычаев и практики земельных отношений: «Такой взгляд был не только мёртвой буквой письменного права, но и живым, постоянно применявшимся правилом обычая». И далее — «Назначение зимовок и летовок со стороны ханов в ордах указывает на существование этого же принципа и в киргизском населении»².

В записке М.Н. Николаева, одной из первых по истории и состоянию аграрного вопроса в Туркестане на период 60-х гг. XIX в., высказано интересное мнение о правах кочевого населения. Автор доказывал, что у киргизов собственность на землю отсутствовала «в силу мусульманского права, по которому все земли стран, завоёванных силою оружия или подчинившихся добровольно, составляют собственность государства, но остаются во владении жителей, если они согласились платить условленные или

¹ В первые годы после присоединения Средней Азии к России царское правительство, воздерживаясь от непосредственного вмешательства в аграрные отношения в крае, приняло меры к сбору сведений о практике земельного быта в Кокандском ханстве и до выработки «Положения об управлении Туркестанского края» оставило в силе существовавшие нормы земельных правоотношений. Этим объясняется особая ценность материалов 60—80-х гг. XIX в. для выяснения в ретроспективе аграрных отношений и состояния экономики населения в период Кокандского ханства.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 22. Д. 3. Т. 89.

положенные за пользование землями налоги»¹. На этом основании ханы выдавали целым родам ярлыки на пастбища, в которых непременно обозначались и летовка и зимовка, «так как одна без другой они теряли всякое значение»².

Источники содержат факты, когда кокандские ханы произвольно распоряжались землями государства, наделяя пастбищами целые роды, так же как и отбирая их обратно. Так, Омар-хан отвел 10 тыс. казахских семей, переселившимся из Восточного Туркестана, кочевья в своем государстве³. Когда некоторые казахские племена переместились с них в глубь Чаткальских гор на летние пастбища ферганских киргизов и последние потребовали освободить их, Омар-хан направил для защиты интересов своих подданных киргизов войска, выдворившие пришельцев⁴. Этим самым кокандский хан на практике утверждал свое право распоряжения всеми землями государства в качестве верховного собственника.

В кочевых районах, находившихся вблизи административных центров, где ханская власть была реально ощутимой, хан мог довольно часто вмешиваться в распоряжение землями, в том числе и пастбищами киргизов, но в отдалённых горах, кочевьях, удаленных от ханских центров, где власть кокандских чиновников была зачастую номинальной, кочевые феодалы-родоправители обычно про-

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 14. Д. 9 а. Л. 22—23.

² *Марков Е.* Фергана.... С. 19; *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы... С. 105.

³ *Набиев Р. Н.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства... С. 32.

⁴ *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. ... С. 15.

извольню и вполне независимо распоряжались землями. По киргизским обычаям, земля считалась коллективной — общинной, родовой, племенной. По понятиям киргизов, зафиксированным в материалах комиссии К. Палена, право пользования кочевьями принадлежало наследникам. А поскольку землями владели их предки, эти земли принадлежали и им самим ¹.

Командир Сибирского корпуса Г. Гасфорд сообщал военному министру 21 июня 1855 г.: «Власть кокандцев в верховьях р. Чу, отдалённых на весьма значительное расстояние от Ташкента, а собственно от ханских владений, совершенно отдаленных снеговым хребтом гор, весьма шатка в этой стране...» ². Поэтому здесь выражение собственности хана на земли являлось простой фикцией, хотя и имело юридическое основание. Все крупные земельные споры, если они происходили в центре ханства, решались непосредственно при участии хана, по его распоряжениям. Споры на периферии, в отдаленных кочевьях решались полномочиями манапов-родоправителей по нормам «обычного» права. Но даже здесь не исключалось вмешательство хана. Хан при благоприятных условиях мог на правах верховного собственника передать земли одного рода другому, причем в документе фиксировались обычно лишь имена родоправителей — биев и манапов.

Ханскими указами могли закрепляться отдельные территории, пастбища, урочища во владение как за целыми родами, так и отдельными феодалами. Основанием для

¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 258. Л. 68.

² ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.

закрепления земель во владение служили как давность принадлежности пастбища данному роду или феодалу, так и различного рода ханские пожалования. Ханские документы юридически утверждали такие владения и пожалования. Характерен в этом плане ярлык Малля-хана, выданный в 1276 (1859—1860) г.

«Киргизы кутлук-сеид со своими родовичами занимали урочище Кара-Тюбе. От разных притеснений кокандских властей вы разошлись по разным странам. В настоящее время, опять собравшись вместе, желаете быть нашими подданными, потому вам предоставляется (право) занимать местность Кара-Тюбе на прежнем основании, и никто препятствий делать вам не будет»¹.

С данным документом перекликаются два других — ханский ярлык и распоряжение маргеланского бека, адресованные киргизскому племени бёри, которое уведомялось, что названные пастбища передаются в частное владение (*мильк*) феодалу Шах-Мирзе².

«В настоящее время из убежища августейшей милости последовал такой шахский указ, которому повинуются мир.

Местность из местностей летних пастбищ, которая расположена в горах, принадлежащих Наукату, [и] границы которой [определяются] следующим образом: ее запад[ная сторона] доходит до большой степи Куганди, и ее юг [южная сторона] достигает больших снежных

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 17. Оп. 1. Д. 12800. Л. 15—16.

² В ЦГА РУз. (Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 1057) имеется перевод ярлыка хана и распоряжения бека, сделанные туркестанским чиновником. Мы приводим документы в новом переводе со среднеазиатского канцелярского языка фарси (Л. 7, 9). — В. П.

гор, и ее восток [восточная сторона] в некоторых местах доходит до Таш-Тепе, а в некоторых — до Чалак-Уда и ее север[ная сторона] в некоторых местах достигает оврага, а в некоторых — до Чакмак-Таша, — [все] находящиеся в пределах этих границ пастбищные земли для скота пожаловали посредством передачи в мильк [нашему] давнему доброжелателю Шах-Мирза датхе. Датхам и биям и прочим фукара кочевых племен надлежит считать упомянутые летние пастбища [находящимися] вне соучастия и прочих пайщиков и обеленным мильком упомянутого датхи, и да не свершится никакое дело из дел несущих ущерб [его владениям] [и] да не преступят [они] смысла августейшего указа 1282 г. х.»

Судя по дате 1282 (1865—1866) г., ханский указ издан Султан-Сеидом, либо Худояр-ханом.

Как видно из распоряжения маргеланского бека, территориальные права Шах-Мирзы на пастбища даже расширились.

«В настоящее время [все] вы от великих до малых общества арвин из племени бори знайте и ведайте, что местности Куганди и Исан-Арча, и Таш-Тепе являются давним летним пастбищем Шах-Мирзы эшик-агаси. Вы на те местности посягнули. Между тем в течение двадцати лет вы не ступали на эти местности и [сейчас] не делайте ненужного, бесцельного дела, не занимайте стоянку упомянутого эшик-агаси. Если же у вас в отношении этого будут [какие-либо] документы [или] устное заявление, прибудьте и сделайте заявление. 1282 [г. х.]».

Как видим, киргизский феодал Шах-Мирза эшик-агаси пользовался каким-то особым благорасположением

кокандских ханов. Они определяют ему в обельный мильк пастбища, маргеланский бек решает в его пользу спор с киргизским родом арвин за землю. В архиве кокандских ханов сохранился еще один, уже третий документ, которым Султан Мурадбек в 1287 (1870—1871) г. освобождает уже бахчи, т. е. обрабатываемые земли киргизского феодала от налогов.

«Достойному Иса-юзбаши [да будет известно], что люди Шах-Мирзы эшик-агаси на земле ручья Гарнав имеют восемь участков под дынями. Оказав милость, мы освободили [эти земли от налогов]. Не вмешивайтесь»¹.

Представленные документы говорят о том, что как обрабатываемые сельскохозяйственные угодья, так и пастбища были пожалованы кокандским ханом в наследственное владение придворному киргизскому феодалу, причем, владение обельное, освобождённое от всех налогов. Закрепление в частное владение не только обрабатываемых земель, но и пастбищ свидетельствовало о дальнейшей феодализации (под влиянием Кокандского ханства) общественных отношений у киргизов элементов разрушения коллективного землевладения и землепользования даже в пастбищно-кочевой общине.

Примером частного владения пастбищами у киргизских феодалов может служить и наличие у них коруков — «заповедников», огороженных земельных владений, не только обрабатываемых участков, но и пастбищ. Ранее, в одной из статей, на примере прииссыккульского корука Туура-Суу, мы высказали предположение, что коруки были не

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1289.

только ханской привилегией — их могли иметь беки, киргизские манапы и бии ¹.

Рассмотренные документальные факты, проведенные раскопки и другие материалы убедительно доказывают наличие крупных владений — обрабатываемых и пастбищных угодий — у киргизских феодалов. Добавим, что, к примеру, известный чуйский манап Байтык Канаев, живший в середине XIX в., на свои пастбища Бас-Бёльтёк не пускал чужой скот, наказывал охотников, посмевших нарушить границы его владений ². Это было типично феодальное владение — корук.

Алайский феодал Абдулла-бек, сын Алымбека и Курманджан-датки, имел в собственности землю и крупную зимовку в местности Баш-Булак на 13-й версте по дороге из Оша на Алай ³.

Ханские ярлыки говорят, что нормы шариата о государственной собственности на землю использовались ханами в практике аграрных отношений и служили основанием для вмешательства в земельные отношения киргизов-кочевников. Это свидетельствует о том, что с подчинением Коканду киргизские феодалы были юридически лишены собственности на землю, но фактически являлись владельцами и частными собственниками по ханским документам.

¹ *Плоских В. М.* Киргизский корук Туура-Суу... С. 145—159.

² *Нураков И.* К вопросу о пастбищно-кочевой аильной (аульной) общине... С. 66.

³ С присоединением Кокандского ханства к России земли и строения Абдуллы-бека были конфискованы в пользу казны. См.: *Куропаткин А. Н.* Кашгария... С. 221.

Выдаваемые ханами документы подтверждали юридическое право на владение и пользование землями, которыми население фактически владело испокон веков и которые с завоеванием киргизской территории стали числиться государственными. Население, занимавшее более ценные пространства — старые пастбища или орошаемые участки, стремилось заручиться документами правителей, за что даже иногда выплачивало огромные суммы. Как указывал В. П. Наливкин, частная собственность на землю в Кокандском ханстве — явление довольно распространенное. Первый большой шаг в этом направлении, по его словам, был сделан Омар-ханом, когда он в целях обогащения казны, через хакима Наманганского вилайета Сеид Кул-бека стал продавать земли киргизских кочевников в частную собственность. Причем, их могли выкупить и прежние владельцы. «Земли эти покупались в складчину целыми родами (или, вернее, коленами), после чего в общинном владении (киргизов. — *В. П.*) остались одни только горные пастбища, а все те участки, которые могли эксплуатироваться плугом, при условии искусственного орошения, поступали в частную собственность покупателей и были разделены ими между собою пропорционально тем паям, которые вносились отдельными лицами при огульной покупке земли у хана. Этим был нанесён тяжёлый удар общинному владению землей между здешними киргизами»¹.

Итак, в общинном владении за кочевниками остались лишь горные пастбища², но были и закреплённые опре-

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 36.

² *Наливкин В.* Киргизы...; *Его же.* Краткая история... С. 37.

деленными документами также обрабатываемые земельно-дельческие угодья.

В списке владельцев, приложенном к рапорту уездного начальника, дополнительно указывалось, что некий мулла Иса Гадай Мирзаев имел «вместе с родственниками, киргизами Багышевской волости, васику на все земли, орошаемые из Бешбатман-арыка на 20 000 танапов, выданную Магомет Омар-ханом в 1231 г.»¹ Когда мы ознакомились с оригиналом документа, это оказался протокол земельной тяжбы между двумя киргизскими родами (представителями которых выступали, с одной стороны, Бекназар Раимбеков, с другой — Байбутта Токтамышев), тяжбы, решённой вмешательством Омар-хана. Приведем его².

«Определение границ участка земли, границы и местоположение которого известны, — находящегося в местности Биш-Батман, одной из местностей Карван-дала в Каса[не] — одной из [местностей], принадлежащих вилайету Наманган, приблизительно десять тысяч джуфта: на западе полностью примыкает к земле Хайдарбека-мирзы, сына Нушма [Душанба — ?] бия, на востоке полностью примыкает к Турпак-бел, на юге полностью примыкает к земле Бай-мирзы, сына Канбар-бия, на севере полностью примыкает к ручью Хайдарбека-мирзы упомянутого. Разграничения имеют ясные обозначения и заметные признаки на всех границах.

Это упоминание искреннее и справедливое и документ, избегающий лжи и порочности, основанный на том

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33517. Л. 29—31.

² Там же. Л. 33.

и свидетельствующий о том, что в месяце шаввале года 1231 — тысяча двести тридцать первого совершено: явился в суд богохранимой столицы Коканда Бекназар, сын Рахимбека и привел с собой Байбуту, сына Тухтамыша; пожелали они друг другу [в отношении] упомянутого выше участка, после подтверждения их правоспособности, вчинить иск законным порядком. После этого по совету некоторых из мусульман между этими двумя [тяжущимися] заключен правильный законный договор [о примирении] следующим образом: три части из пяти частей упомянутого выше участка пусть принадлежат упомянутому Бекназару, с братьями и общинниками его, а две части, оставшиеся от этого, пусть принадлежат упомянутому Байбуте с его братьями и общинниками; и эти двое приняли [условия] упомянутого договора без принуждения и насилия, но добровольно и по желанию, от своего имени лично и, кроме того, [представительствуя] от имени своих братьев и общинников, взаимно отказались [от претензий] общим, действительным отказом. Имена братьев упомянутого Бекназара: Джаука-мирза, Турбийбек, Исан, Исан-Келди, сыновья упомянутого Рахимбека, Гадай-мирза и Каджика, сыновья отсутствующего мирзы Шах Мухаммада (?) сына Бекбасар-бия. Имена братьев и общинников упомянутого Байбуты: Абу-л-Касим, сын упомянутого Тухтамыша; Баймирза и Сари-мирза, сыновья Балта-мирзы; Худайкул, сын Сукура и Йваш-бай, сын Алатау-бия. Упомянутый выше участок вследствие этого договора стал милком упомянутых истца и ответчика, вместе с их братьями и общинниками, [на правах] коллективного пользования [с разделом] на пять частей; и они сделали взаимный отказ [от притязаний]. В этом заключается событие, которое записано.

Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

Интересен также документ киргизов местности Уйлука и Алайлука:

«Да будет известно всем достопочтенным хакимам, казиям города Андижана и жителям Андижанского бекства, что его высокостепенство наш дед (Шир-Али-Хан), имеющий место в раю, продал означенную землю жителям Уйлука и Алайлука для продовольствия и надобности войска ислама за триста тиллей, которые были получены и издержаны, а потому мы, оказывая им милость, по шариату приказали, чтобы никто не стеснял относительно упомянутой земли под именем Бузак-Ульди и Кариманди-Мазара... 1281 (1864—65) г. Приложены печати: Саид-Султан хана и Ашир-Ляшкара муллы Алымкула»¹.

Как сообщал начальник Андижанского уезда в Ферганское областное правление, при разборе документа казии показали, что названная луговая земля с камышом действительно была отобрана Худояр-ханом у жителей, а купчий документ, выданный Шералы-ханом, был изъят и уничтожен афтобачи, однако рассматриваемые луга продолжали использоваться тем же населением².

Под влиянием практики аграрных отношений в оседло-земледельческих районах ханства и киргизы изредка составляли свои письменные документы, чаще всего фиксировавшие решение поземельного спора. Именно в связи с этим Н. И. Гродеков, исходя из «обычаев» киргизов, писал: «Если у одной из сторон окажется документ,

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33517. Л. 15.

² Там же. Л. 9.

выданный другою стороною во время миролюбивого пользования ими землею, и в нем будет сказано, что сторона, дающая его, уступает противнику известную местность или известное количество кошей¹ земли, или же, что ей принадлежит известная местность или известное количество кошей земли, то стороне, имеющей подобный документ, следует отвести землю на основании документа»².

Все киргизские пастбища были закреплены за крупным родо-племенными объединениями, во главе которых стояли манапы, фактически по своему усмотрению регулировавшие процесс пользования пастбищами.

В отношении пастбищ государственная форма собственности проявлялась не всегда четко. Иногда отдалённые киргизские феодалы-родоправители не считались с ханскими распоряжениями, выступали как фактические владельцы и собственники. Но в отношении земельных угодий, находящихся под пахотой, формы собственности, владения и пользования (особенно в южных районах Киргизии) проступали более четко.

Одним из неперенных условий собственности и владения являлось право на отчуждение земли. Им, как собственник, обладал хан, но это же право могли иметь и феодалы-землевладельцы, а также непосредственные производители,

¹ *Кош* — то же, что и *джуфт* — мера земли в Кокандском ханстве, равная участку, обрабатываемому парой волов за один рабочий день — 2 танапа, или 1/3 га. *Кош* в других районах Средней Азии, в частности в Зеравшанском, Сурхандарьинском и др., определял иную меру — взрыхленную площадь за весь весенний пахотный сезон, тогда *кош* равнялся 20—24 танапа, т. е. примерно 5 га. См.: *Расудова Р. Я.* Значение термина кош... С. 78—86.

² *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы... С. 107.

получившие его от хана или посредством купли земли. Отчуждаемое владение — мильк — переходило в новые руки с теми же правами, которые оно имело раньше (обельное, полуобельное или облагаемое налогами).

О продаже земли киргизами имеются указания, уходящие своими истоками в начало XVIII в. Так, некие земли в Фергане, на которых позже был образован кишлак Заурак, принадлежали, как рассказывали старожилы агроному В. Юфереву в 1909 г., «лет 200 назад» богатому киргизу Байбичу-Зауру. Он продал часть земли местным андижанцам, часть — выходцам из Кашгара, «сартам», которые и основали селение¹. Следовательно, факты частного землевладения или даже земельной собственности у киргизов имелись еще в дококандское время. В период нахождения киргизов в составе ханства эта практика несколько расширилась, хотя и не стала определяющей.

Имеются документальные свидетельства о продаже ханами пахотных земель. Так, Худояр-хан продал группе киргизов (из 52 человек) крупный участок пахотной земли за 180 тилля в районе Кулля Маргеланского бекства. При этом каждому из совладельцев был выдан помимо общего и отдельный специальный документ на право владения участком².

В кокандское время была своеобразная категория пожалованных земель типа бухарского *танхо*. Институт пожалования — танхо — распространялся и на киргизских феодалов. В ханских документах о жаловании отдельных феодалов землей нередко говорится о предоставлении им

¹ Юферев В. Хозяйство сартов в Ферганской области... С. 15.

² ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22964. Л. 3.

только доходов с этих земель. Население, пользовавшееся землями, с этого момента платило налог уже не в казну, а отмеченному ханской милостью феодалу. «Нередко случалось, что один большой кишлак отдавался на кормление трем, четырьмя чиновникам, которые выжимали отсюда все, что могли», — писал В. П. Наливкин ¹. Для утверждения такого пожалования обычно требовалось ханское распоряжение. К примеру, Мадали-хан после пятилетнего своего правления, решив передать сбор налогов в государстве другому лицу, сделал следующее распоряжение: «Пусть будет так: прочие служащие всего моего халифата, узнав относительно упомянутого (нового) назначения на эту должность, все знаки почтения, уважения, освящения исполняют, считая это за важнейшую обязанность. 1243 (1827—1828) г.» ².

При этом раздавались нередко и земли общинников. Сохранилось распоряжение некоего Муллы Абдуллы, ами-на Янги-Науката, которым он уведомлял через своего представителя чучукских общинников киргизов, что получил во владение землю в местности Темир-курук. Поскольку эта земля общинниками уже засеяна, то им предлагалось «причитающийся с этого урожая государственный налог в денежном выражении в соответствии с раскладкой» самим внести Мулле Абдулле. Если же общинники не согласятся, новый владелец грозился урожай снять сам, возместив семена, труд и удовлетворив общинников продовольствием ³.

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 208.

² Отдел рукоп. ИВ АН РУз. Инв. № 757.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23630. Л. 46 об. Интересно, что распоряжение, адресованное киргизским общинникам, написано на староузбекском языке, в то время как документы владельцу от властей

Селения, с которых подати шли непосредственно в казну или ханским придворным чиновникам на кормление, назывались *хаслык*¹. Земли, которые жаловались или дарились ханами своим феодалам в частное владение, пополняли категорию *мильк*.

Несмотря на то, что «Алымкул и прочие военачальники киргизского и кыпчакского войска» имели в окрестностях Андижана и Оша «родовые земли»², они получали в пожалование от хана и новые владения. В 1242 (1826—27) г. Мадали-хан передал киргизам рода улуг-хатын «в полное их владение» местности Кара-Гура и Кафга³. Надо полагать, это были обрабатываемые или удобные для пахоты земли. Помимо названного в документе рода, ставшего коллективным владельцем, поимённо перечислялись также 16 землевладельцев.

Иногда ханы выдавали документы и на право пользования казёнными землями без указания на их продажу. Малляхан выдает 23 кибитковладельцам-кыпчакам, обосновавшимся в урочище Арал (в Кокандском районе), документ на право заниматься «хлебопашеством на сказанном участке». При этом он велел саркарам и аксакалам «не делать названным лицам притеснения»⁴. Однако распоряжения

выданы были на таджикском — официальном канцелярском языке Кокандского ханства (от 1282 (1865—66) г. и от 1288 (187—72) г.). См.: ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23630. Л. 46.

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 209.

² *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства... С. 34.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 23. Оп. 1. Д. 205. Л. 31.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22566. Л. 8, 11 (9).

ханов иногда рассматривались лишь как единоразовые, имевшие реальную силу во время правления данного хана. Например, Худояр-хан, как только занял престол, тут же приказал снова отобрать у кыпчаков эту землю в казну, что не вызвало отпора населения — акт считался законным.

Интересно, что и беки, как представители ханов, раздавали во владение земли, на которых можно было насаждать сады, возводить курганы и пр. На это владение получали от беков особые предписания. Затем при переходе владения от одного лица к другому (по наследству или в результате продажи) прежний хозяин выдавал новому владельцу расписку, засвидетельствованную властями¹.

С закреплением или приобретением во владение обрабатываемой земли киргизы все больше отходят от скотоводства и приближаются к земледелию.

Поверенные киргизов из Куршаба писали, что с куплей ими в местности Биль-Ачик орошаемых и неорошаемых (кайрачных) земель они основали 5 больших кишлаков и постепенно «перестали кочевать, образуя постоянную оседлость». Так же было, пишут они, и с киргизами Узгенской и Яссинской волостей Ошского уезда, с которыми просители имели «дальнее родство». Владельцы представили шесть документов (*васика*) на земли милък. Даем их изложение по архивным делам².

1. Участок земли в местности Биль-Ачик Узгенской волости. На нем имелись зимовые стойбища и хлебопахотные земли. В 1233 (1816—17) г. 8 человек —

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865. Св. 892а. Л. 774.

² ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 36763. Л. 4—6, 10—11.

доверенные от киргизского общества «со всеми правами и преимуществами и принадлежностями, как собственность их», продали его другой группе киргизов за 10 тилла.

2. Участок земли в местности Тиечи Узгенской волости орошается водою ручья Сокут. В 1268 (1851—52)г. киргизское общество «вышеописанный, собственно им принадлежащий участок со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» продало Алимбекбию Саадбиеву за «один бархатный халат, два шелковых халата и полтора тилля».

Ниже в документе еще приписан участок «кайрачной земли».

3. В местности Биль-Ачик в 1268 (1851—52) г. Курбан-Али и Нияз-Али Бабабековы «продали вышеописанный, собственно нам принадлежащий участок земли со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» Таирбеку Байботаеву за 2 тилля.
4. В 1279 (1862—63) г. Доскул Темиркулов в местности Биль-Ачик «продал вышеописанный, собственно мне принадлежащий участок со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» Таирбекбаю Байботаеву за 4,5 тилля.

Представляя купчие в Ферганское областное правление, киргизы писали: «Подобные документы имеются у нас у каждого и всех»¹.

Купчие документы составлялись примерно по одному образцу и заверялись казиями. Приведем перевод васики

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 36763. Л. 6, 15.

1266 г. (1849—50) на продажу киргизами — братьями Дивана и Ташбеком Кулыбековыми и Бекпулатом Ашимбековым участка земли в 30 кошей (джуфтов) в местности Калтуг¹.

1. «Определение границ одного участка пахотной земли, находящегося в мауза Култуг, приблизительно тридцать принятых (в данной местности) джуфта: на западе полностью примыкает к дороге общественного пользования;
2. На востоке полностью примыкает к милку Арзу; на юге частично примыкает к милку — матрука Бая; частично примыкает к Ак-Тумшук; на севере полностью примыкает к милку
3. Джин-Али. В месяце Джумада ал-ахир года тысяча двести шестьдесят шестого совершено: заявление и признание достойное дворян, законное
4. сделали Дивана и Ташбек, сыновья Кулыбека [и] Бекпулат, сын Ашимбека, в состоянии дееспособности и правомочности своих распоряжений,
5. добровольно, по собственному желанию, в том, что: продали мы целиком и полностью участок, упомянутый выше, который был нашим правомочным владением и милком
6. до настоящего времени, продажей со всеми правами [собственности] и сопутствующими устройствами, и со всем, малым и многим, что в нем и вне его, из прав внутренних и внешних
7. продажей полной, окончательной, действительной, обязательной, законной, без обмана и плутовства

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33517. Л. 16.

- и без каких-либо [односторонних] преимуществ, за сумму пять тилла полновесных, червонного золота, высокопробных, одномискальных,
8. законных, Арис-Мухаммаду, сыну Бек Келдыбая, со взаимным вручением обоих обмениваемых [предметов]; и подтверждением сделал упомянутый тот, о ком заявлено, заявителем в
 9. указанном заявлении. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей»¹.

Продажа и купля киргизами земель мильк под влиянием практики Кокандского ханства производились как частными лицами, так и общинами. Причем, частный владелец оставался всё же в общине (коллективное водопользование, выпасы и проч.). Общинная собственность на землю в принципе совместима с ее отчуждением. Так, в 1253 г. х. (1837—1838) г. одна группа киргизов (община) продала другой группе киргизов (общине) участок земли в Маргеланском бекстве у арыка Чакыр за 30 тилла². В 1277 (1860—1861) г. одной группой был продан участок земли в местности Булакбаши другой группе за 80 тилла³. Два участка пахотной земли в Андижанском бекстве были проданы и куплены в 1260 (1844) г. за 50 тилла⁴. В 1273 (1856—1857) г. Берды-ходжа, ханский пансадбаши, сын известного киргизского феодала Юсуфа-минбаши, продал с ханского разрешения участок государственной земли

¹ Порядковыми номерами обозначены строки документа-оригинала.

² ЦГА КР. Ф. И. 38. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

³ Там же. Л. 47.

⁴ ЦГА КР. Ф. И. 38. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.

в местности Джулбарслик членам общины (рода) мундуз за 10 тилла. Земли переходили во владение общины, но еще оставались государственными, подлежащими налоговым обложениям в казну. Васика оформлена следующим образом ¹.

1. «Упоминание границ [участка] земли мамлака, расположенного в мауза Йулбарслик: на западе полностью смыкается с холмом.
2. называемым Туганай-били, на востоке полностью смыкается с холмом, называемым Алмуруд-били, на севере полностью [смыкается] с холмом, называемым Кук-пашат, на юге полностью смыкается с Курган-тепа. Признаки разграничения известны.
3. В месяце шаввале, запечатленном благом и счастьем, года 1273 — тысяча двести семьдесят третьего совершено: продал участок,
4. описанный выше, Берды-ходжа пансадбаши, сын Йусуфа-мингбаши, уполномоченный и заместитель от лица могущества власти,
5. средоточия величин и достоинств, Саримсака-дадхоха, сына Ходжи Килди-бия, с разрешения и дозволения хакана, сына хакана
6. продажей полной, окончательной,
7. действительной, неременной, законной целиком и полностью упомянутый участок со всеми правами [собственности] на основании дозволения на его продажу со стороны султана или его заместителя и согласно сказанному великими улемами,

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23070. Л. 20.

8. Тухта Назару, сыну Кулика, и Майтукбаю, сыну Уч-Кампира, и другим из членов общины Мундуз за сумму в десять
9. тилла, обращающихся в настоящее время, и девять танга, имеющие хождение, без обмана и плутовства и без портящего [сделку] условия. И купили упомянутые покупатели означенный товар у упомянутого продающего
10. за указанную цену описанным образом при упомянутом посреднике (?) со взаимным получением обмениваемых предметов. В этом заключается событие, которое записано,
11. чтобы это положение ... (?) согласно сказанному. Совершено в присутствии мусульман и справедливых и добросовестных свидетелей». Документ скреплен 12-ю оттисками печатей.

Через несколько лет данная община рода мундуз перепродает эту землю, но уже за 20 тилла другой общине этого же киргизского рода. Документ (с дефектами) оформлен 1288 (1873—1874) г.¹

1. «Упоминание границ земли мамлака, расположенной в местности Йулбарслик; на западе полностью примыкает к холму, называемому Туганай-били, на востоке полностью примыкает к холму, называемому Алмуруд-
2. били, на севере полностью примыкает к холму, называемому Кук-пашат, на юге полностью примыкает к Курган-тепа; [признаки] разграничения везде ясны.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23070. Л. 19.

3. В священном месяце мухарраме года 1288 — тысяча двести восемьдесят восьмого совершено: заявление ясное, правильное, заслуживающее доверия,
4. законное сделали Суфи-бай, сын Бекбайбая (?), Али, сын ... Мусулманбай, сын Фарман-дивана, от себя лично и представлятельствуя от имени остальных
5. [общинников] — Шейх (?)-бида, Кул... (?), Маллабая и Сарибая сыновей Майтукбая, и других жителей Туганай из общины Мундуз, в состоянии дееспособности, добро
6. вольно со своей стороны и со стороны упомянутых остальных, по закону, в том, что: мы, упомянутые заявители, сумму в двадцать тилла, обращающихся в настоящее время,
7. от себя лично и представлятельствуя от имени упомянутых остальных, а также прочих жителей упомянутой общины Туганай, правильным получением
8. от Билбая, сына Илчибая, Алдакбая, сына Тукалбия, Тилакбая, сына Джинтая, Тилакбая сына, Тухта-Пулада пахлавана и Сулгибая, сына Тухта
9. Назарбая лично и представлятельствуя от имени прочих жителей и общины Бузмурчак приняли и на законном основании получили, а в обмен на полученную сумму сами
10. лично и представлятельствуя, никаких исков и притязаний, полностью или частично... (дефект)
11. упомянутых и прочих жителей и упомянутой общины Бузмурчак, отказавшись в пользу поименованных и прочих жителей упомянутой общины
12. лично и представлятельствуя, полностью отказались, и по этой причине участок, упомянутый выше, стал

полноправной [собственностью] и очищенным милком упомянутой общины Бузмурчак на все время их существования,

13. будучи осведомлены о значении отказа, который есть прекращение прав. В этом заключается событие, которое записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

На документе имеется приписка справа от печати в две строки: «Выплата по иску об упомянутом участке [произведена] в присутствии прибежища власти и могущества муллы Гадай-бая эшик-агаси».

Таким образом, община Туганай перепродала общине Бузмурчак участок своей земли. Остается неясным, как купленная первоначально у государства и облагаемая налогами земля при перепродаже превратилась в «очищенный милък» — свободное от налогов владение, в собственность общины.

В архивах хранится немало документов на продажу киргизами отдельных участков земли. Если по ним и нельзя определить процент земель, участвовавших в торговом обороте, то выявленных документов вполне достаточно, чтобы доказать, что у киргизов факты купли-продажи земли, т. е. ее отчуждение (явный признак частной собственности или владения) — явление не единичное. Это указывало на определенную товарность земли у киргизов уже в первой половине XIX в.

Урочища, как коллективные владения, закреплялись за отдельными родами специальными документами. С течением времени индивидуальные пользователи пахотных участков стали фактическими их владельцами, продавали,

пересдавали в аренду свои участки. В результате, наряду с единым документом рода, закреплявшим его право на все урочища, появились документы по отчуждению мелких участков внутри урочища.

Письменное оформление раздела наследства, особенно иски друг к другу наследников, также помогают выявлению картины земельных отношений, состояния частных владений — милък. Приведем такую васику от 1285 (1868—1869) г. о разделе имущества и отказа от иска одного из наследников — жителя с. Баткен в местности Исфара¹.

1. «Определение границ участка земли, находящегося в мауза Баткен из мауза Исфары, известного вилайета, подчиненного столице Коканду: на западе полностью примыкает к милку Иш-Мухаммада, сына Барука, на юге примыкает к милку мулла Мухаммада Азима, сына Баба Назар-бая, на востоке полностью примыкает к милку
2. Тугаймурада, сына Тангатмиша (?), на севере полностью примыкает к матрука ишана муаззина покойного. Второй участок, также [в] упомянутой мауза: на западе полностью примыкает к каналу общественного пользования, на юге примыкает к милку Мухаммад Азима, сына Хасан-бая, а частично примыкает к милку Урун-бая, сына Хал-бая, на востоке примыкает
3. к милку Худай-бирди-панча-батура, сына Иулдаша, на севере частично примыкает к дороге общественного пользования, а частично примыкает к каналу общественного пользования. Третий участок,

¹ Рукоп. фонды ИВ АН РУз. № 777.

- также [в] упомянутой мауза: на западе полностью примыкает к милку упомянутого Иш-Мухаммада, на юге примыкает к [владению] Турахона, сына...
4. на востоке примыкает к милку Дуста, сына Кул Назара, а частично к милку Кабил-бия, сына Избасара, на севере полностью [примыкает] к коллективному владению общины Кармиш. Четвертый участок земли [в] мауза Буджун [определяется] таким образом: на западе полностью [примыкает] к дороге общественного пользования, на юге полностью примыкает к коллективному владению
 5. общины Дж. м. н. к. (?) частично к милку Данийара, сына Мухаммада Пахлавана, на востоке полностью примыкает к милку Тухта-бия, сына Кинчабая, на севере полностью примыкает к милку Мирза Алибия, сына Бабиш-бая, частично — [к милку] упомянутого Иш-Мухаммада. Пятый участок также [в] упомянутой мауза:
 6. на западе примыкает частично к милку Нар-дивана, сына Бай-Мурада, а частично [к милку] Нурбая, сына упомянутого Бай-Мурада, на юге полностью примыкает к милку Бирик-бия, сына упомянутого Бай-Мурада, а частично — [к милку] упомянутого Нурбая, на востоке полностью примыкает к коллективному владению общины Дж.м.н.к. (?). на севере — коллективному владению
 7. тех, относительно кого сделано заявление. Разграничения [участков] известны.

В месяце рамазане благословенном года 1285 — одна тысяча двести восемьдесят пятого — совершено: заявле-

ние ясное, правильное, заслуживающее доверия, законное сделал описанный по имени и происхождению

8. Дуст-Мухаммад, сын Байбула, в состоянии правомочности своих распоряжений, добровольно, по закону, в том, что: получил я по закону сумму в шесть тилла, имеющих хождение, и одну лошадь гнедой масти, пятилетку, при правильном вручении [мне] Кул-баем
9. сыном Кузи-бика, Шурук-бием, сыном Тулибай-бия, Хал-Назаром, сыном Кузи-бика, Шурук-бием, сыном Тулибай-бия, Хал-Назаром, сыном Аллахбирди, Ибрахимом, сыном Хасанбая, Абдумамином, сыном Уразбая, Данийаром, сыном Мухаммада Пахлавана и Абидом, сыном Муса-бая, и в обмен на
10. упомянутое, то, что получено, от всех исков и притязаний, которые я имел, предъявлял или намеревался предъявить, я отказался общим и полным отказом в пользу упомянутых тех, о ком заявлено, от всех исков вообще [и] и в отношении матрука в размере доли наследства моей матери
11. по имени Биби-бик, дочери Мучак-батура — целиком и полностью упомянутых участков — в частности, окончательным отказом, будучи осведомленным о значении отказа, который есть прекращение права. В этом заключается событие, которое записано [в присутствии справедливых] и добросовестных свидетелей».

Своеобразной категорией землевладения у киргизов, появившейся под влиянием Кокандского ханства, стало землевладение мусульманского духовенства (учреждений и частных лиц) — *вакф*.

Вакф (киргиз — *вакып*) — по мусульманскому праву есть неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного заведения или духовного лица. Вакф, по образному определению известного русского востоковеда прошлого столетия П. Чихачева, представлял собой «нечто вроде государства в государстве»¹. Он получил широкое распространение на территории Средней Азии, в том числе и Кокандского ханства. Для Киргизии, естественно, не следует преувеличивать значение этого института, но факты свидетельствуют о его наличии как в земледельческих районах, так и в полукучевых с киргизским населением. Вакфы на территории Киргизии сосредоточивались вокруг медресе, мечетей и других мусульманских «святынь». Но необходимо подчеркнуть — на севере вакфов не было. Сами кочевники вакфов не имели. Это — феодальный институт мусульманских учреждений среди оседло-земледельческого населения. Вакфы могли образовываться лишь в среде киргизов-земледельцев, которые, во-первых, обладали отчуждаемым земельным имуществом; во-вторых, ближе соприкоснулись с мусульманским духовенством.

В с. Кара-Багыш (в окрестностях Джалал-Абада), в котором киргизы с сер. XIX в. имели запашки, четыре земельных владения были определены населением в вакфы трем мечетям: приходской мечети Мусабия киргизов рода теит (3 дес. 2016 кв. саж.), мечети Бай Мухаммед-бая (5 дес. 210 кв. саж.), расположенной на землях киргизов

¹ Чихачев П. А. Великие державы... С. 115.

рода кара-багыш; мечети Тюря хан-Тюря-Ишана (23 дес. 1684 кв. саж.) в г. Андижане ¹.

В киргизском селе Джигда-Могол было семь вакфных участков, принадлежащих двум установлениям: один — махтаб-хане Мухаммед-Исхак-бая (в с. Хан-Абад) и занимал площадь 1 дес. 2293 кв. саж.; шесть других участков в 24 дес. 1790 кв. саж. принадлежали медресе Араб-бая Науруз Бай-уулу (в с. Узген) ². В пределах местности Кампыр-Рабат один участок вакфной земли в 2 дес. 200 кв. саж. принадлежал мечети Мусабия в с. Кара-Багыш ³.

Одним из наиболее крупных и старейших вакфных установлений на территории Киргизии был вакф Сафид-Булан. По съемкам плана 1899 г. селению Сафид-Булана принадлежало почти 2,5 тыс. десятин земли, из которых 1,5 тыс. десятин орошаемых и 30 десятин кайрачных ⁴. Земли в свое время документально были оформлены среднеазиатскими правителями в вакф мазара Хазрет Сафид-Булан. По преданию, основание вакфу положил Тимур, когда по его приказанию и на его средства строился Катагумбес — главный корпус мавзолея, известного как Шах-Фазиль ⁵. Самые ранние из сохранившихся вакфные гра-

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 76.

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Л. 79.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33273. Л. 7—8, 42.

⁵ Там же. Л. 49. А. Н. Бернштам дату постройки мавзолея относит к XIII в., Б. Н. Засыпкин — к XI в., В. Е. Нусов — к XI—XII вв. См.: *Нусов В. Е. Памятники архитектуры...* С. 54. Последнее наиболее полное исследование Шах-Фазильского комплекса проведено В. Д. Горячевой. См.: *Горячева В. Д. Городские центры...*

моты относятся к XVIII в., затем они были подкреплены документами кокандских ханов, освободившими вакф от всех государственных налогов¹. Но первоначально запашки были небольшие и стали разрастаться только в кокандский период, с начала XIX столетия.

Известно, что с течением времени число наследников-вакфовладельцев (а таковыми являлись местные шейхи, ведшие свою легендарную генеалогию от Хазрет Шах-Фазиля — ни мало, ни много, как внука самого пророка Мухаммеда) неизмеримо возросло. И поскольку только они имели право на вакф, то вскоре земля была поделена между шейхами, стала передаваться по наследству, даже отчуждаться, но, правда, лишь исключительно среди шейхов. Так что к концу XIX в. их насчитывалось 94 семейства: 64 имели усадьбы и поливные земли, 18 только усадьбы, а 12 вообще являлись безземельными, обрабатывавшими из доли урожая чужие участки². Практически, после присоединения к России, вакф перестал существовать.

Из киргизских феодалов наиболее крупным землевладельцем и обладателем вакфов был алайский родоправитель Алымбек-датха. Он построил в г. Оше медресе, отвел ему в наследственный вакф (так называемый *вакф-авлод*) земельный массив в кишлаке Чин-Абад (Алымбекчек). Наследники Алымбека специальными документами определяли медресе в вакф городские участки земли и лавки в г. Оше. Кокандские ханы обеляли — освобождали от налогов вакф могущественных алайских феодалов.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33273. Л. 11—12, 19, 26—30.

² Там же. Л. 42.

Поскольку мы ранее в специальной статье рассматривали вакфное установление ошского медресе Алымбека ¹, подчеркиваем лишь, что это был не единичный случай. Киргизские родоправители с течением времени все больше перенимали кокандские феодальные обычаи, превращаясь в типичных представителей господствующей знати государства. В документах изредка встречаются упоминания о принадлежности отдельным вакфным учреждениям не только пахотных земель, торговых лавок, мельниц, но и... сенокосов и пастбищ.

Ошское медресе Алымбека-датхи имело в вакфе сенокосные угодья. В одном из поименных списков-дефтеров священнослужителей — муфти, аламов, ишанов, тура, а также биев, саркаров, батыров и других по Ошскому вилайету об освобождении от налога танабана и о возвращении владельцам собранных с них денег назван и вакф медресе Алымбека, за сенокосы которого учреждению предписывалось возратить 24 танга взятого налога ². Некое медресе Шахикулбека-парваначи в Ходженте имело в кокандское время «необрабатываемые земли — пастбища, которые по документу также составляют собственность вакфного установления» ³.

В дополнение к вышеприведенным документам дадим перевод вакф-наме 1289 (1872—73) г. киргиза Ир Мухаммед Касымбаева об определении им в вакф Булакбашинской мечети одной трети своих земель. После определе-

¹ Плоских В. М. Вакф медресе Алымбека... С. 32—40.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1093.

³ Из заключения поземельно-податной комиссии 1901 г. // ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34979. Л. 13.

ния границ мечети, «находящейся в городе Булак-Баши» и участка земли в его окрестностях, следует основной текст.

«В месяце раби ас-сани, запечатленном миром и безопасностью, года 1289 — тысяча двести восемьдесят девятого совершено.

Заявление ясное, определенное, законное сделал Ир-Мухаммад рябой (?), сын Касим-бая, сына Киргиз-бая, в состоянии дееспособности и правомочности всех своих распоряжений по закону, добровольно, в том, что «обратил я в вакф и сделал законное пожертвование из лучших своих владений целиком и полностью треть участка, упомянутого выше вторым, со всеми правами [собственности] и [сопутствующими] устройствами, в пользу упомянутой мечети, а в конечном счете — для бедняков-мусульман...

И поставил я условие, чтобы распорядителем упомянутого вакфного владения был имам Мансур [из] упомянутой мечети. И поставил я условие, [чтобы] доходы с упомянутого вакфного владения делились на три части после исключения того, что по праву принадлежит мутавалли. Одну треть упомянутый имам пусть отдает муаззину, а две трети пусть расходует сам, после выделения [части] на ремонт. И заявлено, что упомянутый жертвователь [сам] обратится [к кази] (для регистрации вакфа).

Постановлено о правильности и непременно такового; и стало это вакфом определенным, правильным, полностью соответствующим всем условиям его правильности и непременно. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей»¹.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34970. Л. 8.

Отличительной чертой киргизских пожертвований надо признать определение земель в вакф целыми общинами, родовыми подразделениями. Нами выявлено два полных документа таких вакфных определений. Оба они с существенными дефектами (подмыты, порваны), но в сопоставлении один с другим и сличении с кратким изложением, составленным туркестанскими чиновниками, их можно прочесть. Приводим в переводе со среднеазиатского канцелярского языка фарси вакф-наме киргизов рода бостон о пожертвовании ими в 1278 (1861—62) г. в вакф ханаки Шах-Рахматуллы-ишана участка земли их общего владения ¹.

1. «Определение участка земли с ясными границами, находящегося в местности Куршаб из района Карасу, из окрестностей столицы Коканда: на западе полностью примыкает к земле Худай Берды
2. сына Ир-Назара Йасавула, на юге частично примыкает к земле Карашак, частично примыкает к земле Буркут-уйа, а частично примыкает к земле Султан-суфи, на востоке полностью примыкает к земле Кара-тепа, на севере частично примыкает к земле Ак-Башат,
3. частично примыкает к земле Джаншура, а частично примыкает к горной котловине. Линии разграничения везде ясны. В месяце джумада ал-аввал года 1278 — тысяча
4. двести семьдесят восьмого совершено: заявление ясное, правильное, заслуживающее доверия, законное сделали [члены] общины Бостон Шайди-бий, сын

¹ Там же. Д. 34764. Л. 14, 36; Л. 15, 35.

- Кенджа-Кузы, Могол-бнй, сын Насибкула йулдаш-бай, сын Тогайбая, Мулла Манас, сын Сахланди,
5. Азадбай, сын Мина-бахадур, Байкули, Йамандир и Илджа, сыновья Бексулфи, ... сын Ата (?) - бека, Дивана, Алдаш и Ала (?), сыновья Джанкузи-бая, Мусакул, сын Бека-бая, Каракузи
 6. и Хадыр, сыновья Йулдашбая, Ашим-бик, Омар, Йакуб и Кулназар сыновья Ка...ри, ...Мухаммад (?) и Хаки (?), сыновья Шайди-бия, Жи-йан-бек, сын Ураза, Нур-Мухаммад и Кифак-бай, сыновья База-ра, Абдаллах-
 7. дивана, сын Сакандика, Ираш, сын Душам-бия, Абдукарим и Мухаммад Карим, сыновья Аралбая, Баймирза, Шахмирза и Сарибаш, сыновья Урум-тая, Джумабай, сын Уста-дивана, Таваккул (?), сын
 8. Бактика, Мамат, сын Байбита, Джаникул, сын Хасан-бека, Хами-бек, сын Нурджана, Назаркул, сын Буга-йари, Касим-бек, сын Ходжа-бека, Каракиши, Тухтабай и Ир-С...нанбай (?),
 9. сыновья Тугая, Кулжакбай, сын Каджика, Каджи-бек. сын Сийа...Бикбая, Бачча-бахадур, сын Тасты-бика, Кулбулди, сын Джан-караджа (?), Хашимкул, [сын]
 10. ...кули, Джанназар, сын Йайча-бека, Турча (3)-:бай и Тулбай, сыновья ...-Мухаммад, сын Сари, Аул-гази и Шергази, сыновья Сейида, Халджа, сын Караджа, Тухтабай, сын Сахланди
 11. упомянутого, Тингыникул (?), сын Кутика-бая, Назар, сын упомянутого Сахланди, Сарикул, сын Берчи...сын Байкиши — в состоянии дееспособности и правомочности своих распоряжений, добровольно, по закону

12. в том, что: обратили мы в вакф и пожертвовали из лучших своих богатств и отборнейших владений [целиком и полностью участок], упомянутый выше, [являющийся] нашим правомочным владением и милком, со всеми правами [собственности] и сопутствующим устройством, а также все владения, которые
13. признаются за нами, [в пользу] ханака Шах-Рахматаллаха ишана, сына покойного Шир-Мухаммада ишана, а доходы с упомянутого участка в любое время, когда прикажет дающий пропитание... сполна водой и продовольствием [для] упомянутой ханака.
14. пусть расходуются. И упомянутые вакфодатели поставили условие, чтобы мутавалли в упомянутом вакфе был сам упомянутый ишан на протяжении всей жизни, а после его смерти — самые праведные из его сыновей. Если пожелают упомянутые вакфодатели
15. вернуть [себе] упомянутый вакф, то следует, чтобы кази ислама, разрешающий тяжбы, сведущий ... в устранении разногласий и противоречий улемов веры ... распорядился относительно правильности вакфа, во-первых, и относительно его неперменности,
16. во-вторых. И стало это вакфом правильным, увековеченным и постоянным, с тем, что он не продается и не назначается в махр. В этом заключается событие, которое записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

Вторым документом часть этих, часть других лиц того же рода бостон также обращали один из участков общей земли в вакф ханаки Шах-Рахматуллы.

Надо сказать, что вакфы пополнялись не только за счет пожертвования прихожан-мусульман, но и в результате купли земли духовными учреждениями, а иногда и методом насильственного присоединения (особенно если феодал-вакфоучредитель — влиятельный ханский сановник).

Видный ханский сановник киргиз-кыпчак Алымкул первоначально определял в наследственный вакф свои собственные или специально купленные земли, а став регентом, и казенные земли, как личные.

В 1278 (1861—62) г. он за 170 тилла купил у четырех землевладельцев участок в местности Палван (Андижанского района), где уже ранее имел собственную землю. Все это вместе с андижанским караван-сараям и пятью торговыми лавками Маргеланского базара он определил в вакф-авлод своему медресе в кишлаке Кара-Су ¹.

В 1281 (1864—65) г. Алымкул жертвует этому медресе еще 112 торговых лавок в вакф-авлод. В обоих документах было оговорено, что вакф нельзя сдавать в аренду на срок более трех лет ².

В Кокандском ханстве имела место довольно редкая практика мусульманского мира продажи земель в вакф. И она нашла также распространение среди киргизов.

В 1288 (1871—72) г. некие Байбек-Суфи и Нурмат Бек-Алиевы рода Койбка общества Ирке-Кашка продали участок пахотной земли на арыке Каирма в местности Арча-Мазар за 64 тилла мутаваллию мечети в махалля Алымбая

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 3435. Л. 2, 3, 14.

² Там же. Д. 34337. Л. 2—3 (4—5).

в г. Оше. Земля была куплена на вакфные деньги и присоединена к владению ошской мечети ¹.

В 1280 (1863—64) г. Курбан Ходжа Исламбаев продал за 28 тилла свой участок земли в кишлаке Кыпчак-Кургане мутаваллию сельской мечети. Так как деньги вакфные, то казий признал землю вакфной. Здесь же в 1282 (1865—66) г. Мухаммед Азимбай Сатыбалдыев продал за 17 тилла «участок земли со всеми водами и дорогами» мутаваллию той же мечети ². Недавний кочевник изредка еще предпочитал продавать землю в вакф, а не только жертвовать.

В целом вакфный институт землевладения в Киргизии не получил широкого распространения, а с присоединением к России был сначала существенно ограничен, а затем и почти полностью ликвидирован ³.

Сущность хозяйственной жизни киргизов раскрывалась в самом процессе использования пастбищ. Не затрагивая вопросов кочевания, кочевого цикла киргизов, рассмотрим лишь отношения населения к пастбищам в смысле их использования, фактическую и правовую нормы пользования пастбищами.

Пастбищные и вообще земельные отношения внутри племен, родов определялись обычаями. Земля считалась принадлежностью рода, племени, которые ею пользовались. Коллективность использования пастбищ и видимая

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34337. Л. 129 (130).

² Там же. Д. 34801. Л. 1—2 (3—4).

³ В 1882 г. в черте г. Оша вакфные земли составляли всего лишь 61 дес. 1340 кв. саж. // ООГА. Ф. 598. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

общность землевладения ставили пользователя или владельца в зависимость от наличного поголовья скота. При таком положении выходило, что чем больше скота имеет хозяйство, тем большую площадь пастбища оно осваивает и использует в качестве владельца. Общинная, коллективная форма владения и пользования пастбищами была в интересах феодалов, имевших преимущество в скоте и, следовательно, имевших *фактическое* право на использование большей площади пастбищ, имевших решающее право и вес в распоряжении коллективным владением. При необходимости феодал мог (и действительно делал это) обособлять пастбища в личное владение, огораживать их, превращать в запретные для окружающего населения владения — корук.

При нехватке пастбищ их можно было арендовать у правительства. Сдача ханских земель, в частности зимних пастбищ, в аренду киргизским родам была обыденным явлением и немалой статьёй ханского дохода. Арендная плата была денежной, в то же время сопровождаемой частично и натуральными подношениями. Так, при получении в аренду ханских зимних пастбищ (*корук*) в местностях Дам-Кул и Аччи, кочевники «из племени тюрк и некоторые из племени кыпчак и киргиз» выплатили 1 600 танга деньгами и часть натурой — сливочным маслом для двора Урман-бека, баранами для двора и на жертвоприношение¹.

Как видно из донесения (*ариза*) Худояр-хану от его курочки-баши Мухаммада Садика о сдаче им в аренду пастбищ киргизам, кыпчакам и тюркам в местности Гург-тепа,

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 584.

арендная плата взималась деньгами и составляла 4 танга с каждой сотни баранов ¹.

Арендвали пастбища общинами, земледельческие же участки чаще индивидуально. При этом основное влияние на формы землепользования киргизского населения, переходящего к оседлости, оказывало земледельческое узбекское население Кокандского ханства. Вообще процесс земледелия основывался на индивидуальных принципах. Особенностью киргизского использования пахоты было сравнительно большое значение и здесь общины. Коллективность сохранялась в создании и поддержании оросительной системы, иногда в совместной обработке земли. Но всегда на первый план выступала частная — индивидуальная — форма посева, снятия и распределения урожая.

Во время обследования комиссией Гомзина поземельных отношений в Туркестане местное население показало, что «самая распространенная форма пользования есть общинная, причем у киргизов она представляется самою чистою, у сартов, живущих в больших городах, наиболее видоизмененною интересами богачей, ограниченною и стесненною участковым видом» ².

Поставив вопрос: «Как пользуется землей местное население?», комиссия пришла к выводу о наличии двух форм пользования пахотой: общинной и подворно-участковой. По индивидуальному праву использовались земли усадебные, дворы, сады, частично клеверные и рисовые

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 585 а.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 22. Д. 3. Л. 93.

поля. Все остальные земли находились в общем пользовании сельских обществ, махалля, родов и отделений.

Комиссия показала процесс образования земледельческих общин и переход киргизов к земледелию под влиянием и по примеру узбекского оседло-земледельческого населения.

Явившись на новое место, бывшие скотоводы, пожелавшие осесть киргизы первоначально проводили арыки. Затем земля делилась по жребию на участки в соответствии с приложенным к ней трудом. Право на орошаемые земли и участие в пашнях передавалось по наследству, могло продаваться, но продажа была стеснена правом соседа и согласием общины. «У киргизов, — отметила комиссия, — прием этот стеснен более чем у сартов, у сих последних продажа земель и садов не стеснена произволом обществ, но лицо, купившее сад или дом, не делается вследствие сего членом общества, которое на него не отделяет участка»¹. Одной из распространенных форм пользования пахотными землями оседлого узбекского населения, заимствованной и киргизами, переходящими к земледелию, были *чеки*. В Кокандском ханстве чек (*чак*) — это феодальный надел для бедняка-земледельца, равный кошу, т. е. участку, обрабатываемому парой волов.

Термин чек употреблялся в значении меры земли, равной гязю, или площади $24 \times 18 = 432$ кв. локтя². В бытовом значении чек обычно обозначал участок земли, «дающий

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 22. Д. 3. Л. 89—96.

² К вопросу о землевладении в Туркестанском крае...

пропитание одному семейству»¹. «...Точкою отправления при разделах общественных земель служит кош, т. е. пара волов, запряженных в соху, с рабочим и ручными земледельческими орудиями, — заключала комиссия Ф. Гирса в 1863 г. — Общественная запашка ежегодно разделяется на несколько равных чеков или участков, сколько кошей принимало участие в поддержании и исправлении ирригационных работ»². После выделения чеки распределялись по жребию между земледельцами в зависимости от числа выставленных ими на работы кошей.

Участки таких земель-чеков, согласно обычаю, переходили даже в потомственное владение того, кто заведет на своем чеке сад, обнесет его оградой или выстроит дом, или даже просто засеет клевером. Однако хозяин чека обязан был по-прежнему за каждый участок выставлять на общественные работы по кошу.

Сохранились документы, раскрывающие процесс образования чеков в результате дробления феодального владения и передачи небольших участков для обработки дехканам, раздачи ханами и вакфными учреждениями неорошаемых ранее земель небольшими участками и т. д.³

Свидетельством того, что у киргизов чековая форма землепользования была не исключением, служат сохранившиеся наименования киргизских кишлаков с добавлением слова чек, а также прибавление к названиям отдельных юж-

¹ *Идаров С.* Поземельное право и податная система... С. 165.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 258/908. Аз. часть. 1868 г. Св. 460. Д. 6 а. Л. 242—243.

³ См.: *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений... С. 95—98.

нокиргизских родов термина чек. Например, Тубан-чек, Темен-чек, Алым-бек-чек и т. д.¹

Специфика феодального землевладения у киргизов и в Кокандском ханстве, заключающаяся в отсутствии феодального («барского») хозяйства, как бы компенсировалась своеобразной чековой формой землепользования. Чеки — мелкие дробные крестьянские хозяйства, основанные на землях государства и феодалов, — несли всю нагрузку феодальной и налоговой повинности. Земледельческого «барского» хозяйства, как такового, на территории Киргизии, равно и в Кокандском ханстве, не существовало. Его заменяли широко распространенные арендные отношения и чековая система землепользования. Кочевые же скотоводческие хозяйства в подавляющем большинстве были «барскими», использовавшими своеобразную отработочную систему зависимого дехканства и опиравшимися на патриархально-родовые традиции прошлого.

Таким образом, включение Киргизии в состав Кокандского ханства повлекло за собой изменения в традиционных формах аграрных отношений у киргизов. Хан юридически становился верховным собственником и распорядителем всех без исключения обрабатываемых и необрабатываемых, закреплённых за кем-либо и незакреплённых земель. Он — представитель государства, а стало быть все земли юридически считались государственной собственностью.

¹ Правда, следует учитывать и значение слова *чек*, как «предел», «граница», что показывает иногда и необязательную зависимость термина сугубо от землепользования. См.: *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь... С. 854.

Хан был вправе их дарить, продавать, жаловать кому-либо, отбирать и перепродавать.

В результате практики земельных отношений Кокандского ханства и в Киргизии сложилась система государственной, частной и общинной собственности на землю, система землевладения — феодального и крестьянского, система землепользования — индивидуальная и коллективная (общинная). По мере расширения сферы кокандского духовенства и на территории Киргизии возникают вакфные установления. Но влияние Коканда на земельные отношения киргизов в немалой степени зависело от прочности их власти в Киргизии и ослабевало по мере удаления от центров ханства. Более стабильно это влияние было в южных приферганских районах и часто фиктивным — в отдалённых северных районах Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Здесь киргизские феодалы фактически выступали в роли собственников земли и полных распорядителей пастбищ, сложилась традиция общинного землевладения и коллективного использования пастбищ, не получила распространения практика купли-продажи земельных участков, полностью отсутствовали вакфы.

В целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений среди киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

2. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЗБЕКСКОГО, ТАДЖИКСКОГО И КИРГИЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Концепция извечного антагонизма народов по образу хозяйствования — кочевников и оседлых, имеющая политический оттенок, опровергнута исторической наукой. Кочевые скотоводческие народы не следует противопоставлять оседлым земледельческим. На всем протяжении исторического развития они находились в тесном хозяйственном контакте, взаимодействии, взаимодополнении. В периоды военных катаклизмов завоевательная политика отдельных государей, правителей и феодалов нарушала естественный ход эволюции. Но земледелец не мог обходиться без скота, а кочевник — без продуктов земледелия.

Киргизы-скотоводы, являясь основным поставщиком мясомолочных продуктов и животноводческого сырья, тяглового скота для узбекских оседлых соседей, были в то же время потребителями продуктов земледельческого труда узбекского населения. Товарооборот удовлетворял эти взаимные потребности. Домашние ремесла и промыслы, играя подсобную роль, восполняли нужды быта.

Кокандское ханство, основу экономики которого составляло земледелие, подчинив киргизов, основное производство которых заключалось в скотоводстве, не способствовало прогрессу производительных сил киргизов, даже тормозило их. Изымая из оборота пастбища, конфискуя и перепродавая киргизские земли, нарушая традиционно сложившиеся пути кочевания преградами административного порядка, безмерным налоговым обложением и прямым грабеджом, Кокандское ханство вносило дезорганизованность

в хозяйственную жизнь киргизского общества. В этом проявлялась его отрицательная роль.

С другой стороны, оказавшись в рамках единого государства, узбеки, таджики и киргизы передавали друг другу производственные навыки, делились опытом ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства, участвовали в торговом обмене, взаимно удовлетворяя потребности в недостающих продуктах и предметах. Установившиеся более тесные хозяйственные контакты узбекских и киргизских труженников имели далеко идущие положительные последствия.

Сравнительно высокая степень развития орошаемого земледелия узбеков и таджиков, оседлый образ жизни влияли на обращение к земледелию и переход к оседлости части киргизского населения. В то же время скотоводческое киргизское хозяйство, пройдя определённую форму исторической эволюции, накладывало отпечаток на отгонное скотоводство узбекских земледельцев.

Хозяйство киргизских скотоводов отличалось своеобразием и спецификой производительных сил, характеризовалось разной степенью одомашнивания скота, специализацией и его продуктивностью. У них были неплохо развиты методы генетического улучшения породности и приспособляемости скота к данным природным условиям, методы управления стадом в зависимости от ориентации производства (на мясо, молоко, шерсть, трудовые процессы), методы целенаправленного и оптимального использования сезонных пастбищ.

Приспособленное к местным условиям и образу жизни орошаемое земледелие оседлого населения и кочевая система скотоводов в свое время поражали европейцев сво-

ей производительностью. Так, после завоевания Ташкента генерал М. Черняев, ознакомившийся с хозяйственной жизнью местного населения, в своем рапорте от 23 апреля 1865 г. отмечал: «Относительно земледельческой производительности страны едва ли потребуется с нашей стороны какого-либо вмешательства: земледелие и скотоводство находятся здесь на высшей стадии развития»¹.

Очень высокую оценку местного земледельческого хозяйства Ферганы по этнографическим материалам дает Р. Я. Рассудова. Она определяет Ферганскую долину с окружающими ее предгорьями как «единую экономическую область комплексного хозяйства», где существовала тесная взаимообусловленность между главными отраслями хозяйства — земледелием и скотоводством — а также внутри каждой из них². Земледелие достигло здесь сравнительно высокой рентабельности за счет сложных и разнообразных приемов сохранения и повышения плодородия почвы, рациональной организации сочетания отраслей и культур земледелия и т. д.³

Это, однако, вовсе не означало расцвета сельскохозяйственного производства в Кокандском ханстве. В целом кочевое скотоводство являлось экстенсивным, земледелие малопродуктивным. Царское правительство, действительно, не могло коренным образом повлиять на дальнейшее развитие сельского хозяйства в крае. Для этого

¹ Цит. по: *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией... С. 32.

² *Рассудова Р. Я.* Земледельческое хозяйство и местные рынки Ферганы... С. 69.

³ Там же. С. 70.

нужны были кардинальные политические, социальные, культурные и экономические преобразования. Но для своего времени и в сравнении с соседними странами хозяйство узбекского и киргизского населения не отличалось глухой рутинностью и абсолютной застойностью. Взаимное перенимание производственного опыта узбекского и киргизского народов выработало наиболее оптимальные хозяйственные типы для того времени, которые могли существовать лишь во взаимодействии и многое бы потеряли от изоляции.

Перейдем к рассмотрению конкретных форм хозяйствования киргизов конца XVIII — середины XIX вв.

Скотоводство. Киргизы с глубокой древности занимались скотоводством. В XVIII—XIX вв. у них уже прочно сложилась система скотоводческого хозяйствования, которая, впитав в себя многовековой опыт предшествующих поколений, в основных чертах была общей с процессом кочевого скотоводства других народов. Однако имелись и существенные отличия, заключавшиеся в том, что при стесненных горами пастбищах киргизы выработали свои строго определенные маршруты меридиально-вертикального кочевания, которые периодически повторялись. Киргизы всегда имели постоянные зимовки, на время которых «кочевание» в его прямом смысле приостанавливалось. Поэтому, в отличие от казахского, монгольского кочевого скотоводства, киргизское хозяйство скорее можно назвать полукочевым. Но поскольку большую часть года (примерно две трети) киргизы всё же проводили «в движении», хотя и были привязаны к определенным территориям: (сезонно-вертикальный цикл), в целом их и называли кочевым народом. В результате термин *кочевник*, который мы при-

меняем в данном случае к киргизам, вероятно, больше дань традиции и утвердившегося употребления в литературе, чем отражение действительного содержания, т. к. он наполнен новым смыслом.

Поверхностное рассмотрение хозяйства киргизов XIX в. создавало впечатление полной застойности производительных сил повторявшегося веками одного и того же цикла воспроизводства в скотоводстве. Однако при всей консервативности и отсталости восточно-феодальной деспотии Кокандского ханства, патриархально-феодальных отношений у киргизов, определенное движение производительных сил происходило и здесь.

В то же время родоплеменная раздробленность, неустанные набеги чужеземцев и внутренние феодальные распри, выливавшиеся в родо-племенную борьбу, являлись серьезным тормозом в развитии производительных сил, консервировали установившийся быт и старые идеологические воззрения. Общественный строй не способствовал прогрессу, но трудовые навыки накапливались и использовались для лучшего ведения хозяйства. Традиционные социальные институты кочевого и полукочевого киргизского общества эволюционизировали вместе и в определенной степени под влиянием социально-экономической структуры Кокандского ханства.

«Всякое кочевое общество, несмотря на свою застойность, — подчеркивает В. Ф. Шахматов, — имеет тенденцию к движению вперед — к более развитым формам хозяйства»¹, речь идет не об идеализации «номадизма», и не о восхвалении патриархальщины, а лишь об объек-

¹ Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община... С. 26.

тивном естественном процессе, присущем любому обществу. И кочевое общество состояло не из одних феодалов, враждовавших между собой, а из простого народа, который в трудовом процессе общался с соседней оседло-земледельческой культурой. Неизбежно происходил процесс взаимообогащения. Отрицая это, можно скатиться к формуле патриарха буржуазной историографии А. Тойнби, согласно которой «номадизм сам по себе является обществом без истории», пока его существованию не положит конец «натиск со стороны соседних цивилизаций»¹.

Под влиянием узбекского и таджикского населения эволюционное развитие киргизского общества шло в направлении оседлого земледелия — более высокой степени хозяйствования.

Источники XVIII в. в первую очередь подчеркивают кочевнический образ жизни киргизов, занятие их скотоводством. «Кочевое скотоводство — их занятие, мясо — их пища», — отмечают китайские источники XVIII в.² Другой источник примерно того же времени подтверждает: «Настоящие буруты перекочевывают, смотря по траве и воде, занимаются скотоводством и почитаются кочевым народом»³.

¹ *Toynbee H. A Study of History... V. III. P. 453—454. См.: Дахилейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии... С. 28.*

² Извлечение из «Описания виденного и слышанного о Западном крае»... См. также: *Тимковский Е. Путешествие в Китай... С. 253—257; Бичурин Н. Описание Чжунгарии...; Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов... С. 131.*

³ *Бичурин Н. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии... С. 574—575.*

Кочевническое хозяйство полностью являлось натуральным и самовоспроизводящимся.

Налет патриархальщины, замаскированность кровнородственными связями не мешали проявлению эксплуататорской сущности социальных отношений в их самой неприглядной форме, особенно когда это связывалось с борьбой за лучшие пастбища и увеличение поголовья скота. Здесь на первое место уже выступало право сильного. Кокандские ханы, беки и их ставленники на местах иногда сознательно провоцировали столкновения киргизов между собой или с соседними казахскими, кыпчакскими или узбекскими кочевыми феодалами. Однако в отдельные периоды место усобиц занимали добрососедские отношения и тогда кокандской эксплуатации противостоял уже прочный дружественный союз кочевников. Именно в это время кокандские налогосборщики и ханские войска часто встречали организованный отпор.

Размер земли, которая считалась, таким образом, обособленной территорией определённого рода или общины — аила, не определялся непосредственной величиной или естественными условиями местности. Границы были обусловлены в свое время захватом земель различными родовыми и хозяйственными группами населения и находились в зависимости от силы и власти феодала-родоправителя. Н. Аристов в XIX в. писал: «Основанием принадлежности земли является давность, но так как не только мелкие части родов, но и целые роды постоянно передвигались с места на место, то давность владения землями у киргизов вообще невелика: кочевника к земле никто не привязывает, была бы трава да клочок пашни... Тем не менее местность, на которой кочует известный

род, хотя одно поколение или несколько лет, почитается принадлежностью этого рода»¹.

Пользование пастбищами регулировалось обычаем, но на практике нередко соизмерялось мощностью подразделений и являлось предметом постоянных споров. «Сильные роды без нужды, не пользуясь сами захваченными пространствами, вытесняли слабейших соперников, теснивших в свою очередь другие, еще более беззащитные роды»².

Полевые опросные материалы, собранные нами в Чон-Кемине о перекочёвках киргизов в дореволюционные, в частности, кокандские времена, показывают, что летние пастбища закреплялись по родам на совете аксакалов, представляемых родо-племенными предводителями — манпами. Зимние же пастбища — *кыштоо* распределялись по семьям. Обычное время перекочёвок сарыбагышских киргизов из Чон-Кеминской долины: на весенние пастбища с 15 марта до середины июня, на летние — июнь—август, осенние — с сентября.

Амплитуда перекочёвок с зимних пастбищ на летние и обратно зависела от расположения родовых территорий, мощности хозяйств и длилась от одного дня до нескольких недель. Так, киргизы, зимовавшие в долине р. Чу и окрестностях Пишпека, по традиции обычно снимались в мае месяце и двигались через горные ущелья и далее в долину р. Сусамыр, возвращаясь на зимовки в течение июля — сентября³. У ферганских киргизов путь перекочёвок был

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 14. Д. 56. Л. 23—29.

² Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего... С. 225.

³ Кочевое движение киргизов Пишпекского уезда... Л. 1—2.

еще значительнее — кочевали на сотни километров в Кичи-Алай и Чон-Алай.

Наличие высокогорных пастбищ, таких как Алай и Сусамыр, привлекало в Киргизию скотоводов соседних районов: узбеков из Ферганы, казахов из Таласской долины. Летом нередко можно было встретить на киргизских джайлоо и узбекских, и казахских скотоводов. В июне — августе на Алае, например, могло сосредоточиться до 15 тыс. семей киргизов и узбеков, откармливающих на просторе рогатый скот и овец. Общее количество скота здесь в это время достигало полумиллиона голов¹. Однако на большие расстояния имели возможность перекочёвывать сравнительно мощные хозяйства, обычно обладатели одного-двух верблюдов. Без них даже с незначительным скарбом кочевнику пройти горы было довольно трудно. И бедняцкие хозяйства оставались на близлежащих от зимовок пастбищах, использовали по преимуществу высокогорные плоскогорья, плато, ущелья, ограничиваясь лишь видимостью кочевания.

Экстенсивное кочевое скотоводство требовало обширных пастбищ и определенного вида скота. Горно-пересеченный рельеф Киргизии, слабость торгового обмена между киргизами и другими народами вели к тому, что разводился главным образом скот, приспособленный к круглогодичному подножному корму.

Источники не сохранили данных даже для приблизительного определения численности скота в первой половине XIX в. в каком-либо одном районе или в целом по Киргизии. В то время не велось подобного учета. Однако

¹ Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары... С. 133.

отрывочные сведения, собранные в сер. XIX—нач. XX в., и этнографические материалы позволяют в ретроспективе рассмотреть вопрос о преобладающем виде скота и условно о его численности у киргизов в период Кокандского ханства.

Утвердившееся в литературе мнение, что до сер. XIX в. основное внимание киргизы уделяли разведению лошадей и меньшее значение придавали овцеводству, которое уступало коневодству даже по численности поголовья, видимо, нуждается в пересмотре или более убедительном обосновании. Авторы, обычно основываясь на опросных материалах, объясняют свое утверждение тем, что киргизам «приходилось все время кочевать, иногда вынужденно из-за больших неурядиц в степи. Зачастую приходилось стремительно срывать с места и поэтому держать малоподвижный скот (крупный рогатый скот, овец, верблюдов) было трудно»¹.

На этнографические материалы опирается в своих суждениях и С. М. Абрамзон, который считает такое положение сохранившимся до вхождения Киргизии в состав России²: К. У. Усенбаев изменения в видах скотоводства — от преобладания лошадей к увеличению роли и численности овец в киргизском хозяйстве — относит лишь к 40—50-м гг. XIX в.³ П. Погорельский и В. Батраков переломным моментом считают период зависимости киргизов от Коканда, когда «начинают приобретать все большее и большее значение овцы, как дающие все необходимое хозяйству

¹ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула... С. 18—19.

² Абрамзон С. М. Киргизы... С. 72.

³ Усенбаев К. Общественно-экономические отношения... С. 55.

(мясо, молоко, одежду, кошмы и т. д.), как разменная денежная единица, на которую постепенно возрастал спрос в Ферганской равнине с ее интенсивным земледельческим хозяйством». Это было связано, по мнению авторов, с «состоянием некоторого затишья в степи, определившегося еще до прихода узбеков, которые со своей стороны всячески старались внести в степь свой порядок и спокойствие, нужные им для упрочения своего экономического влияния среди кочевников»¹.

По нашему мнению, кратковременная зависимость киргизов от Кокандского ханства, вовсе не стремившегося к установлению «затишья», не могла привести к столь заметному изменению хозяйственной направленности местного населения, к резкому переходу в скотоводческом хозяйстве от коневодства к овцеводству.

Во-первых, политическое господство Кокандского ханства над Киргизией не было столь прочным, чтобы оказать такое существенное влияние на местное хозяйство.

Во-вторых, если учитывать политические запросы ханства, то ему выгодно было направлять усилия как раз на развитие коневодства (в основе ханского ополчения были конные отряды)².

¹ Погорельский П., Батраков В. Указ. соч. С. 19.

² Документы свидетельствуют, что специальными указами киргизы обязывались являться для воинской службы не просто на лошадях, а на отборных лошадях определенной масти. См.: Троицкая А. Л. Каталог... С. 296—298.

В ханстве имелся особый Алайский отряд. Рядовые конники, которые назывались *джаван*, должны были являться на своих лошадях. Один из кокандских документов о записи конников в войско содержит наказ ответственному за набор: «Перепиши достоверно

В-третьих, сама экономика ханства, базировавшаяся на земледелии оседлого населения, не нуждалась в перестройке от коневодства к овцеводству. Скорее можно было ожидать обратного — на лошадей всегда был больший спрос, чем на овец.

В-четвертых, внутренняя общественная жизнь киргизов с подчинением Коканду не претерпела серьезных изменений и вовсе не прекратились феодальные усобицы.

В животноводстве Киргизии на протяжении XVIII и XIX вв. по значению и количеству скота на первом месте стояли овцы, по численности во много раз превышавшие поголовье лошадей. Если обратиться к материалам середины и второй половины XIX в. (а материалы едва ли существенно отличались по сведениям о пропорциональном отношении численности видов скота от данных первой половины XIX в.), то преобладание овцеводства бесспорно и очевидно. Ч.Ч. Валиханов, в частности, сообщал, что разводили киргизы в основном баранов, лошадей, верблюдов, рогатый скот. Бугинцы имели до 100 тыс. голов лошадей, 100 тыс. верблюдов, 50 тыс. коров и до полумиллиона баранов¹. В. В. Вельяминов-Зернов в своей рукописи прямо подчёркивает, что кочевники Кокандского ханства из всех видов скота имеют «больше всего ба-

в каждом кишлаке людей состоятельных и сильных, юношей (искусных наездников) в козлодрании (бuzкаши), подданных (фукара), буде (у них) лошади хорошие, быстрые». В списках будущих воинов должна была отмечаться даже масть лошадей, на которых они должны были являться. См.: *Троицкая А. Л.* Несколько документов по военному делу... С. 139—142.

¹ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. С. 326; Т. 2. С. 191.

ранов»¹. И. Бардашев, прекрасно осведомленный о быте киргизов середины XIX в., также писал о преимущественном разведении киргизами овец².

Отчетные материалы уездных начальников за 1869 г. представляют следующие данные численности скота по его видам в хозяйствах северных районов Киргизии³.

Уезд	Овцы	Лошади	Верблюды	Крупный рогатый скот
Токмакский	576685	97147	14889	14370
Иссык-Кульский	359046	84805	5387	12001

И, наконец, чтобы было больше оснований для ретроспективного рассмотрения численности скота по его видам, сопоставим эти цифры с данными нач. XX в.: в 1915 г. в Киргизии в целом насчитывалось овец и коз 2 544 тыс., лошадей — 708 тыс., крупного рогатого скота — 519 тыс.⁴. Таким образом, в течение более полувека примерно стабильно сохраняется соотношение поголовья овец к поголовью лошадей, как пять/четыре к одному. На третьем месте стоял крупный рогатый скот, на четвертом — верблюды. И едва ли имеются серьезные основания для того, чтобы не считать аналогичным положение и в первой половине XIX в.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Торговое значение Кокандского ханства... (Рукоп.). С. 26.

² Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах... С. 151.

³ Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда...; Чайковский П. Ведомость о податях и недоимках в Иссык-Кульском уезде за 1869 год... Л. 46.

⁴ Киргизия в цифрах: Стат. сборник... С. 90.

Отличительной особенностью киргизского скотоводства, обусловленного специфическими высокогорными урочищами и плато, являлось яководство. Значение яководства заключалось в его рентабельности: животные не нуждались в заготовке кормов, сами добывали их себе; не нуждались в досмотре — сами паслись; им не страшны были хищники — волки яков обходили стороной. Однако яководство было незначительным, носило локальный характер, практиковалось только в высокогорных ущельях Таласа, Джумгала, Алая. Даже крупные саякские и сарыбагышские манапы имели лишь до 100 голов яков. Масовая эпидемия 1868 г. привела к почти окончательному исчезновению яков в Северной Киргизии ¹.

Феодальные отношения у киргизов особенно наглядно проявились через отношения собственности на скот. Скот у киргизов находился в частном владении, и каждый хозяин метил его особым знаком — *тамгой*. По замечанию исследователя быта таласских киргизов М. Н. Дивногорского, «тамги, которыми киргизы отмечают лошадей и крупный рогатый скот, древнего происхождения; они играют большую роль в скотоводческом хозяйстве при использовании весенних, летних, осенних и зимних пастбищ» ². К сожалению, сведения о тамгах очень отрывочны. И сегодня остаются в силе слова Н. Аристова, высказанные им в конце XIX столетия, что «отсутствие сведений... лишает возможности основательного и всестороннего изучения

¹ Из годового отчета о состоянии Токмакского уезда за 1869 г. ... Л. 112.

² Дивногорский М. Н. Материалы к изучению родового деления... Л. 5.

родовых тамг киргизов»¹. Тщательное исследование их способствовало бы выявлению процесса развития форм собственности на скот, а заодно и на пастбища — от коллективной родовой или общинной собственности к частной собственности отдельных хозяйств.

Экономическое благосостояние при кочевом экстенсивном скотоводстве зависело не только от производительных сил, консервативных в своей основе, но и от стихии. Экономическая неуравновешенность, периодические спады в развитии хозяйства отражались в первую очередь и особенно остро на беднейших слоях населения, разоряли середняцкие хозяйства, приводили к массовому обнищанию народа.

Экстенсивность кочевого скотоводства вела к тому, что хозяйство оставалось в целом на сравнительно низком уровне развития. Нужен был революционизирующий производительные силы толчок, чтобы существенно повысить уровень скотоводства, увеличить поголовье стада, улучшить породность, интенсифицировать использование пастбищных угодий. Кокандское ханство не могло служить подобным стимулятором.

¹ *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава... С. 456. См. также: упоминания в рукописи М. Н. Дивногорского из архива РГО, рукописи И. Бардашева из РГВИА, карты с тамгами Н. Ф. Петровского и краткие замечания в работах В. Радлова, Н. И. Гродекова, Н. Аристова и Н. Г. Малицкого; тамги были сведены в таблицу (и только по Северной Киргизии) С. М. Абрамзоном в приложении к статье об этническом составе дореволюционных киргизских племен. См.: *Radloff W.* Aus Sibirien... Т. 1. S. 534; *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы..., прилож. С. 7—8; *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава... С. 456; *Малицкий Н. Г.* О связи тюркских тамг... С. 46—47; *Абрамзон С. М.* Этнический состав... С. 99—104.

Этнографы С. М. Абрамзон, А. С. Бежкович, историки Б. Д. Джамгерчинов, К. У. Усенбаев и др. дали обстоятельное толкование вопросов кочевания у киргизов, поэтому нет оснований здесь детально останавливаться на этом. Подчеркнём лишь, что, являясь коллективным (кочевали общинами, родами), процесс кочевания не нивелировал классовые отношения и не затушёвывал их. И право перекочёвки первым, и право выбора лучшего пастбища принадлежало феодалу — родоправителю и манану. В то же время внешне создавалась иллюзия, что этот процесс перекочёвок регулировался *обычаем*, и феодалы выступали лишь в роли *знатоков*. По обычаю никто не должен был перекочёвывать на пастбища, прежде используемые другим айлом. Для предотвращения споров на места перекочёвок заблаговременно посылались нарочные от айла, которые по прибытии на пастбище обязаны были поставить «знамя или оставить какой-то знак (шапку, халат и проч.) для предупреждения других, что место это занято»¹. Чужаки, являвшиеся со скотом из других местностей для пастьбы скота, выставляли ранее пришедшему айлу барана в виде угощения — *союш*². Самовольное занятие чужого пастбища вызывало ожесточённые споры, нередко перераставшие в вооружённые столкновения.

В целом влияние Кокандского ханства на скотоводческое хозяйство киргизов нужно рассматривать в двух аспектах: во-первых, влияние на те хозяйства, которые были непосредственно в общей орбите экономики ханства

¹ Загряжский Г. Юридический обычай... С. 183—184.

² РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 258. Л. 68.

и находились вблизи городов; во-вторых, на те хозяйства, которые были далеки от центра ханства, соприкасались лишь с кокандскими крепостями, жили в своей родо-племенной системе под началом бай-манапов.

Если в первом случае Кокандское ханство могло более активно вмешиваться в хозяйственную жизнь киргизов, могло, но часто не имело практической возможности, то во втором — всё ханское влияние сказывалось лишь через налоговую систему — увеличение сбора того или иного вида скота.

Между киргизскими кочевыми феодалами и оседло-земледельческой узбекской знатью Ферганы нередко происходили столкновения и споры за землю. Но не исключением была и такая картина, когда узбеки, таджики, казахи пасли летом скот на киргизских пастбищах, а киргизские скотоводы осенью, после снятия урожая, использовали стерню для кормления скота. Так, земельных споров между кочевниками и оседлыми городскими жителями, по сообщению В. Мединского, в Таласской долине, например, не возникало. Население Аулие-Ата владело незначительным количеством скота, и летом киргизы ничего не имели против его выпаса на киргизских землях. Зимой же этот скот держался на стойловом корме. Летом киргизы близко к селениям оседлых жителей не прикочёвывали, чтобы случайно не произвести потрав пашен, клевера или огородов ¹.

В целом киргизские скотоводы не заготавливали сена на зиму, но под влиянием узбекского и таджикского

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865. Св. 892а. Л. 776.

земледельческого населения некоторые стали заниматься сенокосом. Во время своего пути в Йэттишар по дороге из Оша на Алай в 1876 г. А. Н. Куропаткин видел на крышах киргизских зимовок небольшие запасы клевера ¹.

Земледелие. Одним из примеров влияния узбекского населения на хозяйственную жизнь киргизов являлся переход части их к земледелию и в определенной мере — к оседлости.

Между очагами оседлости в Фергане, между городами, сёлами, кыштаками уже встречались киргизские айлы, которые к чисто кочевым отнести было нельзя. «Они ведут полуоседлую жизнь, которая в недалёком будущем совершенно обратит их в оседлость», — писал в 1875 г. А. Кун ².

Роль земледелия в киргизском хозяйстве XVIII — первой половины XIX в. была более существенной, чем это представляется некоторым исследователям. Еще недавно бытовало мнение вообще об отсутствии земледелия у киргизов и чисто кочевом скотоводческом хозяйстве. Основная причина этого крылась в неизученности источников и некритическом подходе к этнографическим материалам, в которых обычно принижалась роль земледелия. Даже одни и те же авторы XIX в. не всегда были последовательны в своих оценках. Так, в одном случае М. И. Венюков, побывавший в северных районах Киргизии в 1859—1860 гг., писал, что хлебопашество здесь составляло общее занятие киргизов ³. Однако в другой

¹ *Куропаткин А. Н.* Кашгария... С. 222.

² *Кун А.* Очерк Кокандского ханства... С. 62.

³ *Венюков М.* Путешествия по окраинам Русской Азии... С. 160—164.

работе, написанной несколько позже — в 70-х гг., он же отмечал, что земледелием занимаются очень немногие из киргизов: «К хлебу народ привык еще очень мало, заменяя его сполна мясом, курт¹ и другими продуктами скотоводства»².

Р. Данибегашвили, путешествовавший в более ранний период (к. XVIII — нач. XIX в.), писал, например, что не заметил у киргизов, казахов, калмыков вообще земледелия, и сделал вывод, что они «не упражняются совсем в земледелии... Скотоводство есть единственное их занятие»³.

В то же время восточные источники XVIII в. неоднократно свидетельствовали о занятиях киргизов земледелием. Так, «Высочайше утвержденное географическое описание Западного края», составленное правительственным цинским комитетом во второй половине XVIII в., отмечало, что киргизы «предпочитают скотоводство, но занимаются и обработкой земли»⁴.

В последнее время трудами советских историков несколько пересмотрена скептическая оценка киргизского земледелия в прошлом. Это отмечает в частности, К. У Усенбаев⁵, подчеркивает и убедительно обосновывает этнографическими материалами С. М. Абрамзон⁶.

¹ *Курт* — засушенный шариками солёный творог.

² *Венюков М.* Материалы для военного обозрения русских границ в Азии... С. 105.

³ *Данибегашвили Р.* Путешествия... С. 36—37.

⁴ Извлечения из кит. ист. Пер. с кит. Е. И. Кычанова. (Рукоп.). Инв. № 3088.

⁵ *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения... С. 67—68.

⁶ *Абрамзон С.М.* Киргизы... С. 86.

Действительно, внимательное рассмотрение источников позволяет прийти к выводу о более важном, чем принято было считать ранее, значении земледелия в экономической жизни Киргизии XVIII—XIX столетий.

Превосходный знаток Ферганы В. Наливкин совершенно справедливо объяснил вовлечение киргизских скотоводов в земледелие экономическими потребностями: «Со временем невозможность удовлетворения даже самых основных потребностей жизни за счет одного скотоводства заставила всех почти киргиз[ов] завести у себя запашки, частью в среднем поясе долины, а главным образом в окружающих ее горах...

В настоящее время между киргизами Ферганской области, — заключал В. Наливкин в 80-х гг. XIX в., — не имеют посевов те только бедняки, которые не успели своевременно приобрести частной поземельной собственности в виде возделанных и искусственно орошённых полей». В результате среди киргизов Ферганы кочевников, в строгом смысле этого слова, ко второй половине XIX в. уже не было ¹.

Обращению к земледелию в немалой степени способствовали тесные контакты киргизских скотоводов с узбекскими земледельцами в период Кокандского ханства. Традиционно соседствуя в Фергане, киргизы перенимали у узбеков и таджиков навыки земледелия и ирригации, приобретали семена, заимствовали орудия труда, опыт хранения зерна и другие необходимые земледельцу знания.

Одно из первых упоминаний о хозяйственных контактах узбеков Коканда и киргизов Оша относится еще

¹ *Наливкин В. П.* Краткая история... С. 39.

к 60-м гг. XVIII в. С захватом Оша в 1762 г. кокандский правитель Ирдана направил специально в город 50 семей колонистов для организации здесь рисовых плантаций. Когда через три года Ирдана вынужден был оставить город и Ош вновь перешел под власть киргизского правителя Хаджи-бия, рисовые поля продолжали использовать уже местные жители. Таким образом, можно считать определенным, что с 60-х гг. XVIII в. под воздействием узбекского населения началось возделывание риса на территории Киргизии.

Обращение к земледелию было иногда связано с частичным или полным переходом от кочевания к оседлости. Интересен в этом смысле документ из материалов комиссии К. К. Палена, представленный ферганскими киргизами в 1903 г.

«Мы, жители общества Буджун-Бадкан и Карабулак, все родом киргизы, с незапамятных времен, т. е. наши деды и отцы, поселились в указанных местностях еще в ханские времена, и так как в этих местностях земли оказались пригодными для обработки, то поселившись на них и начали обрабатывать таковые, эти же земли оказались пригодными для искусственного орошения из вод, идущих с гор, родников и озер, и вот на этих землях поселились наши деды и отцы и понастроили себе на указанных землях дома, развели сады и заделались оседлыми жителями, так что на кочевку куда-либо не выезжают, а занимаются специально земледелием и садоводством. Землями этими владеем мы в данное время так же, как и в ханское время, сами их обрабатываем...»¹.

¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 262. Л. 195.

Интенсивное оседание киргизов рода багыш в северо-восточной Фергане началось с к. XVIII в., когда они, «уже сильно нуждавшиеся в зерновом хлебе, по собственному своему почину приступили к сооружению громадной арычной системы, орошающей теперь ту равнину, которая лежит в границах: Нанай, Ахтам, Сафит-Булян»¹. Столетие спустя сюда пришли переселенцы из Туркестана и Чимкента и основали свои селения на территории уже в значительной степени орошённой.

Сохранилось прошение киргизов Пишпекского уезда от 1897 г., в котором они пишут, что еще в 1852 г. их предки — «деды и прадеды» — провели арык на восточном участке от р. Чу около горы Кантау — наиболее удобном для земледелия. На орошаемой площади были устроены пашни, засевался клевер, разведены сады, были возведены даже постройки².

Курганчи киргизов в Фергане, где они зимовали, обычно группировались вокруг кишлаков оседло-земледельческого узбекского населения. В Восточной Фергане основным центром, вокруг которого зимовали киргизские роды, был Сузак³. Процесс обращения скотоводов-кочевников к земледелию можно проиллюстрировать следующими примерами, основанными на показаниях киргизских жителей окрестностей г. Джалал-Абада (конец XIX в.).

В 1273 (1846—1847) г. Худояр-хан отобрал у жителей кишлака Сузак полузаброшенные земли, на которых лишь

¹ *Наливкин В. П.* Краткая история... С. 25. Правда, автор ошибочно считает *багыш* не киргизским, а узбекским родоподразделением.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 1—3. Д. 65. Л. 6—7.

³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 93. Л. 41.

изредка высевались неполивные культуры. Для углубления и расширения старых арыков было мобилизовано население левобережья Кара-Дарьи. Орошённую землю раздали в пользование чеками киргизам и узбекам. Так, близ Джалал-Абада возникло первое узбекско-киргизское селение — Хан-Абад. Рядом с этим районом, еще до образования кишлака, было несколько киргизских курганчей (рода *карабагыш*), связанных между собой незначительными участками обрабатываемой земли. Затем несколько семей киргизов другого рода (теит) приобрели землю у карабагышей, поселились рядом с ними и также начали наряду со скотоводством заниматься земледелием. По соседству находился кишлак Джигда-Могол. Его земли некогда принадлежали узбекам и киргизам Сузака. Примерно в 50-х гг. XIX в. они были перекуплены киргизами родов *могол* и *найман*. Осевшие здесь бедняки не имели достаточно скота для откочёвок на лето, поэтому и вынуждены были обратиться к земледелию. Было расширено три старых арыка — Ямындыр, Бадальбай и Джигда, прорыто два новых канала под названием Кыпчак-Арык, и киргизы занялись земледелием, однако к полной оседлости так и не пришли ¹.

После снятия урожая пахотная территория и узбекских кишлаков, и киргизских аилов становилась общинным пастбищем, что влекло за собой единый и обязательный для всех севооборот и единовременный хозяйственный процесс, по крайней мере, в рамках района.

В большинстве своем земледелие соседствовало со скотоводством, являясь дополнением к нему, и поэтому

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 71—79.

киргизов-земледельцев можно было встретить не только в долинной части Ферганы, но и на высокогорьях. Первые русские исследователи даже в высокогорном Атбаше у киргизов встречали «немногие пашни и много следов орошения»¹. Орошаемым земледелием занимались и на высокогорном Алае, хотя и в очень ограниченных масштабах. А. П. Федченко сообщал, что алайские киргизы после отгона скота на летние пастбища возвращались к зимовкам и жили «возле своих пашен... до тех пор, пока хлеба созреют, и они уберут их»².

Земледелие служило не только важным подспорьем, но и необходимым элементом хозяйствования киргизов, без которого была немислима нормальная жизнь. В одном из писем к русским властям в к. 1856 г. бугинские манапы, жалуясь на феодальные усобицы с сарыбагышами, просили о защите: «Сарыбагыши, — писали они, — забрали наш Иссык-Куль, и если мы лишимся своих пахотных мест, то мы не знаем, где жить нам»³. В другом письме сарыбагышский манап Ормон так объяснял обращение к земледелию: «...мы теперь бедные люди, а если не займемся пашнею, то нам невозможно будет существовать». И далее: «Народ наш без пашни существовать не может»⁴.

Создание на территории Киргизии системы кокандских крепостей насильственно стимулировало в определенной степени местное население к производству зерновых для

¹ РГВИА. Ф. 400. Аз. часть. Оп. 1869. Д. 37. Л. 43.

² Архив РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 1.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 18. Л. 171.

⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Св. 884. Д. 51. Л. 6—9.

прокормления гарнизонов. Так, в 50-х гг. окрестные киргизы были обязаны доставлять в Аулие-Ата, Мерке, а также Пишпек и Токмак до 20 тыс. батманов зерна, в 60-х гг. это количество снизилось до 7 тыс. батманов, но зато приходилось доставлять еще 14 тыс. снопов соломы ¹. В начале 60-х гг. А. Проценко писал, что каждый киргизский род обязан был доставить в соседнее укрепление определенное количество пшеницы и проса для гарнизона. Зерно преимущественно собирали отряды, выходявшие из Пишпека, Мерке и Аулие-Ата ².

Знарок истории Средней Азии П. П. Иванов, собиравший в 20-х гг. XX в. в северных районах Киргизии археологические и этнографические материалы, пришел к заключению, что «лишь с начала XIX в. мы видим некоторые признаки возрождения здесь оседло-земледельческой культуры, проникавшей сюда с развитием кокандской колонизации» ³. Не заводя своей оседлости, кокандцы не препятствовали, а поощряли занятие киргизов земледелием: пашни привязывали кочевников к определенным местам, что облегчало обложение их налогами.

«Кокандцы это ясно сознавали, — подчеркивал в 60-х гг. Н. Северцов, — и дорожили киргизскими пашнями у своих укреплений..., а потому и не заводили своей, сартовской оседлости. Кроме гарнизона в крепостях были немногие торговцы, ремесленники, огородники и то отчасти из гарнизонных сарбазов, и вся эта небольшая сартовская

¹ Южаков Ю. Наши приобретения в Средней Азии... С. 765.

² ЦГА РУз. Ф. И. 715. Д. 18. Л. 171.

³ Архив ИВР РАН. Р. II. Оп. 6. Д. 31. Л. 97.

колония занимала (под садики и огороды) ничтожные клочки земли, менее 10 десятин, как, например, у Пишпека»¹.

А. П. Федченко во время путешествия по Кокандскому ханству оставил такую характеристику киргизского земледелия в Фергане: «Не говоря о пастбищах, все поля и вообще плантации, виденные нами, принадлежат уже киргизам, и, прибавлю, носят киргизский характер: это все одиночно стоящие курганчи с несколькими деревьями, разбросанными кругом полями, между которыми оставлено много залежи для пастьбы скота зимой»².

Вообще орошаемое земледелие в Киргизии преобладало, являясь основным, но не исключалось полностью и богарное земледелие, хотя его роль была сравнительно незначительной. Сохранились только отдельные упоминания в документах о кайрачных землях, богаре, на которой засеивали яровые хлеба³.

¹ *Северцов Н. А.* О русских поселениях... С. 105.

² *Федченко А. П.* Путешествие... С. 349.

³ Поскольку некоторые исследователи, в частности, даже такой наблюдательный ученый, как А. П. Федченко, отрицали кайрачное земледелие у киргизов и говорили только об орошаемом, укажем несколько документальных свидетельств. Так, по васике 1268 (1851—1852) г. одна киргизская община продала феодалу Алимбек-бию Саидбиеву общий кайрачный участок в районе Узгена. Упоминания об обработке неpolивных земель встречаются и среди описания границ вакфных участков. В вакф-наме от 1279 (1862—1863) г. указывается: «Общая земля, засеиваемая под дождь (ляльми, кайрак) общества букара, Даукат-бий, Аруин, Юкти и Сары-баба». По вакфному документу 1287 (1870—1871) г. среди границ пожертвованного участка в местности Кутарма, близ Науката, значились с севера «поля ляльми, засеиваемые отделениями атека» // ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 36763. Л. 10; Д. 34965. Л. 3 (1); Д. 34961. Л. 5.

Занятие земледелием иногда начиналось на целине, на кайраках, со временем орошаемых. Так, на кайрачный участок земли киргизов рода басыз близ Яссы в Андижанском вилайете, площадью около 350 танапов, феодалом Чичкан-бай-бием был проведен арык; углублял и расчищал арык и внук Чичкан-бая, сын Исмаила — Алиджанбий. Орошенной землей пользовались представители рода более 75 лет ¹.

Археологическое обследование территории республики показывает, что орошаемое земледелие было многовековой отраслью народного хозяйства в Киргизии. Сохранились многочисленные остатки древних арыков, связанные хронологически с древними и средневековыми поселениями, а также более поздними кокандскими укреплениями.

Даже в высокогорном Алае к началу XX в. сохранились остатки старой ирригационной сети: арыки были выведены из родников и горных речек и спускались в долины по склонам гор и холмов. Некоторые из них представляли хитроумное сооружение, вызывавшее восхищение туркестанских ирригаторов. Наиболее известные арыки зафиксированы в статистических материалах, это — Джал, Арам-Кунгей, Кырчин, Чат, Чурунды, Джарты-баш и мн. др. ²

Первые сведения, собранные туркестанскими чиновниками, говорят об идентичной практике проведения арыков у узбекского и киргизского населения. «Для устройства арыка рабочие из киргиз нанимаются, а каждая юрта того отделения, которое проводит арык, высылает рабочего, а для прокормления их делается раскладка между

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 25. Оп. 1. Д. 65. Л. 295—296.

² Стат. обзор Ферганской области за 1911 год. Приложение... С. 116.

кибитками на потребное количество баранов, равно как раздают и деньги, следующие на приобретение кетменей». В отличие от кочевников, у оседлого населения хозяйство могло (что было нередко) сдать деньги вместо того, чтобы выставить рабочего. На собранные деньги нанимались рабочие¹. То есть, в кочевом обществе преобладали натуральные формы труда и оплаты, в оседло-земледельческом уже практиковался наём работников для сельскохозяйственного производства.

Орошение полей на юге Киргизии регулировалось «по очередям, установившимся или ханскими грамотами, или обычаем, или же, наконец, правами известного общества, вытекающими из затрат, употребленных на устройство арыков»².

Занятие земледелием отражало более резко, чем скотоводство, классовую структуру общества. Непосредственно земледельческий процесс был уделом бедняков, в то время как результаты этого труда присваивались феодалами. Н. Северцов писал, что «киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, которым недостаток скота не дает возможности кормиться кочевой жизнью, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам, вообще старшинам и самым богатым и влиятельным киргизам, доставляя им весьма почтенные доходы, — между тем как игенчи, рабочие, только что кормятся, ходят в лохмотьях, безоружны и пеши»³.

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865. Св. 892а. Л. 775—776.

² Из объяснительной записки 1882 г. // ЦГА РУз. Ф. И. 23. Оп. 1. Д. 262. Л. 62.

³ *Северцов Н. А. О русских поселениях...* С. 105.

В условиях замкнутости натурального хозяйства и ограниченности торговли, носящей потребительский характер, сельскохозяйственные орудия были довольно архаичными.

По налоговым спискам-дефтерам из архива кокандских ханов, в которых перечисляются натуральные сборы с оседло-земледельческого населения, с достаточной уверенностью можно определить сельскохозяйственные культуры, получившие распространение в Кокандском ханстве и земледельческих районах Киргизии. Это в первую очередь зерновые — джугара, ячмень, кунжут, лён, пшеница, рис, а также хлопок, опийный мак (кукнар/кокнар), морковь и другие полевые культуры.

Культуры и семена не отличались особым разнообразием. Наиболее ранней из появившихся в высокогорных районах Киргизии культурой, самой неприхотливой и урожайной, являлось просо. Причем его распространение в горах киргизы связывают с Ферганой и относят к очень давним временам ¹. Второй распространённой культурой была пшеница — буудай. Появление её в Чуйской долине киргизские предания связывают с Таласом. Семена для посева алайские киргизы получали в основном из Каратегина. Во время пребывания А. П. Федченко на Алае отношения Коканда с Каратегинном ухудшились, и киргизы

¹ По преданиям, записанным в 1928 г. этнографом А. Бежковичем в Чуйской долине, раскрывается следующая картина: «Когда-то очень давно, когда еще киргизы ничего не сеяли, один киргиз (рассказчик имени его не называет) ходил пешком через горы в г. Андижан и там у узбеков учился сеять, поливать, жать, молотить просо. Учился он несколько лет, а выучившись, вернулся на родину и принес с собой семена проса. С тех пор киргизы сеют просо...». См.: *Бежкович А. Киргизское бытовое земледелие... Л. 7.*

остались без посевного зерна, поэтому взору путешественника предстало очень много незасеянных полей ¹.

К перечисленным культурам можно добавить табак, кукурузу, тутовые деревья, лён-зыгыр, правда, разводившийся только из-за семян.

Хлопок в Кокандском ханстве начали разводить до присоединения к России, и занимались им в основном оседлые узбеки. На территории Киргизии хлопок высевали лишь в окрестностях Оша. В 1877 г. здесь сняли урожай хлопчатника в 6,2 тыс. пудов ², но в целом культивирование хлопчатника было довольно скромным.

Домашние промыслы и торговля. Натуральный характер экономических отношений киргизского общества предполагал развитие наряду со скотоводством и земледелием также необходимых в быту и хозяйстве каждой дехканской семьи домашних промыслов и ремесел. Производя для своего потребления помимо хлеба, продуктов скотоводства также пряжу, холсты, предметы одежды, крестьянское патриархальное хозяйство, говоря словами К. Маркса, выполняло «общественные функции в своей натуральной форме» ³. В общинах докапиталистических способов производства К. Маркс видел характерное соединение мелкого земледелия с домашней промышленностью.

Процесс домашнего производства был ограничен рамками семейного коллектива: одни ухаживали за скотом, другие готовили сырьё, третьи делали из него войлок или

¹ Архив ИВР РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 1. Л. 113; Туркестанские ведомости. 1871. Л. 35; *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан... С. 372.

² ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23344. Л. 48.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23... С. 88.

выделывали кожи, шили одежду и т. д. Здесь ещё не произошло общественного разделения труда, из домашних производств не выделилось самостоятельное ремесло.

Необходимые элементы домашнего промысла, ремесленного производства, товарообмена и торговли не вели в таком обществе к возникновению капитализма. Зачатки товарного производства, рыночные связи выступали здесь как феодальные.

Киргизия — горный край. Природа щедро одарила его травой, водой, лесом и минералами. И то, что лежало на поверхности и не требовало особых затрат, находило применение в хозяйстве кочевника-скотовода и земледельца-хлебопашца, добывалось промыслами, использовалось в домашнем производстве. С экологической точки зрения интересно бережное отношение киргизского населения к богатствам окружающей природы. В то время леса, покрывавшие склоны гор, рассматривались как драгоценное достояние. Хорунжий Н. Потанин, сопровождая возвращавшихся из России в Коканд ханских посланников, в 1830 г. сообщал, что горы Ала-Тоо изобилуют «разного рода лесом», но киргизы никому, в том числе и кокандцам, не разрешали им пользоваться «даже за плату»¹. Сами жители не только довольствовались дарами «открытой» природы, но и занимались в некоторой степени разработкой отдельных видов естественных и минеральных богатств. Охота выступала как бы подсобным промыслом. Бедняки-охотники добывали шкуры и маральи рога для баев, биев и манапов. Сарыбагышский манап Ормон содержал несколько охотников специально для отстрела маралов

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 24766. Л. 19—20.

из-за лечебного свойства их рогов ¹. В. Радлов отмечает распространение у киргизов охоты с ловчими птицами ².

С середины XIX в., по словам Ч. Валиханова, из-за возросшего спроса на звериные шкуры со стороны приезжих купцов, киргизы стали промышлять зверя ловушками и капканами. Одна рысья шкура оценивалась в 5 баранов ³. Н. Северцов со ссылкой на Г. Загряжского упоминает даже один из киргизских родов — *сатыке*, который бежал от междоусобиц в глухие горы и промышлял охотой ⁴.

Охота рассматривалась как удел самых обездоленных людей. Однако среди киргизов были и признанные искусные охотники, память о них сохранилась даже в фольклоре. Для феодалов охота являлась развлечением и своеобразным видом спорта ⁵. Согласно нашим опросным сведениям, не гнушались охотой крупные сарыбагыш-

¹ Венюков М. Очерки Заилийского края... С. 109—110.

² Radloff W. Aus Sibirien... S. 528.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. 1... С. 327.

⁴ Известия РГО. Т. V. 1869. С. 233. Несколько более поздние данные показывают следующую картину промыслового отлова киргизами пушного зверя. См.: Зенков П. Звериный промысел...

Район	Добыто					
	лисиц			куниц		
	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Иссык-Куль	2200	1200	700	-	80	80
Нарын	1700	1700	1500	50	150	150
Токмак и Верный	1300	1500	2000	-	20	70

⁵ См.: Абрамзон С. М. Краткий предварительный отчет...; Фиель-струп Ф. А. Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов... Л. 7.

ские манапы Джантаевы, выезжавшие для этого весною из Чон-Кемина в Чуйскую долину и на Иссык-Куль. Трофеи охоты в виде пушнины и маралых рогов через кокандских купцов попадали в города Ферганской долины и Восточного Туркестана.

Кокандские предприниматели сами занимались на территории Киргизии разработкой отдельных видов полезных ископаемых, привлекая при этом как подсобную рабочую силу окрестное киргизское население, что, однако, не исключало самостоятельных киргизских промыслов. Свинцовую руду «в значительном количестве» добывали в горах Кара-Тау и «вообще в горах Ала-Тау», — сообщал в середине XIX в. анонимный автор «Обозрения Кокандского ханства»¹.

В горах Чаткала, к северу от Сыр-Дарьи, на расстоянии двух дней пути от Намангана в первой половине XIX в. имелись серебряные рудники. Там и сейчас видны внушительные стены крепости. Руда добывалась кокандцами высоко в горах лишь в продолжении трёх относительно тёплых летних месяцев. Имелся «прииск серебряной руды» и в четырех днях пути от Намангана по дороге к укреплению Кетмень-Тюбе. В 1839 г. на руднике было добыто 1 000 чарьяков (*чарьяк* — ок. 4,5 пуда) руды, из которой можно было получить 100 чарьяков свинца, а также 1 чарьяк чистого серебра². В разработке, естественно, принимали участие в качестве рабочей силы и коренные жители, но металл шел в основном в Кокандское ханство. Как сказано в приводившейся записке, свинцовых руд в горах

¹ РГВИА. РФ. Ф. ВУА. Д. 19254. Л. 12, 14.

² Там же.

Ала-Тоо добывалось вполне достаточное количество для обеспечения потребностей кокандского войска.

В республике целенаправленно не занимались изучением горнорудных памятников позднего средневековья и XVIII—XIX вв., но имеющаяся небольшая литература (П. П. Иванов, М. Е. Массон, В. Т. Сургай, М. А. Бубнова) наводит на мысль о необходимости специальных исследований в этой области.

В 1976 г. во время рекогносцировочной поездки (в рамках темы по археологической карте Киргизии) мы посетили довольно известный в старину рудник Кан-и Гут («Рудник погибели»). Одно из названий местности также Шадимир.

По случайным археологическим находкам М. Е. Массон заключает, что прилегающая к пещере территория была обжита с рабовладельческого периода. Интенсивные разработки свинца и железа здесь велись в VI—XI вв. находка в одном из пещерных ответвлений 23 ферганских монет квадратной формы с надписью *ройдж* (т. е. «ходячая» монета) свидетельствует, что в к. XVIII — нач. XIX вв. здесь продолжали добывать руду. В кокандский период были сведения, что в районе Кан-и Гут местные киргизы добывали свинец для своих охотничьих нужд. М. Е. Массон сообщает, без указания источника, что в 1850 г. пещеру посетил кокандский курбаши с несколькими рабочими. У входа в пещеру они видели надпись на неизвестном языке, отметили большое число подземных ходов и в разных местах деревянные крепи ¹.

Свое название рудник получил от преданий, связанных с кокандским ханом Худояром. При нем осуждённых на

¹ Массон М.Е. Рудник погибели... С. 34—35.

казнь спускали в пещеру на поиски сказочных сокровищ. Там они либо гибли, либо убивались стражей по возвращении с пустыми руками.

Нашим проводником был житель соседнего села Ак-Татыр Мурзакулов Пиридид, в 1950—1953 гг. работавший на руднике проходчиком.

Основной вход в пещеру — на юго-восточном склоне средней горы. Он прикрыт холмами, издали не виден и открывается только после подъезда по урочищу. Внушительный, нависающий горными глыбами грот продолжался некогда узким лазом, который вёл к рудным жилам и там уже расширялся в рабочие камеры. Мурзакулов ещё помнит этот узкий ход, в который едва мог пролезть человек. С началом промышленных разработок в 1949 г. грот расширили, срубили опасные навесы камней, а узкий лаз превратили в широкий проход, переходящий в штольни, поэтому никаких старинных надписей уже нет.

Слева, метрах в 40, была пробита новая штольня, а справа, примерно в километре, еще один старый пещерный вход. У его основания — развалины жилых каменных строений, по крайней мере, полуторастолетней давности. По всей вероятности, они служили жильём рудокопов в период Кокандского ханства — последний в предреволюционное время этап функционирования рудника. Внутри рудник представляет собой лабиринт узких, опасных из-за вертикальных колодцев проходов. По словам Мурзакулова, ходы тянутся на километры, внутри имеются целые галереи, залы, даже водоём. По основному створу пещеры встречаются ответвления, уводящие в сторону, нередко такие, что человек с трудом может протиснуться ползком. Но через некоторое время они вдруг превращаются в просторные

камеры — значит здесь была ещё в древности выработана руда. При проходе штолен вдруг совершенно неожиданно глубоко внутри горы можно наткнуться на новый узкий лаз, оканчивающийся пустой камерой, размерами с юрту. И нигде никакого выхода наружу. Видимо, впоследствии обвалы его перекрыли. Нужно было обладать каким-то чутьём, во всяком случае, немалыми горнорудными познаниями, чтобы точно выходить на рудоносные жилы и в полупотемках (при свете чадающих факелов), глубоко в скалах чисто их выбирать и снова находить жилы. Даже при беглом предварительном осмотре рудника видно, что здесь приложено неимоверное количество труда в нечеловеческих условиях для добычи столь необходимой руды.

Все это свидетельствует, во-первых, о том, что рудник являлся одним из основных по добыче свинцово-серебряных руд Ферганской долины издревле. Во-вторых, чистый металл выплавлялся, по крайней мере, в отдельные периоды прямо здесь же у основания гор. Встречается немало старых отвалов уже отработанных шлаков и породы. В-третьих, добыча металла была рентабельной, именно поэтому в столь диких условиях столетиями продолжались разработки.

После осмотра рудника мы полностью присоединяемся к мнению М. Е. Массона, что «при всем том изучение Кан-и Гута далеко не завершено. “Рудник погибели” не только являет собой заманчивый объект в историко-археологическом отношении, но представляет интерес в смысле его практического промышленного использования с применением современной техники горного дела»¹.

¹ *Массон М. Е.* Рудник погибели... С. 39. Отметим, что после рекогносцировочной поездки Президиум АН Кирг. ССР принял решение

Другой аналогичный рудник, заслуживающий внимания, — Хайдаркан (букв. «Рудник Хайдара»). Здесь также встречаются следы старых выработок, сопровождаемые фрагментами керамики. По рассказам местных жителей, велись разработки и в ханские времена.

Имеются указания, что не только кокандские рабочие-мардикеры, но и киргизы сами добывали руду в Тянь-Шаньских горах. Так, описывая путь из Кашгара через Алай в Коканд в 1812 г., Мир Иззет-Улла называет киргизский поселок Шор-Булак, где «нашли свинец; копи разрабатываются киргизами, которые выплавляют металлический свинец (и торгуют этим металлом)»¹. О добыче киргизами свинца в Андижанском вилайете сообщал и В. В. Вельяминов-Зернов: «Киргизы достаточно приобретают его (свинца), впрочем без примеси серебра около Ляк-хана и Ура-Тюбы. 16 пудов его ценятся в г. Кокане 10 тенег. Те же киргизы добывают свинец тоже чистый без серебра из северных отрогов Тянь-Шаня, в горах Каратау, близ Туркестана, цена ему в этом городе за 16 пуд. тилла»². Одним из крупнейших в Кокандском ханстве считались наукатские разработки меди, протянувшиеся на 20 км по Сыр-Дарье³. Необходимое для бронзового

о проведении комплексного исследования силами трех институтов: истории, геологии, физики и механики горных пород по теме «История горнорудного промысла в Киргизии». (Исполнители: И. Т. Айтматов, Д. Д. Дженчураев, В. М. Плоских и др.). — В. П.

¹ *Мир Иззет-Улла. Путешествие...* С. 44.

² *Вельяминов-Зернов В.В. Торговое значение Кокандского ханства...* С. 31—33.

³ *Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии...* С. 34.

сплава олово рудокопы могли добывать на высокогорном Сары-Джазе. Со старыми завалами мы ознакомились во время экспедиции 1977 г. Для производства оружия, предметов быта и орудий труда нужно было железо, и киргизы часто добывали его сами, правда, «в малых частях и весьма грубыми способами»¹. Один из обычных способов заключался в добыче железа из шлихового песка прииссыккульских речек. Первые сведения о получении железной руды на Иссык-Куле относятся еще к началу XVIII в., когда русский пленник И. Сорокин наблюдал за его производством у ойратов². Но подробно процесс был описан гораздо позже³. М. А. Бубнова, не без основания осторожно подходит к этим сведениям⁴, ведь известна тугоплавкость магнетита, но нельзя не считаться и с показаниями очевидцев. Тем более, что эти сведения вполне подтверждаются и этнографическими материалами — воспоминаниями старожилов, с которыми нам приходилось беседовать на берегах Иссык-Куля.

В мизерных количествах в Киргизии в первой половине XIX в. занимались разработкой каменного угля, который находил спрос в городах ханства и на горнорудных приисках. По распоряжению Худояр-хана каменный уголь доставлялся в Коканд с Нарына из районов ныне действу-

¹ *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах... С. 388.

² См.: *Златкин И. Я.* Очерк истории Джунгарского ханства... С. 363—364.

³ *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах... С. 388; *Венюков М.* Опыт военного обозрения... С. 302; *Шрейдер П. И.* По окраине... С. 185; *Бурковский А. Ф.* Из истории техники металлического производства... С. 87.

⁴ *Бубнова М.А.* Добыча полезных ископаемых... С. 65.

ющего рудника Таш-Кумыр. Угольные копи Сулюкты были открыты с помощью киргизов. О продаже угля киргизами рода багыш на базарах упоминается в фольклорных записях о состязаниях двух южнокиргизских певцов — Нурмолдо и Мусы. Киргизы Ура-Тюбинского вилайета заготовляли в горах лес и выжигали угли, доставляемые для продажи в город ¹.

В окрестностях Исфары, в горах, занятых киргизами, встречались бирюза, яхонт, рубин ². В источниках приводится случай, когда киргизами в реке Тон был обнаружен драгоценный камень, который впоследствии достался одному кокандскому чиновнику за очень крупную сумму — 1000 тилла ³. Имеются неконкретные упоминания о случайных находках самородного золота в киргизских горах, о золотоносных джергаланских песках, о добыче золота в верховьях Нарына ⁴. Кокандские ханы пытались привлечь для разработки золота в киргизских горах беженцев из России, но затея не удалась ⁵.

¹ Туркестанские ведомости. 1876. № 35; *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Т. III... С. 177; *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов... С. 6—7; *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа... С. 209; *Мухтаров А.* Очерк истории... С. 93.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19254. Л. 12—14.

³ Обозрение Кокандского ханства... С. 148—149.

⁴ *Потанин Н. И.* Записки... С. 224. Сведения о дикокаменных киргизах... С. 148—149; *Иванов П. П.* К истории развития горного промысла... С. 50.

⁵ В одной из статей 40-х гг. сообщается о каких-то татарах-беженцах из России, которые явились к кокандскому хану с предложением «открыть в горах Ала-Тау золотые россыпи и научить способам промывки, употребляемым в России». Хан одобрил намерения и дал охрану. Однако эти начинания закончились трагично: стражники, которым надоело

Если драгоценные и цветные металлы, добываемые на территории Киргизии пришлыми и местными работниками, направлялись в основном в ханскую казну, то железо, соль, гипс главным образом использовались во внутреннем производстве. Гипсовый мергель киргизы применяли для выделки овчин.

Свои натуральные потребности в добыче соли киргизы полностью удовлетворяли и даже вывозили её на продажу оседлым жителям. Соль добывали в горах Алая и Ферганы, у Оша и в долине р. Чу, в Кетмень-Тюбинской котловине, на Джумгале и в других местах. Особенно много её было обнаружено у деревни Камыш-Коргон (по дороге из Ташкента в Ходжент): солёные ключи, стекающие с окрестных гор, высыхали в долине в виде пластов соли, для добычи которой съезжалось «большое число жителей Кокандского ханства»¹. Издавна добывали каменную соль вблизи Токмака. 27 мая 1864 г. начальник Зачуйского отряда доносил командиру Сибирского корпуса о разработках: «Киргизы, кочующие по долине р. Чу, с древнего времени добывают эту соль для домашнего употребления»². Чтобы добыть столь необходимую для скота соль, писал Г. Загряжский, киргизы «целыми караванами ходят в горы» и привозят её в кусках³.

Своеобразие быта и кочевого образа жизни киргизов определяло характер их промыслов и ремесел. Домашнее

скитаться за непоседливыми татарами, убили искателей, а хану донесли, что те не выдержали тягот пути и умерли естественной смертью. См.: Обзорение Кокандского ханства... // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19254.

¹ Там же.

² *Серебренников А. Г.* Туркестанский край... Т. XX. С. 123—134.

³ *Загряжский Г. С.* Очерки Токмакского уезда...

производство служило, в первую очередь, удовлетворению натурального хозяйства и базировалось на использовании внешних богатств окружающей природы и скотоводческих продуктов. Орудия труда были очень примитивны, техника малопроизводительна, что требовало больших затрат физического труда и времени.

Уходя корнями в древность, домашние промыслы, тем не менее, в силу консервативного способа производства, продолжали бытовать вплоть до нач. XX столетия. Лишь со второй половины XIX в. некоторые промыслы постепенно отделяются от сельского хозяйства, изделия производятся по заказу потребителя за денежное или натуральное вознаграждение, тем самым приобретая черты мелкотоварности.

Ряд ремёсел, специализированных на производстве предметов национального обихода и быта, даже получил сравнительно широкое распространение. Но цеховой организации здесь не выработалось. Мастера — *уста* — работали в одиночку, трудясь и на заказ и по своему почину, не теряя в то же время связи с кочевым патриархально-натуральным хозяйством ¹. Лишь в одном из городов Киргизии — Оше — ремесло оседлого населения было близко к средневековой цеховщине ².

В аилах имелись свои специалисты-промысловики, ремесленники, сапожники, кузнецы, мельники. Иногда на аил и даже на целую волость был всего один мастер определённой специальности. Он работал в основном на заказ

¹ Рыскулбеков М. Ф. Из истории ремесленно-кустарной промышленности... С. 44—45.

² Зима Л. Г. Киргизия накануне... С. 22.

на своём сырье или материале заказчика. Мастер свободно передвигался с несложным инвентарем и работал в любом месте, при любых условиях. Трудился в одиночку, и лишь в тех видах производства, где необходима была подсобная рабочая сила (кузнечное, токарное), привлекал членов семьи или пользовался трудовой помощью заказчика.

Киргизское население как рабочая сила использовалось в коллективных работах на ханских объектах, занималось постройкой собственных домов (которые точнее назвать мазанками) на *зимовках-кыштоо*, т. е. обладало и определёнными строительными навыками. Широко распространённый обычай возведения усопшим монументальных надгробий определил появление даже специальных мастеров — строителей мазаров и гумбезов. До сих пор в горах Тянь-Шаня можно встретить эти своеобразные памятники намогильной архитектуры, некоторые из них преданиями связаны с XVIII и XIX вв. Это — целый комплекс Кырк-чороо, атбашинский мазар Тюрегельды, мавзолей народному герою Тайлаку — предводителю киргизских повстанцев против кокандского гнета и др.

Киргизский войлок славился у окружающих народов своей прочностью. Женщины изготавливали из козьего пуха белые колпаки и бурки (*кебенек*)¹. Кошмы киргизского производства, видимо, особенно ценились в Кокандском ханстве, так как сохранились специальные распоряжения о распределении таких кошм. В 1288 (1871—1872) г. Мулла Абд-Джалил мирза-баши пишет Бахти Мухаммеду кур-

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 1... С. 327. В. Радлов также упоминал о войлочной обуви из козьего пуха и пальто-кебенек, которыми славилась киргизы. См.: *Radloff W. Aus Sibirien...* S. 528.

баши о необходимости выдать для школы детей гуламов «два хороших киргизских войлока»¹. Другим распоряжением Султан Мурад-бек приказал доставить для нового строения в ставке (*урде*) 50 киргизских войлоков. Приписка к документу гласила: «За услуги (*хизмат*) выдайте 2 тилла»². Войлочные изделия из шерсти (*ширдак*, *кийиз* и др.) были самым распространенным украшением киргизского жилища, служили прекрасным материалом для покрытия юрт, обшивки седел, изготовления одежды, обуви и т. п.³ Довольно широкое распространение в XIX в. приобрели ворсовые и шерстяные ковры южнокиргизского производства⁴.

Один из исследователей дореволюционных ковров А. Фелькерзам выделяет в ковровом производстве Ферганы Андижанский и Ошский уезды, где оно «находится исключительно в руках киргизов, преимущественно племен ичкилик, кыдырша и шир (?)». Автор называет их мастеров «в полном смысле художниками в ковровом производстве», чьи изделия принадлежат к числу лучших в Средней Азии⁵. Высокие художественные достоинства киргизских ковров были связаны, главным образом, с традиционными

¹ ЦГА РУз. Ф.И. 1043. Оп. 1. Д. 2893.

² Там же. Д. 2929; *Троицкая А. Л.* Каталог... С. 395.

³ См.: *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры... С. 22—41.

⁴ В северных районах Киргизии тканых ковровых изделий не производилось. См.: *Ромм А.* Очерк истории изобразительного искусства... С. 30; *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры... С. 67.

⁵ *Фелькерзам А.* Старинные ковры Средней Азии... С. 57.

приемами киргизского декоративного искусства¹. Это определяло их спрос на кокандском рынке.

Господство натурального хозяйства и ограниченность в связи с этим потребностей местного населения в ремесленных изделиях тормозили развитие ремесла. Основная цель домашних киргизских промыслов и ремесел заключалась не в получении меновой стоимости, а в создании лишь потребительской, что и являлось серьезной причиной отставания экономики. С сер. XIX в. наметившееся развитие товарного производства в Южной Киргизии шло не по пути перерастания домашних промыслов и ремесел в капиталистическое производство, а через превращение его в мелкотоварное. Этому в определенной степени способствовали наличие товарообмена и торговли внутри киргизского общества, а также киргизов с их соседями, особенно с узбекским и таджикским населением, посредством кокандских купцов.

Развитие скотоводства, когда воспроизводство стада превышало спрос, стимулировало его обмен между кочевниками и оседлым населением. Торговля, с другой стороны, способствовала ускорению процесса скотоводческого производства. Характер взаимоотношений кочевого киргизского населения и оседлого узбекско-таджикского в немалой степени определялся конъюнктурой на меновых рынках ханства.

Рынки были сосредоточены в основном в долинных центрах, в различных водных бассейнах. Предметами внутреннего оборота в Фергане служили хлопок, рис, пшени-

¹ Уметалиева А. Д. Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, 1966. С. 29; Антипина К. И. Особенности материальной культуры... С. 81.

ца, сушеные фрукты, мануфактура, шелковая грена, волокно, топливо, продукты животноводства. Причем, каждый базар славился в округе своими — специфическими продуктами и товарами.

Основными базарными днями были воскресенье, понедельник, вторник, реже — пятница. На крупных базарах совершались оптовые сделки, принимавшие нередко форму натурального обмена ¹.

Непосредственно в среде киргизов, особенно феодальной знати, существовало некое традиционное предубеждение против занятия торговлей. «Для белой кости считается обидой предков заниматься торговлей», — гласил «обычай» ². Торговля в кочевьях была сосредоточена в руках кокандских и кашгарских купцов и их посредников. Узбекские ремесленники производили специальные изделия, пользовавшиеся спросом у киргизского населения, в основном ткани, обувь и пр. Из Кашгара обычно поступали бумажные материалы, халаты, бязь, сушеные ягоды. Взамен киргизы отдавали или даже сами поставляли в кокандские города скот. Филипп Ефремов упоминает, что киргизы часто приезжают в Коканд и «пригоняют для мены овец, быков и верблюдов» ³. Обращает на себя внимание, что путешественник говорит именно о «мене» скота, меновом характере торговли. И эти свидетельства находят полное подтверждение в показаниях российских купцов, торговавших в киргизских кочевьях.

¹ *Рассудова Р. Я.* Земледельческое хозяйство... С. 70—71.

² *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз... С. 185.

³ *Ефремов Ф.* Странствование... С. 103.

Анонимный автор в середине прошлого столетия писал: «Почти все торговые обороты черных киргизов ограничиваются меною своего скота торговцам, приходящим из Кашкарии, России, Кокании и Китая»¹.

Наезжавшие в киргизские кочевья торговцы обычно начинали с того, что обращались к влиятельным манапам за покровительством. Манапы за особое вознаграждение давали своих провожатых и брали под опеку купцов. Это, естественно, влекло завышение цен на товары. Феодалы, бравшие товар в долг, для расплаты или обирали своих подданных — букару, или организовывали барымту — набеги на соседей. Угнанный таким образом скот передавался торговцам и под охраной специально выделенных манапом джигитов препровождался как можно дальше от потерпевшего рода. Бывали и крайние случаи, когда манап, не имея возможности расплатиться, просто-напросто прогонял торговцев, предварительно ограбив².

Значительным препятствием развитию торговли были феодально-родовая раздробленность и постоянные междоусобицы. В первой половине XIX в. то и дело можно было слышать жалобы торговцев на опасность пути через Киргизию, поборы и произвол мелких феодально-родовых правителей, каждый из которых, по словам российских купцов, брал столько, сколько сам «рассудит взять»³. Письменные торговые сделки не оформлялись. «Все обя-

¹ Сведения о дикокаменных киргизах... С. 152—153.

² *Талызин А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.)... С. 30—31.

³ Донесение семипалатинского купца I гильдии Степана Попова... Л. 112.

зательства и договоры происходят между киргизами словесно», — гласило «обычное» право. Подобные же взаимоотношения наблюдались и между купцами и киргизскими проводниками, возчиками ¹. В районах, где чаще приходилось иметь дело с оседлыми жителями, внутренние юридические взаимоотношения киргизов и узбеков регулировались не только «обычаем», но и шариатом. Каноны мусульманского права через кокандцев проникали в сферу правоотношений кочевников. В частности, это касалось, как было показано выше, земельных взаимоотношений.

В практике городской жизни встречался не только натуральный обмен, но и употребление денег, а также такие формы торговой эксплуатации, как сдача на откуп, ростовщичество и пр.

Киргизстан стоял на важных транзитных трактах и был связан торговыми нитями с Кокандом, Россией, Бухарой, Восточным Туркестаном и Индией.

Местное население нанималось работниками в проходящие караваны, продавало купцам продовольствие, покупало предметы домашнего обихода. В одном из писем 9 апреля 1827 г. генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу киргизские бии Качибек, Аджибай, Муса-Ходжи и Юнус, выпрашивая награды, писали: «Мы же проходящие из России, Кашгарии и Аксу караваны... сопровождаем на все нужные для них стороны» ².

Киргизские жители нередко сами способствовали прохождению застрявших караванов, как было, например,

¹ Загряжский Г. Юридический обычай киргиз... С. 187.

² ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 419. Л. 374.

с Мир Иззет Уллою. «Нами была нанята сотня киргизов для того, чтобы протоптать по снегу дорогу, по которой мог бы пройти наш караван, — писал Мир Иззет Улла. — Киргизские стоянки находятся здесь в течение летнего сезона»¹.

По отчетам сибирских купцов, торговавших в начале XIX в. с киргизами, можно сделать вывод, что киргизы занимались именно меновой торговлей, а единицей торгового эквивалента служила шкура лисицы². Р. Данибегашвили, грузинский путешественник, неоднократно посещавший Тянь-Шань, писал: «В торгу у них деньги не употребляются, но место их заступает мена вещами»³. Купцы, встреченные Н. Лещевым по дороге на Иссык-Куль (1821 г.), говорили о «промене», «вымене» у киргизов баранов, о том, что направляются «для мены товаров к закаменным киргизам»⁴. П. П. Семенов-Тян-Шанский в качестве единицы торгового эквивалента у киргизов называет барана. Счет шел в переводе на поголовье баранов, а «расценки» определялись «по обычаю»⁵.

Меновой характер торговли определялся степенью развитости общественных отношений.

Деньги полностью не были исключены из торгового оборота в Киргизии. Правда, своего денежного знака киргизы не знали, но пользовались деньгами среднеазиатских

¹ *Мир Иззет Улла. Путешествие...* С. 46.

² ГА ОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 13—24.

³ *Данибегашвили Р. Путешествия...* С. 37.

⁴ РГВИА. РФ. Ф. ВУА. Д. 20648. Л. 32—34.

⁵ *Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествия...* С. 311.

ханств — бухарскими монетами, серебряными слитками — *джамбы*, но преимущественно кокандскими деньгами.

В Кокандском ханстве монеты стали чеканить с XVIII в ¹. В Оше кокандский хан имел монетный двор, где чеканилась медная монета — *пул* ².

Из сравнения монет коллекций Ю. Скайлера и Британского музея, проведённого Ч. Торреем, видно, что чеканка валюты — прерогатива каждого хана. Даже правившие по несколько месяцев, такие, как Шах-Мурад (1278/1862), успевали отчеканить собственную монету, образец которой намного пережил правителя ³. Для этих целей могли перечеканиваться монеты предшественников, на которых выбивалось имя нового правителя. Так произошло с первой монетой малолетнего Худояр-хана, вступившего на престол в 1260 (1844) г. Его опекуном Мусульманкулом на имя Худояр-бия был переделан (по терминологии Ч. Торрея) золотой динар, датированный 1260 г., — т. е. первым годом провозглашения мальчика ханом ⁴.

Исключительный случай представляет упоминаемая Ч. Торреем золотая монета из коллекции Британского музея, датированная 1288 (1871) г. и принадлежащая «Мухаммед Фуладу» (Пулат-хану) — предводителю восстания

¹ См.: Каталог монет Коканда... С. 6. М. Холсворт неверно отмечает, что первым начал чеканить свою монету Омар-хан, а последний раз она была чеканена Худояр-ханом в 1871 г. См.: *Holdsworth M. Turkestan in the Nineteenth Century...* P. 5, 10.

² *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай... С. 91.

³ *Torrey Ch.C.* Gold coins of Khokand... P. 26—27; Каталог монет... С. 14—15.

⁴ *Torrey Ch.C.* Ibid... P. 22; Каталог монет... С. 11.

киргизов и других народов против Кокандского ханства. Если это не ошибка, то чрезвычайно интересный факт. Предводитель восстания против ханского деспотизма киргиз Пулат начал борьбу с выпуска собственной монеты, которая имела хождение, так как определялась золотым номиналом. Тип серебряной монеты Пулат-хана, чеканенной в Коканде в 1292 (1875) г., приводит и С. Х. Ишанханов в своем «Каталоге монет Коканда».

В целом оборот денег в Кокандском ханстве был очень незначителен и соответственно, еще меньшим среди киргизов. В одной из своих статей В. П. Наливкин писал, что в ханстве преимущественный счет шел на чеки (1/2 коп. серебром) — наиболее распространенный среди простых людей; счет на танга (20 коп. серебром) — у остальных сословий. Хождение тилла (золотой монеты, равной 3 руб. 80 коп. серебром) встречалось лишь как редкое исключение¹. Примерную стоимость товаров дает В. В. Вельяминов-Зернов: 20 чариков (80 пуд.) пшеницы — 6 тилла, 60 чариков (240 пуд.) джугары — 10 тилла, пара сапог — 10 танга, шуба — 2 тилла, баран — 8 танга, корова — 2,5 тилла, лошадь — 2,5—6 тилла, бык — 4—6 тилла². В неурожайный год плата за пуд пшеницы доходила до 5—6 танга³.

Хождение среди киргизов денег Кокандского ханства означало их вовлечение (пусть в определенной степени пассивное) в общеазиатский товарооборот.

¹ *Наливкин В. П.* Очерк благотворительности... С. 141.

² *Вельяминов-Зернов В. В.* Сведения о Кокандском ханстве... С. 11, 16.

³ *Вельяминов-Зернов В. В.* Торговое значение... (Рукоп.). С. 46—47.

Таким образом, несмотря на замкнутый натуральный характер, киргизское хозяйство находилось во взаимодействии и взаимовлиянии с узбекским, таджикским хозяйствами, постоянно развивалось в направлении от скотоводства к земледелию; имели место домашние промыслы, функционировал товарообмен. Тем не менее, в целом оно оставалось патриархально-феодальным, экстенсивным.

3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КИРГИЗСКОГО ОБЩЕСТВА

Социальная структура, классовое деление и положение трудящихся в Кокандском феодальном ханстве и киргизском патриархально-феодальном обществе имели много общих черт с любым другим восточно-деспотическим государством и обществом, производительные силы которого покоились на натуральном хозяйстве — кочевом или полукочевом скотоводстве и земледелии.

Рассмотрение социально-классовой структуры этого патриархально-феодального общества позволяет и здесь, как в любом другом классовом обществе, выделить эксплуататоров — тех, кто владел средствами производства, но не трудился, и эксплуатируемых — тех, кто владел средствами производства и трудился (подвергался налоговому гнёту и частичной феодальной эксплуатации), а также тех, кто не владел средствами производства и трудился (наиболее обнажённая форма эксплуатации). Социальная полярность киргизского общества приводила к тому, что манапы составляли белую кость, а свободные простолюдины и рабы — чёрную кость.

Феодальные отношения здесь были опутаны сетью патриархальных и патриархально-родовых связей, которые накладывали отпечаток на систему социальных взаимо-

отношений, условия господства и подчинения, маскировали эксплуатацию.

Феодалы: манапы, беки, баи и бии всячески стремились затемнить классовое самосознание трудящихся, старались внушить им ложную мысль об общности интересов всех членов родовых и племенных объединений. Пытаясь заглушить недовольство, возмущение и негодование киргизов и узбеков феодальным гнётом, они разжигали межродовую и межплеменную вражду, выдавая себя за «защитников» чести и интересов «своих» сородичей.

Наличие патриархально-феодальных отношений как господствующих замедляло и тормозило превращение сельского хозяйства в товарное производство. Здесь не получило своего оформления крепостничество, лежавшее в основе феодализма на Западе, но зависимость крестьян-скотоводов и земледельцев от феодалов имела разносторонние формы. В. И. Ленин подчеркивал, что формы и степени внеэкономического принуждения могут быть самые различные: «...начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹.

На верхней ступени иерархической социальной структуры Кокандского ханства находились хан и его бекское окружение, в киргизских родо-племенных отделениях до зависимости от ханства — манапы и бии-родоправители. После подчинения киргизов Кокандом ханы и беки, не имея возможности существенно вмешиваться во внутреннее управление киргизского общества, возлагали эту обязанность на высших представителей киргизского класса феодалов: на юге — на датху, на севере — на манапа.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 3... С. 185.

Основная часть киргизской феодальной знати нашла общий язык с кокандскими властителями, став их пособниками в политике угнетения и эксплуатации народа. Представителям феодальной верхушки, особенно на юге Киргизии, кокандский хан предоставил значительные привилегии, раздавал им различные чины и должности как в гражданском управлении, так и в войсках. Народ был бесправен, и вся тяжесть феодально-ханского гнёта разорительным бременем ложилась в первую очередь на плечи киргизов, узбеков и таджиков.

В ханстве сложилась господствующая группа феодалов главным образом из представителей военных чинов, духовенства и придворных. Отличительная особенность удалённых от Коканда и непосредственно не исполнявших административные обязанности киргизских титулованных феодалов заключалась в том, что они не имели постоянного жалования от казны, а удовлетворялись единовременными подарками да определённой долей при сборе налогов. Те же киргизские феодалы, которые служили непосредственно при дворе, имели единоразовые жалования, либо получали в правление («на кормление») округа, районы, крепости и даже отдельные селения. Не исключением было и пожалование киргизских селений, даже отдельных семей узбекским феодалам. Характерен в этом плане ханский приказ (фирман-и али) от 1255 (1839—1840) г., направленный парваначи Гадай-бию с определением выделить в пожалование 11 киргизских семейств в местности Туби (?) в Ура-Тюбинском вилайете для некоего Турахан-накиба ¹.

¹ Материалы по истории Ура-Тюбе... С. 67.

Киргизские феодалы — манапы, бии, баи — ревностно следили за своими подданными — киргизскими семьями и не допускали их откочёвок к другим феодалам. В этом проявлялось своеобразие социальных отношений в киргизском обществе. Если в центре Кокандского ханства имелись случаи даже письменного оформления зависимости дехкан, то в отдаленных киргизских родоплеменных отделениях фактическая зависимость никак не фиксировалась. Она покоилась на экономической неравноправности, маскировалась патриархально-родовыми «родственными» отношениями, «освящалась» идеологическими воззрениями. Тем не менее, под влиянием феодальных отношений Кокандского ханства углубляются социальные противоречия и в киргизском обществе. Иллюстративным примером этого может служить факт усиления социальных контрастов в киргизской земледельческой общине и тенденция выделения из ее состава обогатившихся дехкан, приближающихся к классу феодалов. И хотя хозяйственный процесс в условиях орошаемого земледелия требовал коллективности, чему, казалось бы, соответствовала община, используемая для создания и поддержания ирригационной сети, мы встречаем факты сознательного обособления отдельных зажиточных и богатых хозяйств в киргизской общине и документального оформления этого акта.

Ранее мы приводили этот документ полностью ¹. Суть его сводится к тому, что некий Муллабай Ахун Нарботобаев в 1254 (1838) г. из общего владения 45 киргизских хозяйств обособляет свою долю (судя по документу, по-

¹ *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений... С. 66.

ловину всего участка, принадлежащего 11 общинникам) в местности Мады, близ Оша. Документ скреплен печатями казиев ¹. Из него явствуют, во-первых, факты социального неравенства; во-вторых, углубление феодализации общества; и, наконец, — кокандское влияние. Усилению социальной поляризации киргизского общества способствовало и право отчуждения владений, позволявшее феодалам сосредоточивать в своих руках земли разоряющихся дехкан.

Манапы-родоправители, распоряжаясь фактически подданным населением всего рода или племени, имели в непосредственной зависимости и подчинении сотни хозяйств. В середине XIX в., например, старший манап рода солто Джангарач имел 600 юрт, старший манап сарыбагышей Джантай — 700 юрт, старший манап саяков — до 500 юрт. Те манапы, число личных подданных которых определялось менее чем в 100 юрт, считались мелкими, «захудалыми» ². К. К. Юдахин приводит следующие категории манапов: 1) чон манап или ага манап — старший манап, которому подчинялись более мелкие манапы его рода, племени; 2) жынжурлуу манап — наследственный манап; 3) чала манап — второстепенный манап, зависимый от старшего манапа; 4) чолок манап — самый мелкий манап; из их представителей позже, в царское время, выбирали обычно пятидесятников ³. Была и такая категория, как букара манап — родственники манапа, стоявшие на социальной лестнице выше простолюдинов, хотя были среди них и совершенно разорившиеся.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22534. Л. 78—79.

² ЦГА КР. Ф. 20. Оп. 7. Д. 315. Л. 17—18.

³ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 515.

Манапство — этот своеобразный социальный институт киргизских феодалов, окончательно оформившийся и достигший своего апогея в период Кокандского ханства, — привлекало внимание исследователей как дореволюционного, так и советского периода. Однако вопрос о времени происхождения манапства до сих пор остается еще окончательно невыясненным. Одни исследователи связывают появление манапства с термином *манап* и происхождение его относят к 40-м гг. XIX в. Другие пишут о более ранней его истории и относят появление манапства к XVIII или даже XVII вв. По нашему мнению, институт манапства имеет более глубокую историю, чем сам термин *манап*, и связывать сущность института только с термином неправомерно — его истоки следует искать в бийстве. Манапство выросло из института бийства, но не механически, а в результате соединения функций прежнего бия-родоправителя и батыра — предводителя дружины, героя. Но уже вскоре понятие батыра стало чисто символическим и институт манапства явился, по существу, лишь трансформированным феодальным институтом бийства. От появления нового термина сущность института как аппарата крупного феодального класса не изменилась.

Первые же известия о термине *манап* относятся к 1844 г. Известный киргизский феодал Боромбай, ранее везде в официальных документах называвшийся бием ¹, в письме к западносибирским властям от 30 июня 1844 г. именует себя уже не бием, а манапом ². В ответном письме от

¹ См. копийные материалы ЦГА РУз. (Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 43—46) в рукоп. фондах ООН НАН КР. Инв. № 1899. Л. 90.

² АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 1—2. На это, как нам кажется, впервые указал А. Х. Хасанов. Из истории

23 декабря 1844 г. Горчаков обращается к Боромбаю как к «почтеннейшему старшине и судье дикокаменных киргизов рода бугинского манапу»¹.

Среди некоторых дореволюционных чиновников и исследователей бытовало мнение о патриархальности манапства, выросшего и опиравшегося, якобы, на патриархальные обычаи кочевников. Боромбай, например, так писал о своем положении: «Сам я, хотя не великий человек, но пользуюсь общим уважением и доверием, известен ташкентским хану и бекам, а равно имя мое известно хану китайскому...»².

Идеализируя прошлое, восхваляя манапство, представители киргизской феодальной знати приписывали манапам силу, щедрость, умение, знание³. Один из аулие-атинских купцов, сам манап Мулла-Асан, считал, например, что «манапами стали те, которые выделались из народа (юртан озыб), отличались храбростью и щедростью, предводительствовали народом во время безначалия. Во время неприятельских нашествий собирали весь народ и предводительствовали им (эл башлаган) те, которые сами выделялись между манапами (узи озыб чыккан). Их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их»⁴.

В то же время сами манапы пытались иногда доказать свое происхождение от аристократов, например от Тогая,

Киргизиии... С. 9.

¹ АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 1—2.

² Там же.

³ Сыдыков О. Тарихи Киргизия... С. 37.

⁴ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы... С. 6.

и с пренебрежением относились к простолюдинам, считая их рабами ¹.

Если манап по каким-либо причинам утрачивал свое богатство, могущество, опускался, то терял и свое звание, именно поэтому манапство, сделал вывод из расспросных материалов А. Н. Вышнегорский, было «не вполне потомственное звание»: если сын хуже отца, злобен или стал бедным, он переставал быть манапом. (По материалам К. К. Юдахина, такой феодал становился уже букара-манапом, подданным простолюдином из манапов). Даже достойный или выдвинувшийся из простолюдинов представитель не мог стать манапом ².

Одну из первых наиболее полных характеристик манапства оставил Ч. Ч. Валиханов. По его словам, «неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью отца семейства, *бия, как назывались манапы прежде* (выделено нами. — В. П.). Первые манапы (по объяснению туземцев, сильные, недоступные деспоты) явились недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран. Манапство понравилось биям других родов и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения орды. При всем том, в роде бугу народ имеет больше значения, и сам Буранбай говорил мне, что у них в строгом смысле нет манапов» ³.

¹ *Schuler E. Turkistan. V. 2... P. 137.*

² *Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы... С. 6.*

³ *Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. ... С. 333.*

Несмотря на наивное толкование истоков социального института манапства, Ч. Валиханов верно подмечает, что оно исходит из бийства, хотя и считает, что власть манапа «по генеалогическим воспоминаниям народа, основана на патриархальном праве старейшины, представителя старшей линии в роде»¹.

Интересно, что в к. XIX в. хорошо знакомая с местными обычаями, правами и возможностями манапов местная администрация обрисовывала манапа как «правителя с правами на жизнь и имущество подданных». Так, в частности, характеризовался с 1892 по 1899 г. генерал-майором М. Путятиным (по докладной записке Главного штаба) киргизский манап Шабдан Джантаев². В формулярном списке «войскового старшины» Ш. Джантаева в графе о его происхождении значится: «Из манапов (титул, соответствующий султанскому или княжескому)»³.

Эксплуататорская сущность, беспредельная власть, деспотизм во всем его неприглядном проявлении отличали киргизское манапство, которое достигло своего апогея именно в период господства Кокандского ханства. Опираясь на ханскую поддержку, киргизские феодалы в основании своей власти тем не менее имели экономическое и политическое могущество. «Кан болмоктон бек болгун, кадырын болбойт малдан сон» — «Будь хоть ханом, хоть беком, но без скота ты не сохранишь своего влияния», — гласила старая киргизская поговорка⁴.

¹ Там же. С. 335.

² РГВИА. РФ. Ф. 400. Аз. часть. Оп. 1898 г. Д. 149. Л. 18.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 125.

Экономическое могущество и политическая власть феодалов охранялись дружинами. Бии, манапы имели вооруженные отряды, служившие для разрешения конфликтов, утверждения господства над «своими» подданными. Сила и боеспособность этих отрядов определяли влияние каждого феодала, отражаясь и на его положении в иерархической лестнице ханской администрации, участие в феодальных усобицах и барымте.

Родо-племенные войны, феодальная барымта разоряли хозяйство кочевников, уносили десятки и сотни человеческих жизней, тормозили объединение киргизского народа, подрывали его силы, ослабляли борьбу против гнета кокандских ханов. Барымта и военные усобицы, в которых участвовали большие подразделения, велись в интересах феодально-родовой верхушки, для которой война являлась источником обогащения и средством расширения власти. По существу барымта стала своеобразным промыслом для батыров, манапов и некоторых других представителей феодально-родовых старшин. Не случайно организаторами и инициаторами барымты являлись крупные манапы, ставившие перед собой цель — угон скота, грабёж населения, захват пастбищ и подчинение других родов и племен.

Помимо того, что крупный феодал имел свою вооружённую дружину, в случае необходимости род и племя выставляли под его начало вооружённое ополчение. Фактически каждый взрослый и здоровый мужчина в любой момент готов был сесть на коня и предстать в качестве воина. Именно поэтому китайские источники второй половины XVIII в. (в частности, «Сиюй вэньцзянь лу», цз. 4. С. 7) сообщали, что у киргизов «количество стрелков — 100 ты-

сяч человек»¹. Документальных свидетельств о военной организации киргизов прошлого не сохранилось, но её можно реконструировать по материалам народного эпоса, например, трилогии «Манас», «Курманбек» и других произведений героического эпоса малых форм. Первая попытка в этом отношении была предпринята С. М. Абрамзоном еще в 40-х гг. XX в.²

Войско было организовано по принципу ополчения и делилось на десятки, сотни, тысячи. Отряды состояли из воинов-лучников (*жаатарткыч*), копьеносцев (*найзачы*), сабельщиков (*кылычкер*), воинов с боевым топориком (*балта-чабар*) и т. д. Некоторые манапы и бии могли выставлять тысячи воинов, как правило, всадников. Бий племени адыгине Ертебай, один из рядовых биев второй половины XVIII в., мог свободно поднять свыше трех тысяч вооружённых всадников. Бугинский манап Шабдан выставил отряд в сотни всадников, помогая царизму в борьбе против Кокандского ханства.

В военное время и времена феодальных усобиц рядовые скотоводы отрывались от хозяйства, должны были иметь свое полное вооружение и снаряжение, коня, припасы продовольствия на весь период похода и вынуждены были проливать кровь и отдавать жизнь за чуждые им интересы феодалов. Набор перед большими государственными походами организовывался ханами, проводился по специальному указу, рассылаемому во все города. Беки собирали солдат и вели к сборному пункту. Наиболее

¹ Материалы по истории... (Рукоп.). Пер. из кит. источников Г. П. Супруненко.

² См.: Абрамзон С. М. Черты военной организации... С. 271.

подвижными были отряды киргизов, имевших запас своих лошадей. И каждый хан старался привлечь киргизов в свое войско, поскольку, по утвердившемуся мнению, они отличались «запальчивою храбростью»¹.

Киргизские роды должны были, по требованию ханов и беков, поставлять определённое количество воинов. Так, пограничные с Кашгарией киргизы кроме обычного зякета были обязаны давать до 5 тыс. всадников. Для передовых разъездов и разведок всегда в своих отрядах имел киргизов и ташкентский наместник².

Основную массу киргизов составляли рядовые скотоводы — букара³. Положение класса непосредственных производителей в киргизском обществе сравнительно полно описано в книге К. У. Усенбаева⁴, поэтому затронем лишь те моменты, на которые оказало непосредственное влияние Кокандское ханство.

Перекочёвывая со своим немногочисленным скотом с зимовок на весенние, затем летние и опять — на осенне-зимние пастбища не обособленно, а в единой системе передвижения своего аила и рода или отделения, рядовой кочевник во многом зависел от феодала и как распорядителя пастбищ, регулирующего процесс и порядок кочевания, и как хранителя традиций, народных обычаев, и как чиновника, наделенного определенной административной

¹ *Венюков М. И.* Военно-статистические очерки... (Рукоп.)... С. 11.

² Генеральная карта киргизских степей Западной Сибири... Л. 3—22.

³ Букара — подданный, простолюдин. См.: *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь... С. 156.

⁴ *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов... С. 135—141.

властью, и как сборщика налогов и просто более мощного экономического соседа, к помощи которого можно при случае обратиться в голодные годы или во время стихийных бедствий. Все это обуславливало зависимость рядового скотовода от феодала. При этом зависимость нередко была не прямой, а опосредованной — через аксакала, главу айла.

Скотоводы также делились на сословия в зависимости от экономического положения и выполняемых функций в хозяйстве феодала. Основную массу составляли скотоводы, которые самостоятельно вели свое хозяйство, но зависели от феодалов в силу их экономического могущества и обладания политической властью. Они сами ухаживали за своим скотом, сопровождали его по сменным пастбищам, несли в полной мере налоговую и другие феодальные повинности. Бедные, маломощные хозяйства, личное поголовье скота которых не обеспечивало прожиточного минимума семьи, обращались к родовым богачам и феодалам за помощью и получали на кабальных основах во временное пользование скот при условии возврата его с приплодом (*саан*), нанимались пастухами, слугами, выполняли подённую работу или переходили к земледелию на байских участках, получая определённую долю урожая.

Зажиточные байские хозяйства перегоняли отары самостоятельно, но, как правило, с нанятым пастухом (иногда под видом члена семьи). Средняцкие хозяйства, напротив, выпасали отары по очереди сами или сами были пастухами и принимали участие в присмотре за скотом. Бедняки нанимались в пастухи к баям или к середнякам, организовавшимся в группы.

Пребывание на зимних пастбищах — трудное время в жизни и работе пастухов. Целыми днями они находились под открытым небом, почти всегда верхом на лошади и лишь ночью могли согреться у огня в старой юрте. Образ жизни пастухов на отдалённых пастбищах отличался своей первозданной простотой и был очень тяжёл¹. Наемный пастух юридически и фактически был в бесправном положении. Обычай киргизов и казахов классифицировали обязанности наёмного рабочего следующим образом: «Работник обязан выполнять все требования хозяина, вытекающие из существа заключенного с ним договора, относиться к нему почтительно, без его разрешения никуда не отлучаться и беречь хозяйское имущество, как свое собственное»².

Киргизская лексика имеет довольно богатую терминологию по определению понятий зависимых и выполняющих разную работу крестьян — скотоводов и земледельцев. Во-первых, бедняки *кедеи* и разорившиеся крестьяне — *жакыр* или *топор*³. Во-вторых, среди зависимых, но обладающих своим хозяйством бедняков выделялись *коншу* (букв. «сосед»). Они кочевали вместе с феодалом, оказывали «содействие» своей работой в хозяйстве бая и получали от него за это питание — *саан атмайи* и т. д. Коншу большей частью были выходцами из другого рода, отколовшимися от своего аила, или бывшими рабами⁴.

¹ *Beschkowitsch A. S. Winterlicher. Weidgang... S. 231—232.*

² Сборник киргизского обычного права // РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 430. Л. 12.

³ *Ильясов С. Пережитки... С. 135.*

⁴ *Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение... С. 52.*

Б. Солтоноев, перечисляя сословное деление киргизов в прошлом, называет самого бедного, беспомощного и бескотного, не имевшего «ни кола, ни двора», голюю перекатною — *томаяк*. Обычно они были заняты на самых черновых работах: копали ямы для зерна, погребя и т. п. ¹

Наемный работник на подсобных работах назывался *малай*. Он был обычно из чужого рода. Батраки из своего рода малаями не считались, хотя фактически находились не в лучшем положении. Они обрабатывали землю якобы за «помощь» или добровольно помогали родственникам ². *Аштыкчи* — слуга феодала, который был занят в хозяйстве бая, манапа, — человек, обязанный следить за посевами бая и поливать их ³.

Крестьяне, перешедшие полностью от скотоводства к земледелию, назывались *жатаками* (жатак — букв. «лежащий», оседлый») и *кошчу* (букв. «пахарь») ⁴. Эти термины получили наибольшее распространение в северных районах Киргизии. На юге более употребительными был равнозначный им термин *егенчи*.

Непосредственно статистических данных, раскрывающих социальную структуру киргизского общества кокандского времени, не имеется. Но, судя по первым годам после присоединения Киргизии к России, когда соотношение

¹ Солтоноев Б. История киргизов и казахов... (Рукоп.). С. 369—370; Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 85.

² См.: Этнографические материалы, собранные Г. П. Васильевой... Д. 2/2.

³ Солтоноев Б. История киргизов и казахов... (Рукоп.). С. 369—370; Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 85.

⁴ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 239, 412.

социальных групп еще не претерпело каких-либо существенных изменений, видно, что, например, в Токмакском уезде дехкане, занимавшиеся земледелием в 1869 г., составляли более трети всех хозяйств, точнее — 36,95% ¹.

Один из авторов работ о земледелии в Средней Азии писал в нач. 70-х гг. XIX в. что у киргизов искони существует земледельческий класс егенчей, он «всегда был жалкий и отверженный класс». Разорённые, неимущие байгуши для существования должны были заниматься земледелием, но «как только хоть немного обзаводились скотом, тотчас переставали сеять и начинали кочевать» ².

Традиционно устойчивую категорию эксплуатируемого земледельческого населения в Фергане и Южной Киргизии составляли чайрикеры — издольщики. Первоначально в Средней Азии общее понятие «издольщик» обозначалось терминами *каранда*, *шерик*, *кошчи* и *уртак*, затем их заменил термин *чайрикер* ³. В Кокандском ханстве и под его влиянием на южной территории Киргизии наиболее распространенным стал термин именно *чайрикер*, т. е. издольщик, работавший на чужой земле, чужими орудиями и получавший часть урожая. В северных районах издольщика обычно называли *орток* ⁴.

Чернорабочий, подёнщик назывался *мардикёр* — социальная категория беднейшего крестьянства Киргизстана, выходившая на временные заработки, нанимавшаяся

¹ Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда...

² Костенко Л. Земледельческая производительность Средней Азии...

³ Иванов П. П. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии... С. 755—756.

⁴ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 580, 835.

к феодалам, бай-манапам на сезонную или подённую работу. В период Кокандского ханства мардикёрами также называли людей, принудительно созванных на большие ирригационные работы, организуемые государством. Поскольку такие работы именовались ашаром, то мардикёров называли ещё *ашарчы* ¹.

Совсем незначительную прослойку населения составляли представители промысловиков, охотников, ремесленников, солдаты, уходившие по найму в армию кокандцев или кашгарских правителей.

Родо-племенная организация, поддерживаемая феодалами, «освящённая» традициями, накладывала отпечаток на социальную структуру киргизского общества. Каждый киргиз должен был знать своих предков по мужской линии — *жетти ата*, если он их не знал, его презрительно называли *кул* — раб. Это были самые бесправные люди.

Зависимое сословие пополняли дети младших жен, что обычно было в состоятельных феодальных бай-манапских семьях. «По древнему обычаю, — писал Г. Загряжский, — в Черной орде только дети байбиче (старшей жены) получали права отца, дети младших жен законом не признавались и считались невольниками детей байбиче» ². Используя этот старый «обычай», бай-манапы увеличивали число зависимых от них людей, своих невольников через многожёнство. Раба по происхождению — сына рабыни, равно как и детей младшей жены, презрительно называли *боору такыр кул* ³.

¹ См.: *Троицкая А. Л.* Каталог... С. 552.

² *Загряжский Г. С.* Юридический обычай... С. 159.

³ *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь... С. 440.

Специфика социальной структуры киргизского общества, поддерживаемая и ханской администрацией, заключалась в наличии рабства. Истоки его были различны, но все они основывались на насильственных методах. История Киргизии времен кокандской зависимости хранит немало примеров таких усобиц, в ходе которых в рабство попадали сотни людей. Весной 1867 г. киргизские бии Арзамат Аширов и Атабек Сауруков жаловались в письме к военному губернатору Семиречья Г. Колпаковскому на то, как в 1863 г. на них напали бии Аамат и Ормон, захватили 40 тыс. баранов, 3 тыс. лошадей, 3 тыс. голов рогатого скота, 2 тыс. верблюдов и взяли в плен 100 человек¹. Пленники пополняли сословие рабов.

В другом письме бугинский манап Чопоков сообщал Г. Колпаковскому, как в 1865 г. манап Умбеталы напал на него в урочище Тарагай и угнал 1 400 лошадей, 12 тыс. баранов, увез его дочь и взял в плен одну женщину². Б. Солтоноев перечисляет следующие категории рабства: наследственное рабство; раб — подарок на байге, приложение к калыму; раб — пленник; раб из безродных и купленный раб³. Раб — кул, которому пожизненно не давалось освобождения, назывался *денекул*. Раб, составивший приданное или приставленный в услужение к дочери при выдаче её замуж, назывался *калынга келген кул* и *жумшатылып келген кул*. Бедный родич феодала, находившийся в полной его зависимости, а также бедняк, не являвшийся родственником феодала, но попавший в полную зависимость

¹ ЦГА РК. Ф. И. 44. Оп. 1. Д. 5269. Л. 1, 4.

² ЦГА РК. Ф. И. 44. Оп. 1. Д. 5269. Л. 7.

³ Солтоноев Б. История киргизов и казахов... (Рукоп.). С. 359—370.

от него, также приравнивались к рабам и назывались *кирме кул* и *бакма кул*¹. И хотя рабство у киргизов в XIX в. считалось как бы семейным, патриархальным, тем не менее раб и по юридическим нормам и фактически являлся совершенно бесправным. «Раб — вещь; господин имеет над ним право жизни и смерти», — вот основная формула киргизского обычного права по отношению к этой социальной категории населения. И из этой статьи вытекало все остальное — «бесправное право»: его имущество принадлежало господину, раб не имел семейного выбора, не мог жаловаться на жестокость. Дети раба и рабыни не освобождались от рабского сословия. Выкупиться на волю или быть отпущенным раб мог лишь по желанию господина и т. д.² Детализированные в «обычном» праве положения о рабах дают основание усматривать, что некогда рабство у киргизов было не очень уж редким и незначительным явлением. Были случаи, когда рабов десятками передавали друг другу, выставляли в качестве призов. Манап Джантай уплатил, например, в качестве калыма за жену своего сына Шабдана 45 рабов, манап Джангарач призом только на одной байге выставил 60 рабов³.

Рабство, хотя и носившее патриархальный характер, было среди киргизов более распространено, чем в основных районах Кокандского ханства, хотя имело место и там.

В документах ханского архива имеется упоминание о школе для мальчиков — рабов (*гулам-баа*)⁴. В нескольких

¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 440.

² Загряжский Г. С. Юридический обычай... С. 153—154.

³ Талызин И. Пишпекский уезд... С. 28.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 2893; Троицкая А. Л. Каталог... С. 391.

документах ¹ говорится о женщинах-рабынях. Так, в 1287 (1870—1871) г. некоему неизвестному лицу отдается распоряжение (патта) о выдаче Ахунду-баба 11 танга за привоз невольниц (*чури*) из города Оша ². Но меньшее значение рабства в оседло-земледельческих центрах ханства объясняется, видимо, более развитыми феодальными отношениями в самом ханстве по сравнению с киргизским обществом, в котором немалую роль продолжал играть патриархально-родовой уклад.

Кокандское ханство не пыталось ни пресечь междоусобицы и феодальные войны киргизских родов, ни уничтожить рабство у киргизов. Оно даже использовало и то и другое в своих интересах, видя в усобицах путь к разобщённости и ослаблению киргизских племен, а рабов ханы и сами применяли, правда, несколько своеобразно. Оторванные от своего народа, экономически совершенно беспомощные, политически бесправные, рабы при определённых условиях могли стать хорошими слугами, поэтому ханы назначали бывших рабов налогосборщиками, телохранителями, предводителями воинских отрядов.

Оставаясь архаичным даже на фоне феодального общества, рабство не могло играть существенной социальной роли, а после добровольного вхождения Киргизии в состав России было ликвидировано.

В заключение следует отметить, что социальная структура киргизского общества в целом не претерпела существенных изменений под влиянием Кокандского ханства. Наибольший отпечаток ханство наложило на класс кир-

¹ См. *Троицкая А. Л.* Каталог... С. 391—392.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 2899.

гизских феодалов, перенимавших у кокандцев методы управления простым народом и его эксплуатации.

Под влиянием ханства усилилась внеэкономическая зависимость скотоводов и земледельцев-дехкан от феодалов. Класс крестьянства также не являлся однородным. Начиная от самостоятельно ведущих своё хозяйство и кончая наёмными работниками и рабами, они все находились в той или иной степени зависимости от «своих феодалов», что усугублялось зависимостью от кокандских наместников, нередко творивших самый неприкрытый произвол. Социальные отношения продолжали оставаться феодальными, будучи переплетены сетью патриархально-родовых пережитков, на которые Кокандское ханство не повлияло.

Являясь самым многочисленным и самым бесправным, класс трудящихся нёс в себе заряд той потенциальной энергии, которая временами проявляла себя стихийными выступлениями и восстаниями против хана и местных феодалов-эксплуататоров.

4. НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА И ДРУГИЕ ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

В период пребывания киргизов в составе Кокандского ханства основные государственные формы эксплуатации юридически опирались на нормы шариата. После присоединения к ханству киргизской территории земля являлась государственной собственностью, и с киргизов стали взыскиваться поземельный налог и налог со скота.

В ханстве была классифицирована и регламентирована (теоретически) налоговая система, базировавшаяся на шариате. Эту систему ханы положили в основу угнетения

как собственно кокандского, главным образом, узбекского и таджикского населения, так и завоёванных соседей, в том числе киргизов. Практика же налогообложения нередко представляла совсем иную картину — картину хаотической бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше испытывало социальное, а киргизское — к тому же и национальное угнетение. В Кокандском ханстве, равно как и в любом восточнодееспотическом государстве, не существовало разграничения понятий политического верховенства власти и верховного собственника земель — оба эти понятия сосредоточивались в одном лице, у одного носителя — хана. Государственная власть была всемогуща и казалась в глазах подданных абсолютной и безграничной, тем более, что простые люди всё время находились в чьей-то зависимости — общины, феодала, ханского наместника, хана.

Налог взимался со всего населения, которое привлекалось также к трудовой и воинской повинностям. Освобождение от них являлось скорее исключением, чем правилом, и распространялось лишь на некоторых лиц высшего класса светских и духовных феодалов, отдельных мусульманских учреждений. Класс феодалов присваивал прибавочный продукт через государство путем взимания прямых налогов, в том числе используя и другие феодальные методы эксплуатации зависимых от них крестьян. Поскольку основной формой эксплуатации выступали государственные налоги, то, говоря словами К. Маркса, здесь действительно «рента и налог совпадали», непосредственным производителям противостояли не частные земельные собственники, а государство.

Сама система ханского налогообложения исключала чёткость и контроль. Во-первых, в Кокандском ханстве (как и в Бухарском) ¹, государственная казна не была отделена от лично ханской, доходы и расходы в государственных интересах и лично ханские не разделялись. Размер налога определялся не столько юридическими нормами, сколько потребностями хана. Во-вторых, этим же духом потребительства была проникнута по нисходящей линии вся система государственного налогообложения: беки исходили из своих потребностей, саркары (чиновники) — из своих и т. д. В делах наживы, в сборе налогов во всей неприглядности обнажались деспотизм и жестокость правителей.

Ирдана-бий, стоявший у истоков основания Кокандского ханства и положивший начало завоеванию Киргизии, оставил о себе память как о жесточайшем деспоте. Во время одного из походов на Ура-Тюбе во второй половине XVIII в. он истребил множество жителей из племени юз и сложил из их голов пирамиду, а сверху водрузил голову известного тогда музыканта, не терявшего бодрости, певшего песни и в плену. Даже кокандские хронисты не могли не отметить жестокости правителя. Мулла Аваз Мухаммед в рукописи «Тарих-и джахан намои» с гневом замечает, что «в то время перед Ирданой были одинаковыми крик осла и мелодичный напев» ².

Обличение ханов и деспотизма мы находим в стихах поэтов Коканда, в частности, талантливых поэтесс Надиры (псевдоним Камилы Макнун) и Дильшод (литературный

¹ Ср.: Семёнов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства... С. 4.

² См.: Набиев Р. Н. Народные восстания... С. 41.

псевдоним Барно) ¹. Кокандский автор Абу Убейдулла в своей «Краткой биографии» («Хуласат ал-ахвал») прямо писал: «Появились хакимы-угнетатели, которые в своем корыстолюбии и в стремлении накопить богатства переступали границы как божественных, так и светских законов. Какие только они не придумывали жестокие хитрости и уловки: одного связывали, другого избивали, третьего убивали и, устранив всех, старались (присвоить) их богатство и имущество сообразно своему корыстолюбию, желанием и ненасытным желудкам, которые не наполнились и не насытились [бы] даже и тогда, когда в них сложились бы все богатства мира...» ².

Кокандских чиновников, отряды, безнаказанно нападавшие на киргизские айлы, клеймит и автор киргизских санат XIX в. Молдо Нияз. «Под властью минбаши весь угнетенный народ мучается», — с горечью пел поэт о кокандских ставленниках в киргизских кочевьях ³.

Зякет со скота в Кокандском ханстве взимался совершенно бесконтрольно и «носил обычно характер массового вымогательства, преследовавшего цель личного обогащения чиновников (зякетчи). Жестокости и насилия, чинившиеся ханскими агентами (иногда откупщиками), были настолько велики, что нередко вызывали восстания кочевников против ханской власти, подавлявшиеся обычно вооруженной силой» ⁴. Один из среднеазиатских хрони-

¹ *Кадырова М. Надира...; Мухтаров А. Дильшод...; Каюмов А. Кокандская литературная среда... С. 15, 30.*

² Цит по: *Урунбаев А. Неизвестная рукопись... С. 34.*

³ *Молдо Нияз. Санаты (Рукоп.)... Л. 11.*

⁴ *Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство... С. 120.*

стов мангытской династии Бухары Мирза Сами обрисовал Худояр-хана жестоким правителем, который «вынул руку насилия из рукава несправедливости и не обходился ни одной минуты без гнусного обычая гнета и насилия». Все основные черты деспотизма — алчность, жестокость, коварство — нашли отражение в правление последнего кокандского хана. «Страсть к наживе у него была беспредельна, — писал А. Диваев. — Поэтому он облагал население непомерными сборами и всевозможными налогами, а у некоторых даже отбирал, без всякой видимой причины, имущество»¹. «Раз навсегда установленные доходы должны были поступать ежегодно без недоимок, а как это отражалось на экономической жизни населения, — трудно или легко, — об этом ни он (Худояр-хан), никто из его чиновников, не заботился», — писал автор статьи о правлении Худояр-хана².

При вассальной административной системе ханства это значило, что в случае урожая все избытки присваивали беки и саркары, а при неурожаях или стихийных бедствиях — с населения в казну взыскивали и необходимый продукт.

Все это отнюдь не способствовало проявлению симпатий населения к ханской власти, при которой по сравнению с положением в соседних районах, оказавшихся в составе России, жизнь выглядела беспросветно тяжелой.

Теряя под натиском царских войск северные районы ханства, а, следовательно, и источники налогов, Худояр-хан

¹ Диваев А. Последние дни Худояр-хана...

² Алибеков М. Домашняя жизнь последнего кокандского хана... С. 88.

стремился сохранить доходы большим ограблением населения. Он облагал новыми пошлинами купцов, требовал новые подати с народа. Особенно в тяжелом положении находились оседлые жители, которым негде было укрыться от ханской деспотии. Но даже «наиболее независимые от всех налогов» (по словам Скайлера)¹ киргизы-кочевники и те подвергались усиленному гнёту, поэтому выступления против кокандского хана, обычно начинаемые киргизами, находили отклик и поддержку в среде оседлого узбекского населения.

Налоги взимались сборщиками, назначаемыми ханами и беками, или сдавались в аренду на откуп, что предпочиталось властями. Ханские чиновники специального денежного вознаграждения не получали, но в их пользу шла часть собранных податей в той мере, как это определялось ханскими ярлыками², чем они, естественно, не довольствовались. В октябре 1875 г. с наманганского бивуака ориенталист А. Кун представил генерал-губернатору Туркестана доклад о налогах и податях, существовавших в Кокандском ханстве. Из податей он выделял, во-первых, общие, характерные для среднеазиатских районов, и, во-вторых, введенные лишь Худояр-ханом в последние годы Кокандского ханства. К первым относились: харадж, танап с земледельческих культур, зякет со скота и товаров. Помимо этого имели место следующие сборы: *теги-джай* — за торговое место, т. е. базарный доход; *неках* и *тариқанэ* — за свадебные договоры и раздел имущества между наследниками; *лука́та* — выморочное

¹ *Schuler E.* Turkistan... V. 1. P. 354.

² *Кун А. Л.* Некоторые сведения... С. 439—440.

имущество; *терезы* — за весы; доходы с казённого недвижимого имущества; *кеми-пули* — за переправу; *тамбаку-пули* — за табачные плантации; *намак-пули* — пошлина за вывоз соли с копей.

Худояр-хан дополнительно ввел новые сборы, такие как *харадж-ати* — с кочевников; *карагай-пули* — за вывоз леса на базар с гор; *отуп-пули* — пошлина за топливо (хворост, колючка, камыш и т. п.); *даллал-пули* — маклерские сделки на базаре; *кок-пули* — дополнительные сборы за пользование лугами; *су-пули* — специальный налог за арычную воду, проведённую с гор ¹.

Помимо основных государственных налогов, население вынуждено было затрачивать огромные средства на содержание ханских чиновников, общественные работы и пр. Определяя большое количество налогов и повинностей с местного населения в кокандский период — со скота и с продукта земли, с продаваемых товаров и фруктовых деревьев, выжигаемого на уголь леса и камыша, даже с колючек, хвороста и кизяка, собираемых для топлива, востоковед и туркестанский чиновник А. Л. Кун восклицал: «Оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего» ².

После завоевания Кокандского ханства Россией А. Л. Куном и его помощниками были собраны налоговые дефтеры по некоторым бекствам. Несмотря на свою неполноту, они позволяют воссоздать общую картину налогового гнёта в Коканде. Так, например, только в бывшем Чимионском

¹ ЦГА РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 64. Док. 398. Л. 59—60.

² Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства... С. 6—7; см. также: Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине... С. 439.

бекстве были выявлены налоговые дефтеры о количестве танапов бекства за 1870 г.; дефтер земли под клевером за 1871 г.; дефтер зякета со скота киргизов и узбеков за 1872 г.; дефтер о количестве земли, занятой дынями и табаком в 1873 г.; дефтер хараджа с джугары за 1875 г.; дефтер хараджа с пшеницы за этот же год; дефтер хараджа с хлопка Вуадильского, Кептерханинского саркарства; дефтер земли, принадлежащей чиновникам с налоговым иммунитетом и т. п. Помимо налоговых дефтеров имелись специальные записи о количестве разного сбора, поступившего в казну в разное время и т. д. ¹

Подать с кочевого населения собиралась в определённые, установленные беками сроки, обычно в октябре, ноябре и декабре. И только в особых случаях, при больших затруднениях по сбору, допускались льготные сроки — с 1 января по 1 марта следующего за податным года ².

Зякет с киргизов кокандцы собирали только с помощью войск, направляя в кочевья большие отряды. Бывало, что первый поход и сбор не удовлетворяли бека и он направлял отряд вторично. При этом считалось особой доблестью чиновников проявить жестокость во время сбора, пустить в ход оружие и т. д. В одном из писем иссык-кульские киргизы жаловались летом 1855 г., что после первого своего похода кокандцы собираются прийти вторично из Аулие-Аты. Кокандские феодалы обвиняли бека в мягкости: «Ты сходил с таким отрядом и воротился, не выпустивши ни единой пули, но сколько тиллей (золотых монет)

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22469. Л. 33—35 и др.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 14. Д. 307. Л. 118.

стоило это?» И бек с отрядом решил выступить еще раз за зякетом ¹.

Усиленные отряды кокандцев буквально грабили население. Как сообщал в письме манап Джантай Карабеков, за неповиновение и ограбление кокандского сборщика налогов Худайбергена в 1863 г. на киргизов рода башкая и соседей было наложено взыскание в 5 тыс. баранов и 1 тыс. лошадей; с части киргизов племени солто — 10 тыс. баранов и 3 тыс. лошадей ².

И. Бардашев в 50-х гг. XIX в. небезосновательно писал, что «в сборе зякета кокандцы на народ действуют страхом, а на родоначальников лестию, подарками... и званиями парваначи, датхи и др.» ³

В отдалённых киргизских кочевьях функции сборщиков налогов ханы перекладывали на местных феодалов⁴. При этом устанавливался определённый объём зякета — *ульпан* ⁵.

На кочевников Маргеланского бекства помимо прочих сборов налагался ежегодный зякет в 8—10 тыс. руб. (по курсу российской валюты 70-х гг.) ⁶. С каждой юрты букары, писал И. Талызин, манапы в Чуйской долине в кокандское время взимали кап (мешок) проса и со ста баранов — двух ⁷.

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 348. Св. 19. Л. 6.

² ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 100.

³ РГВИА. РФ. Ф. ВУА. Д. 18551 (1). Л. 15.

⁴ *Северцов Н.* Этнографические заметки... С. 148—149.

⁵ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22516. Л. 63.

⁶ Там же.

⁷ *Талызин И.* Пишпекский уезд... С. 30.

При сборе налогов верховные манапы перекладывали нагрузку на более мелких феодалов, в свою очередь те — на нижестоящих и так до предводителя общины — аксакала айла. Примечательно содержание письма начальника Алатавского округа одному из сарыбагышских манапов рода тогай Кудояру (от 1 декабря 1860 г.): «Я недавно узнал, что родович твой Джантай начал тебя притеснять и именно за то, что ты не разделяешь его желаний давать сартам зякет. Ты совершенно прав в этом деле, и я благодарю тебя за это. Джантай, может быть, богаче тебя, так и пусть им платит зякет, а ты соединишь с Мендэ и ничего никому не давай... Соединись с Мендэ и кочуй с ним вместе, а если у вас там мало зимовок, приходите сюда, я дам вам земли»¹.

При таком положении кокандские власти уже не могли контролировать сбор налогов и, определяя норму налога с родов, вынуждены были полностью полагаться на сведения манапов. А когда обложение налогом зависело от управителей родов — биев, манапов, это давало возможность им немалую толику собранного оставлять в собственном хозяйстве. Феодал становился фактическим сборщиком налога и распределителем податей, и не только этим сам уклонялся от налогообложения, но даже наживался за счет излишков собранного.

В письме к военному губернатору Сыр-Дарьинской области жители местечка Ичкан в 1868 г. жаловались на бывшего своего выборного бия, которому они доверяли сбор и отправку податей в Коканд. «До покорения русскими местечка Ичкан, — писали просители, — нами избран был бий Ниамин Супмулла, который производил сбор по-

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 402. Св. 21. Л. 6.

дате́й и повинностей, отсылая их по назначению в Коканд». Населению он выдавал расписки о получении с них налогов. Позже, воспользовавшись тем, что ханство терпит крах, он стал полностью присваивать эти сборы себе ¹.

Основной налоговой единицей в кокандское время выступало как отдельное хозяйство, так и община. То есть налогообложение кокандцами скотоводов было индивидуальным, но прибегали и к круговой поруке. Так, если частные скотовладельцы, например, не могли выплатить положенный налог, то невыплаченные деньги, зафиксированные в налоговых дефтерах, каким переключивал на всю общину, к которой относился недоимщик, — писал кокандский хронист Абу Убейдулла о ташкентском наместнике Мирза Ахмеде ².

В налоговых же списках — дефтерах — обозначался не каждый индивидуальный налогоплательщик, а староста кишлака, аксакал айла, бай или манап. Это касалось не только частных землевладельцев, но и арендаторов, издольщиков. Как видно из материалов архива кокандских ханов, имена издольщиков обычно даже на ханских землях не вносились в хараджные списки. В дефтерах перечислялись только старосты селений, которым издольщики были подведомственны ³.

Во времена ханских междоусобиц, дворцовых беспорядков кочевники, особенно находившиеся далеко от кокандских центров, прекращали выплату податей. Но стоило несколько стабилизироваться положению в ханстве,

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 17. Оп. 1. Д. 12791. Л. 121.

² См.: Урунбаев А. Неизвестная рукопись... С. 36.

³ Троицкая А. Л. Сагира... С. 277.

как в «мятежные» районы направлялись войска для сбора всех податей и недоимок, выискивались причины для нового дополнительного обложения, в том числе и на содержание тех же карающих население войск. В один из таких периодов в 1860 г. западносибирский генерал-губернатор писал: «Под страхом смертной казни требуется с каждой юрты дикокаменных киргизов и зачуйских дулатов по одной лошади, хорошо откормленной и надежной к совершению походов... На продовольствие войска требуется с зачуйских племен по тысяче баранов от каждого бия не в счет зякета»¹. Помимо этого, в годы войн делали дополнительно и денежные раскладки. Известный тюрколог-путешественник В. Радлов, указывал на повышение время от времени военного налога с киргизов, когда сверх нормы с каждой юрты брали одну золотую монету — тилла, равную цене трех баранов: «Все эти пошрины, — завершает автор свои строки о налогах с киргизов, — брались силой»².

Для более эффективного взимания податей и транспортировки собранного в натуре налога в ханстве кокандцы использовали в полную меру свои крепости. Ханские джигиты забирали бараньи шкуры, арканы и другие предметы обихода, уводили красивых девушек и мальчиков, могли остановить любого верхового киргиза и отобрать его лошадь. Черным временем осталось в памяти киргизских стариков и их потомков кокандское время — время грабежей и насилия³.

¹ РГВИА. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

² *Radloff W. Aus Sibirien...* P. 533.

³ Полевые записи К. Усенбаева (1953 г.). (Рукоп.).

Натуральные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей. Ханы, беки, да и манапы, бии не прочь были использовать дармовую рабочую силу для создания ирригационной сети на своих землях, при постройке зданий и т. п.

В архивной записке со сведениями о Кокандском ханстве (1874 г.) можно прочесть следующие строки о применении трудовой повинности: «Для проведения дорог, постройки ханских домов, для работы на его пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов рабочие сгоняются со всех концов ханства, причем они должны трудиться безвозмездно, а в случае неявки их на работу люди эти наказываются палками, причем случается, что их забивают до смерти (таких примеров было четыре—пять). Иногда бывает и то, что несчастных послушников ханской воли живыми зарывают в землю»¹.

В широких масштабах трудовая повинность осуществлялась при ирригационном строительстве. Во время проведения Янги-Арыка в Наманганском вилайете в 1819 г. (мастер-ирригатор Илян-бай) каждый дом вилайета обязан был выставлять на 15 дней по одному рабочему с собственным пропитанием и кетменем. Ханским распоряжением привлекались и рабочие из других вилайетов. После Омар-хана, при Мадали и особенно Худояр-хане, трудовая повинность переводилась в денежную компенсацию, взимаемую с каждого двора вилайета. На собранные деньги нанимались подёнщики². С одной стороны, таким образом, в ханстве без усилий пополнялся фонд орошаемых

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6868. Л. 111.

² *Наливкин В.* Краткая история... С. 29.

земель, с другой — часть собранных денег непременно оседала в руках ханских чиновников.

Итак, в целом в Киргизии XIX в. преобладала натуральная рента, взимаемая Кокандским ханством, но имели место отработочная и денежная формы. Причем денежная рента обычно выступала в качестве видоизмененной формы натуральной ренты, ренты продуктовой, лишь выраженной через валютное исчисление.

В качестве денежной ренты Кокандскому ханству в Киргизии служили зякет и харадж деньгами за владение скотом и пользование землями. Денежная рента не являлась преобладающей, но свидетельствовала уже об определённых социально-экономических сдвигах. Постепенный переход от натуральной ренты к денежной наметился в среднеазиатских ханствах уже с нач. XIX в. ¹

К налогу деньгами с кочевников перешли, вероятно, раньше, чем с оседлого населения. Во всяком случае, к 70-м гг. он получил гораздо большее распространение. Это видно хотя бы из документов архива кокандских ханов, в которых перечисление налогов, например по Маргеланскому бекству, включая Ош, Араван и другие киргизские районы, с земледельческих культур названы в натуральном выражении (в чарьяках пшеницы, риса, хлопчатника, льна, опийного мака), а со скотоводческого населения — в денежном (в танга и тилла) ².

Денежный зякет представлял немалую статью ханского дохода. Достаточно сказать, что в последние годы зякет со скота кочевников (илатие) Оша и Аравана, племён най-

¹ *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство... С. 93—94.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 656.

ман, тейит, ургу, бига, уйгур, чучук ежегодно составлял один лак шестьдесят две тысячи девятьсот сорок танга ¹.

При этом в записях-дефтерах назывался то район, то род или племя, то предводитель кочевников.

Одну из статей денежного дохода ханской казны составляла и плата населения за топливо — собираемый на коруках хворост. Жители кишлака Киргиз-Курган в Наманганском вилайете ежегодно выплачивали за сбор хвороста в тугае ханскому налогосборщику Садык-саркару по 59 тилла — довольно внушительная сумма ².

Процесс превращения ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства и денежного обращения.

В Кокандском ханстве и Киргизии всех данных компонентов не было, натуральная рента оставалась преобладающей, а денежная выступала лишь ее видоизмененной формой. Если торговля только-только преодолевала пути многовековой замкнутости — кокандские, русские и кашгарские караваны стали проникать в край, то о городской промышленности, даже о специализированном, профессионально-цеховом ремесле не могло быть и речи. О товарном производстве можно говорить лишь в том случае, когда скот — основной прибавочный продукт кочевого и полукочевого населения — продавался на рынке за деньги. Киргизия в XIX в. до этого не дошла. Денежное обращение здесь было минимальным, в зачаточном состоянии. Преобладал натуральный обмен. Тем не менее, под воздействием

¹ Там же. Д. 1993.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 600.

все более проникавшей в Туркестанский край российской экономики, уже чувствовалась и проявлялась потребность в товарном обращении. Постепенную силу стали приобретать налоги, взимаемые в денежной форме, медленно, но неуклонно начал повышаться их удельный вес.

Натуральная и трудовая рента, являясь продуктом феодалных производственных отношений, способствовали застою производства, консервации общественных отношений. «С другой стороны, если натуральная форма земельной ренты — в Азии она составляет к тому же основной элемент государственных налогов — покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся с неизменностью естественных отношений, то путем обратного воздействия такая форма платежей сохраняет старые производственные формы»¹. В этом основной корень объяснения косности и тормозящего фактора развития общества и в Кокандском ханстве.

Остановимся более подробно на откупной системе и вопросе о соотношении ренты и налога в Кокандском ханстве, недостаточно ещё освещённых в научной литературе. Отсутствие должной организации учёта показателей налоговых возможностей населения привело к развитию в широких масштабах откупной системы в среднеазиатских ханствах. А. Л. Троицкая, проанализировав хозяйственный архив кокандских ханов, приходит к заключению, что для последних трех десятилетий Кокандского ханства была характерна откупная система податей и правительственных обложений². Практика откупов по нисходящей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23... С. 152.

² Троицкая А. Л. Каталог... С. 5.

ступени шла от хана к бекам, от бека — ниже. Иногда ханы в обход беков сами сдавали на откуп сбор налогов с определенных районов бекства или кварталов городов.

Даже управление целыми округами и бекствами сдавалось на откуп. Г. Осмоловский в 1857 г. писал, что «прежде Ташкентское владение с зависящими от него крепостями отдавалось как откуп, кто больше давал денег в год, того назначали хакимом-правителем»¹.

Ташкентский хаким в сер. XIX в. ежегодно выплачивал кокандскому хану зякет на сумму 80 тыс. тилла и сверх этого обязательно преподносил подарок — тартуу. Все это хаким отвозил сам или через ближайших сановников². Подобным образом и нижестоящие беки сдавали целые районы на откуп. Отдельные виды налогов брали на откуп купцы и ростовщики. По мере занятия Ферганы начальник г. Коканда рапортом от июня 1876 г. доносил военному губернатору области: «...весь финансовый строй в Фергане при ханах вёлся по откупной системе, что одно уже даёт серьёзный повод сомневаться в справедливости заключающихся в дефтерах сведений; всем известно, что сборщики податей всегда обманывали ханов»³. Всё это вело к тому, что при взимании налогов по откупной системе «не соблюдалось ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати»⁴. Для того, чтобы внести

¹ РГВИА. Ф. 67. Д. 52. Л. 8.

² *Макшеев А.* Показание сибирских казаков... С. 26.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁴ Из донесения управляющего туземным населением центра Туркестанской области 1 ноября 1865 г. // ЦГА РУз. Ф. И. 336. Оп. 1. Д. 14. Л. 113.

требуемую сумму в казну, откупщики-налогоборщики брали деньги в процент у ближайших купцов до взыскания налога ¹. Купцы, таким образом, постепенно втягивались в орбиту эксплуатации населения. Сохранились расписки откупщиков трафаретного содержания: «Подписка о том, что вместо отданных ими кокандскому начальнику за общество денег ... — ныне они с согласия общества (собирают) следующий харадж с жителей» ².

Для получения в аренду или на откуп сбора хараджа обычно подавали прошение хану или беку (образец такой челобитной приводит А. Л. Троицкая из материалов архива кокандских ханов) и получали соответствующее удостоверение или грамоту, а население данного района оповещалось особым указом или извещением, где перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. «По-видимому, — с полным основанием замечает А. Л. Троицкая, — аренда или откуп в ряде случаев перепродавались несколько раз. Первым откупщиком или арендатором хараджа был саркар или другое доверенное лицо хана или бека, которое в свою очередь сдавало харадж в аренду амлакдару, находившемуся под его контролем» ³.

Откупная система была тесно переплетена и взаимосвязана с ростовщичеством. В архивных материалах имеются документы, говорящие о ростовщических операциях в среднеазиатских ханствах, несмотря на формальный запрет мусульманской религией всяких сделок, приносящих проценты. Но на практике ростовщичеством занимались

¹ Там же.

² Там же. Л. 141—144 и сл.

³ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... С. 195—196.

даже духовные учреждения мусульманства — вакфные заведения. И если ростовщичество в целом, по словам К. Маркса, только «эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом»¹, то при деспотических формах ростовщичество не вызывало ничего, «кроме экономического упадка и политической коррупции»². Даже вакфные учреждения, вопреки официальному запрету шариата, не устояли против соблазна наживаться посредством ростовщичества. В 1291 (1874—1875) г. некий житель кишлака Сузак Мухаммед Юсуф-бай-Амин Суфи-Баккалов (он же Уста Надиров) пожертвовал в вакф сузакской мечети 15 тилла денег и поставил условие, что «мутавали должен их давать надежным лицам на проценты»³. Подобные явления не были единичными.

Налоговый гнёт и повинности тяжелым бременем ложились в первую очередь на плечи непосредственных производителей — крестьян. Феодалы, как кокандские, так и местные, киргизские, сами принимали участие в эксплуатации и к тому же пользовались всевозможными налоговыми льготами. На обельные частные земельные владения феодалов выдавались специальные ханские грамоты, а их владельцы вносились в особые списки — дефтери-тархани. Полностью или частично обельным выступало большинство вакфов. Один из крупнейших вакфов Кокандского ханства — Ошское медресе киргизского феодала Алымбека-датхи — был освобожден от всех

¹ Маркс К. Капитал. Соч. Т. 25. Ч. II... С. 159.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II... С. 146.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34391. Л. 2—3.

видов налогов. Не только вакфные лавки и земли, пожертвованные Абдулла-беком, но и земли, находящиеся в его частном владении, были освобождены от налогов ханами и его правомочными заместителями. В частности, в архиве кокандских ханов сохранилось распоряжение (патта) от 1287 (1870—71) г., адресованное некоему Мулле Барат-Махраму от Султан Мурад-бека об освобождении восьми бахчей (участков под дынями) Абдуллы от танапного налога ¹. Мало того, одновременно подобным же распоряжением освобождались от танапного налога и собственные владения (участки с дынями) зависимых от Абдуллы-бека воинских чинов (батыров) ². Через три года Султан Мурад-бек новым документом подкрепляет свое прежнее распоряжение об освобождении в Ошском вилайете собственных земель (сенокосов и виноградников) как самого Абдуллы-бека, так и его воинов ³.

Освобождая представителей феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства и верховный собственник земли. Нередко рента уступалась ханом не целиком, а частично, либо в качестве компенсации за услуги, военную службу или в результате «неполной» продажи земли. В таком случае часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть — присваивалась феодалами.

Ренту-налог феодалы присваивали с особого разрешения на то властей, непосредственно кокандского хана. Капитан Медынский писал в 1866 г., что при кокандском

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1293.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1448.

³ Там же. Д. 1710.

правительстве от взысканий зякета были избавлены из числа таласских кочевников феодалы датха Байзак и датха Сарымсак ¹.

Правом налогового иммунитета пользовались лишь крупные светские и духовные феодалы и мусульманские учреждения. В архиве кокандских ханов сохранился (без начала и конца) тарханный список лиц, освобождённых от денежного поземельного налога — танапа. В списке отмечены ходжи, бии, высшие сановники, ханские и бекские конники и т. д. ²

Приведем образец обельной грамоты, выданной Худояр-ханом в 1875 г. Абдулле-беку на вакфное владение медресе Алымбека-датхи в г. Оше.

«В настоящее время да знают и ведают все хакимы и амили, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама, и (все лица), причастные к султанским делам и принявшие на себя ответственность в ханских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кедхудаи высокой державы, то в дни ежедневно возраставшего и вечно (нам) сопутствующего могущества нашего августейшего величества чубаризат-пансат Абдулла-бек-датха купил на берегу сая вилайета Оша многочисленные лавки с пригодной для застройки земель, превратил в вакф медресе, построенного его отцом, покойным Алымбеком-пар-ваначи (и) изготовил вакфную грамоту, украшенную печатями казиев и улемов, (которая) удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из (нашего к этому лицу) благорасположения и благоволения (мы) повелели, чтобы все

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1805. Св. 892 а. Л. 780.

² *Троицкая А. Л.* Сагира... С. 276.

хакимы, и амили, и саркары, и амины, и прочие имеющие отношение лица, считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого медресе, не требовали и не стремились получить с него дирхемов и фулусов (и) не посягали на что-либо подобное из относящегося к упомянутым вакфам, и, считая по этой причине решенным, не преступали (нашего) высочайшего, обязательного для исполнения фирмана. В месяце раджабе почитаемом года 1292»¹.

В литературе было высказано мнение, что все вакфы обладали налоговым иммунитетом². Анализ вакфных документов кокандского времени не подтверждает этого положения. Правда, бытовало мнение, что духовенство и военные освобождались от хараджа и танапа: «Никто из них не давал ни одного фелса, ни одного дирхема султанским чиновникам и административным лицам», — писал анонимный автор кокандской хроники «Мираат-ал-футух»³. Но при более пристальном внимании к кокандской налоговой системе видно, что только часть вакфов была обельной, а часть не освобождалась от налогов. Доход вакфов, не освобожденных от налогов, состоял из дополнительного сбора (ренты) с населения, обрабатывавшего вакфные земли, или жителей, организовавших вакф в пользу вакфного учреждения.

Подтверждением этому служит история взаимоотношений жителей и вакфных учреждений киргизских кишлаков.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34947. Л. 4.

² *Чикаев К. Ф.* К аграрному вопросу... С. 7; *Валиев А. Х.* Положение дехканства Ферганы... С. 5.

³ *Бартольд В. В.* Отчет... С. 273; *Зимин Л.* Зерцало побед... С. 36.

Так, четыре вакфных участка, находящихся в кишлаке Кара-Багыш, были освобождены от уплаты податей. Налоги, причитающиеся с земель мечетей Мусабия и Бай Мухаммед-бая, выплачивала община, не внося их в свою общеподатную раскладку, а за земли мечети Тюрю-хан Тюрю-Ишана платили обрабатывавшие ее жители ¹. За вакфный участок Махтабхана и Мухаммед Исхак-бая в сел. Джигда-Могол платил организатор вакфа житель сел. Хан-Абад Мухаммед Исхак-бай ². Но даже вакфы, пользовавшиеся налоговым иммунитетом, правитель мог обложить налогом или потребовать единовременный взнос.

В обоснование прав феодала на налоговые льготы каждый новый хан давал специальные грамоты, утверждающие тарханные привилегии.

Видимо, какую-то налоговую привилегию имело служилое сословие киргизов — *сипах*. В архиве Кокандских ханов имеется жалоба учащихся кокандского медресе Хаким Аим на неуплату жителями селения Ханабад хараджа в вакф: «А большинство крестьян этого селения — киргизы; говоря: “Мы — войско”, харадж не платят» ³. Ссылка на принадлежность к воинскому сословию, вероятно, являлась серьезной причиной для отказа от выплаты податей.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие пережитков патриархально-родового быта у кочевников придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации внутри кочевого киргизского общества. Местная феодально-родовая знать не нуждалась

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 76.

² Там же.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 7.

в юридическом закреплении привилегий, хотя нередко и обращалась к ханам за подтверждением своих прав. Она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции. «... При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, — писал К. Маркс о феодализме, — традиция должна играть решающую роль»¹. Особенно большое значение она имела при родо-племенной структуре киргизского феодального общества, когда даже явные методы эксплуатации маскировались взаимоотношениями соседства, взаимопомощи, покровительством бедных родственников и т. п.

Нормы обычного права регулировали внутреннюю жизнь общины, этой основной формы социальной организации кочевников и полукочевников. Они носили классовый характер, освящая идею подчинения бедных и незнатных богатым и знатным. Г. Ф. Дахшлейгер на примере казахского народа высказывает мысль — эти формы были настолько сильны, что «по сути заменяли институт внеэкономического принуждения»². Для истории Киргизии рассматриваемого периода точнее будет сказать, что они подкрепляли институт внеэкономического принуждения.

При кочевом ведении хозяйства, основу которого составляло скотоводство, скот в руках баев и манаров служил одним из основных средств эксплуатации. Через скот

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II... С. 356.*

² *Дахшлейгер Г. Ф. Оседание и традиционные социальные институты... С. 3.*

киргизские феодалы получали ренту с лиц, наделяемых ими скотом, и прибавочную стоимость труда батраков.

Подати и повинности, которые несла киргизская беднота перед своими феодалами, внешне выступали как добровольный *акт*, но фактически были обязательными. «Вообще, манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях, — отмечал в 1859 г. М. Венюков. — Нет нужды говорить, сколько тяжёлых злоупотреблений ведет за собой такое устройство, корыстному бию или маналу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности»¹.

Подати и повинности в пользу киргизских феодалов выражались в самой разнообразной форме и обычно не ограничивались ни сроком, ни количеством, а обуславливались желаниями и прихотью феодалов. В Киргизии в период господства кокандских ханов имели место следующие сборы и повинности в пользу киргизских феодалов: союш, чыгым и салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан и куч, туякат и коро башы (чоп ооз или отмай), жол чыгымы и др.² Они распространялись как на прямо не зависевшие от феодала группы населения — рядовых скотоводов, так и на явно зависимых должников, родственников, бедняков и т. п. Скот предоставлялся во временное пользование нуждающимся, которые обязаны были сохранить приплод, довольствуясь за это молоком и шерстью животных. В результате бедняк становился в непосредственную экономическую зависимость от феодалов и вынужден был помогать баю в скотоводческом или

¹ Венюков М. Очерки Заилийского края... С. 108.

² Усенбаев К. Общественно-экономические отношения... С. 142—149.

земледельческом хозяйстве. «Живущий с баем бедняк, — писали экономисты П. Погорельский и В. Батраков, — получающий право доить для себя несколько овец, ровно столько, чтобы не умереть с голода, вместе со всей своей семьей выполняет под руководством бая все работы по уходу за скотом. Сам он или его подростки пасут скот, собирают хворост, жена его доит овец, прядет шерсть, носит воду, кипятит чай или помогает (в лучшем случае) во всех домашних работах женам бая»¹. Мы не можем согласиться с авторами лишь в том, что саан уже является проявлением капиталистических отношений в кочевом хозяйстве киргизов². Наделенные скотом бедняцкие хозяйства рассчитывались с собственником либо натуральной платой, либо своим трудом, т. е. саан выступал как феодальная натуральная и трудовая (типа барщины) рента, замаскированная патриархально-родовыми пережитками. Невыполнение бедняком обязанностей лишало его права на дальнейшее получение помощи. В отдельных случаях бедняк мог даже привлекаться к своего рода ответственности — моральному гонению, пренебрежению, изгнанию из общества — аила, общины и т. д.

У киргизов существовали особые нормы «обычного» права, устное юридическое руководство — *нарх*, согласно которому облагались штрафом все отказывавшиеся от уплаты податей, связанных с обязательным угощением гостей, например, манапов, приехавших на *той* или *аш*. Был даже обусловлен штраф, который доходил до 9 голов

¹ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана... С. 78.

² Там же. С. 75.

скота ¹. То есть, если патриархально-родовой «обычай» не помогал и кто-то все же осмеливался отказаться от «добровольного» приношения в пользу манапа, он подвергался не только моральному «остракизму», но и обязан был, по феодальному же праву, уплатить вполне реальный штраф.

В кочевых и полукочевых скотоводческих районах на землепахотных участках манапов, баев бедняки работали почти даром, за одно только питание. Бедняки-жатаки, не имея ни скота, ни сельскохозяйственных орудий, вынуждены были идти в услужение к баям, возделывая их поля. А. Миддендорф писал, что «богатые властители из числа киргизов (манап) обрабатывают почву руками совершенно обедневших людей (игенчи), которые работают почти только за один хлеб» ².

Своеобразной категорией зависимой формы землепользования была широко практиковавшаяся в Средней Азии издольщина в виде чайрикерства, орточества и т. п. По аналогии с оседло-земледельческим узбекско-таджикским населением она получила распространение и среди киргизов, занимавшихся земледелием. В своем большинстве чайрикеры-издольщики были из среды своих одноаильцев, из одного кишлака с землевладельцем. Причем чайрикерами были не обязательно полностью безземельные дехкане, но и владельцы средних участков, имевшие большие семьи и обладавшие избытком рабочей силы.

Среди киргизских хозяйств издольная аренда наблюдалась больше на юге, ближе к развитым земледельческим

¹ *Ильясов С. И.* Пережитки... С. 136—137.

² *Миддендорф А.* Очерки... С. 350.

районам Ферганы. Там, где она имела место, она выступала в натуральной форме. При этом большое распространение в хозяйстве киргизских феодалов имел наёмный труд. За лето работы на байских пашнях сезонный рабочий в сер. XIX в. получал от 4 до 6 мешков зернового хлеба ¹.

Еще одну форму эксплуатации, замаскированную патриархально-родовыми отношениями, составляло использование в хозяйстве родственников и сирот богатых «сородичей», которые с детского возраста помогали в семьях баев и были фактически на положении бесправных работников. Патриархально-феодальные отношения, затушевывающие классовые противоречия, заставляли считаться с подобного рода покровителями, которые внешне называли «пригретых» своими родственниками, выставляли напоказ свое «благодеение», а моральный кодекс народного обычая требовал, чтобы батрак «не забывал съеденную им соль».

Таким образом, и в формах эксплуатации проявлялся общественно-экономический строй — феодальный с остатками старых патриархально-родовых черт. Эксплуатация феодально-родовой знатью скотоводов шла, главным образом, путем выколачивания докапиталистической отработочной ренты (своего рода барщины), с одной стороны, и взимания продуктов ренты — с другой, но была замаскирована патриархально-родовыми нормами быта, «родовой взаимопомощью, «освящена» обычаями и обычным правом.

Поскольку основу общественно-политических и классовых взаимоотношений как в оседло-земледельческих,

¹ *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах... С. 389.

так и в кочевых скотоводческих районах составляли отношения поземельной собственности, землевладения и землепользования, постольку и экономической формой выражения права собственности являлось взывание налогов и обложение населения всевозможными повинностями; земельная рента. Владение землей и скотом было главным средством эксплуатации, а земельная рента — основной формой присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя.

Как было показано выше, в Кокандском ханстве и в частности, в Киргизии того времени существовали земли амляк (государственные), хасс (ханский удел), мильк (частновладельческие), замини жамоат (общинные), вакф (духовных учреждений и лиц). Налог с них совпадал с рентой, когда собственником выступало государство или его представитель — феодал, которому хан переуступал право на налог-ренту, обеляя владение. Там же, где феодал-земледелец помимо налога выжимал в результате арендной эксплуатации, откупной системы дополнительные прибыли, рента превышала налог и разница шла лично феодалу. Категория частновладельческих обельных земель — мильков, вакфов — уже приближалась к категории земель феодальной собственности. Отличительной особенностью таких земель являлось, во-первых, то, что правом налогового иммунитета наделял только верховный собственник земли, он же мог и лишить этого права; во-вторых, таким правом наделялась не только земля, но и сам владелец (хотя юридическим объектом выступала именно земля) и при смене владельца (например, в результате отчуждения участка) хан мог лишить нового землевладельца привилегий, которыми пользовался его

предшественник. Приближало такую категорию земель к частной собственности то, что хозяин, как собственник, присваивал земельную ренту полностью сам, ничего не выделяя государству, а земельная рента «есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется...»¹.

Поскольку верховным собственником земли в Кокандском ханстве являлось государство, то рента целиком и должна была бы присваиваться государством, вноситься в казну. Но государство выступало как орган феодалов во главе с ханом, и рента соответственным образом распределялась между представителями правящего класса. В таком случае часть налога-ренты продолжало получать государство, часть же — присваивалась феодалами. Это, в свою очередь, влекло усиление гнёта непосредственного производителя и еще большее увеличение ренты в пользу феодала за счет кабальных условий аренды.

В результате наряду с основной централизованной формой налога-ренты возникает и децентрализованная — переуступление государством (продажей, дарением, жалованием) феодалу права на часть или на всю ренту.

Из сравнения среднеазиатских документальных источников можно вывести средний размер полной ренты (с включением и налога), определившийся примерно в 1/3 валового урожая. Полное освобождение от налогов достигалось передачей государству суммы от 2/3 до 3/4 стоимости земли. Обратимся к фактам. Из донесения одного должностного лица в канцелярию Худояр-хана следовало, что в районе Гург-Тева, по словам аминов и аксакалов,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II... С. 167.

лет 120 до этого на государственных землях образовалось селение. Жители, обрабатывая землю исполу, выплачивали государству 1/3 урожая (налог-ренту). Затем, 90 лет спустя, они откупили за 58 тилла землю у государства в частное владение — мильк и стали вносить в казну уже 1/5 часть урожая (налог)¹, то есть государство за определенную плату переуступало часть ренты (около 1/7 урожая) жителям кишлака Гург-Тепа, которые стали мильковладельцами и продолжали вносить государству лишь часть прибавочного продукта (1/5 урожая), выступавшую в виде налога.

Общее количество прибавочного продукта, определявшего размер ренты, наглядно прослеживается по актам обеления частных владений феодалов. О. Д. Чехович приводит ряд подобных документов, относящихся к соседнему Бухарскому ханству², где земельные отношения были аналогичны отношениям в Кокандском ханстве.

Если феодал приобретал, например, участок государственной земли во владение (мильк), он тем самым как бы откупал у государства долю ренты (обычно десятую часть валового продукта). Когда феодал желал откупить у государства всю ренту, т. е. присвоить налог, фактически обелить владение, он должен был возратить в казну 2/3 или даже 3/4 земельного владения, т. е. отказаться от своей части ренты (1/10 урожая с возвращаемой земли). В некоторых грамотах по оформлению земельных владений в вакф особо подчеркивалась необходимость прежде всего уплатить долю государства.

¹ См.: *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... С. 205.

² Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве... Вып. 1. Док. 2, 10, 11, 12, 18, 19, 21, 25, 40.

Самая большая рента взималась с краткосрочных арендаторов-издольщиков (нимкора, чайрикер, орток). Если производитель имел свой скот, семена и арендовал только земельный участок, он выплачивал до половины урожая. Если бедняк помимо земли вынужден был пользоваться чужими семенами, тягловым скотом и орудиями труда (т. е. практически выступал наёмным работником), он отдавал до 4/5 урожая. Налог государству выделялся до распределения доходов. В отдельных районах только за право пользования землей издольщик вынужден был платить от 1/4 до половины урожая.

Наиболее кабальные условия издольщины наблюдались в кочевых районах. Многие члены айильных общин, доносил начальник Наманганского уезда военному губернатору Ферганской области, «не имеют ни скота, не пользуются землей самостоятельно, а обрабатывают ее из доли у своих одноаульцев», обычно отдавая от половины до 2/3 урожая ¹.

Специфическая черта частного феодального землевладения в Средней Азии — отсутствие барского хозяйства — объясняет факт преобладания эксплуатации в виде различных форм издольщины.

В последние годы Кокандского ханства Худояр-хан, чтобы сделать пастбища дополнительным источником дохода, объявил наиболее ценные из них «заповедными» — корук. С кочевников, пригонявших зимовать скот на земли, ставшие «заповедными», взималась дополнительная арендная плата, в качестве ренты поступавшая в ханскую казну.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33517. Л. 1.

С. И. Ильясов считает, что рента с завоеванием кокандцами киргизских племен, поступала в казну в форме налогов, ежегодных сборов, трудовых и натуральных повинностей. К ренте относились и самовольные взыскания киргизскими феодалами в свою пользу различных налогов, что сопровождалось повсеместным произволом и бесчинствами. В то же время юридически «отдельные феодалы, состоящие на службе у хана, не имели права собственности и не могли самостоятельно взыскивать налоги с населения, а получали вознаграждения лично от хана»¹. Однако нельзя полностью согласиться с автором, что хашар не мог быть отработочной рентой, поскольку его устраивали не только баи, но и середняки; что он проводился на добровольных началах и нежелающие могли не принимать в нем участия; что хашар не носил систематического характера. Автор не принимает во внимание форму принудительного хашара (в физическом и моральном смысле), от которого рядовой дехканин просто не мог уклониться; это работы по сооружению крепостных стен, проведению ирригационных систем, строительству домов, ограждений, коруков и т. п. С чем нельзя не согласиться, так это с тем, что не были рентой взятки и отдельные непериодические приношения, которые делались за всевозможные услуги и не были постоянными. Не являлась натуральной рентой и различная трудовая и материальная взаимопомощь в случае устройства пиршества (тоя), поминок (аша), уплаты калыма, куна и т. д., когда они производились не в пользу эксплуататорских классов, а между одинаковыми категориями эксплуатируемых.

¹ *Ильясов С. И.* Земельные отношения... С. 420.

Нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались своего рода нерегламентированной феодальной рентой и довольно обременительной для хозяйства рядового кочевника. Положение народа усугублялось тем, что киргизские феодалы, будучи административными чиновниками хана, взыскивая различные государственные сборы, использовали обмен и произвольно увеличивали размеры налогов. В Кокандском ханстве, как и в других восточнодеспотических странах, отношения между государством и феодалами сводились к тому, что феодалы в качестве агентов государства эксплуатировали массы через государство. Феодалы являлись в первую очередь государственными чиновниками. Основной формой ренты не только на государственных, но и на частновладельческих, общинных и вакфных землях была рента-налог, наряду с которой существовали и другие формы ренты, произвольные или обусловленные основной формой, или выступавшие наряду с ней. «Такое сочетание формы ренты, — пишет проф. Л. И. Дембо, — означало, что восточное государство совмещало землевладельцев с функцией орудия непосредственной эксплуатации масс средствами внеэкономического принуждения»¹.

Говоря о налогах и земельной ренте в Кокандском ханстве и киргизском обществе до присоединения к России, можно заключить, что именно они являлись основным стержнем, определяющим экономические отношения и классовую борьбу. Рентные отношения имели всеобщий характер, выражали суть феодального способа производства. Именно земельная рента явилась господствующей

¹ Дембо Л. И. Земельные правоотношения... С. 120.

формой присвоения прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве.

Отсутствие отработочной ренты типа барщины, но с наличием трудовой повинности — одна из специфических особенностей Кокандского ханства и киргизского общества. Господство натуральной, продуктовой ренты и появление элементов денежной ренты как превращённой формы натуральной отнюдь не способствовали прогрессу производства. Система налогов, разветвлённая и беспорядочная, являлась в этих условиях не чем иным, как централизованной формой феодальной ренты.

Такой характер ренты, присущий в целом феодальному обществу, нашел своё выражение и в системе земельных отношений, в налоговой системе киргизского общества, Кокандского ханства. Переплетение их с остаточными формами дофеодальных отношений, патриархально-родового быта накладывало архаичный отпечаток на общественные отношения.

Период феодализма характеризуется непрерывными, в большинстве стихийными, вооружёнными выступлениями народа как против «своих» угнетателей, так и против всевозможных завоевателей. Восстания также неотъемлемы от феодального общества, как и формы эксплуатации, порождавшие отпор.

Из истории Кокандского ханства явствует, что киргизы выступали самыми активными участниками восстаний, происходивших в ханстве, одной из главных движущих сил. Формы и методы борьбы были довольно просты: преобладали стихийный момент и неорганизованность, как, впрочем, и в большинстве других выступлений периода феодализма.

В. И. Ленин, характеризуя причины общей слабости крестьянских восстаний против крепостничества и царизма, писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹.

Эти положения в полной мере можно отнести и к восстаниям киргизов, узбеков, таджиков и других народно-

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 7... С. 194.

стей Кокандского ханства, являвшихся в подавляющей массе дехканским сельским населением. Общей чертой, слабостью всех восстаний эпохи феодализма являлись «стихийность, неорганизованность, разрозненность, отсутствие единой, проникнутой политическим сознанием программы»¹. Тем не менее, они имели прогрессивный характер. Как бы стихийны и неорганизованны ни были народные восстания, в них таилась в потенции огромная революционная энергия.

Характеризуя общее состояние Кокандского ханства, туркестанский генерал-губернатор, обладавший довольно широкой информацией о его внутреннем положении, 3 декабря 1875 г. доносил в военное министерство России: «История Кокандского ханства представляет собой ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз»². Все они заслуживают самого тщательного изучения, так как сыграли немалую роль в политическом развитии киргизов, способствовали в определённой степени развитию общественного самосознания киргизского народа, учили борьбе с угнетателями.

1. ВОССТАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

В среднеазиатских источниках, в большинстве придворных летописей и хроник, задачей которых было прославление правителей, реже, чем в любой другой литературе, можно встретить зафиксированные моменты выражения недовольства ханами, еще менее упоминаний о народных

¹ См.: *Черепнин Л.* Крестьянские войны в России... С. 77.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6886. Л. 2.

восстаниях и совершенно отсутствуют подробные их описания. Следует учесть еще и то обстоятельство, что почти все кокандские исторические работы были написаны не ранее сер. XIX в., когда многие события предшествующего времени забылись. Отсюда необычайная скудость фактического материала к. XVIII — нач. XIX в.

В первый период усиления ханства внутри государства, видимо, крупных восстаний и особых потрясений не было. Источники сообщают о спокойствии и трудолюбии простого люда — фукары¹. Это не значит, однако, что наступил социально-классовый мир. Угнетение населения приобретает всё более ухищренные формы, налоговый пресс уплотняется, оказывают сопротивление подчиняемые по окраинам киргизские племена. Но внутри государства организованный аппарат подавления и сильная армия пресекают все серьёзные попытки открытого проявления недовольства. И источники молчат о восстаниях на раннем этапе истории Кокандского ханства. Мулла Нияз-Мухаммед опологетически характеризует время правления Нарбуты: «Жить при нём всем факирам было хорошо... И такая необычайная была дешевизна и безопасность, что не существовало разницы между богатым и бедным»². Естественно, по понятиям автора, молва о такой жизни распространилась вокруг, вилайет процветал, сюда съезжались путешественники.

Народная память также сохранила мало конкретных фактов об активной борьбе с кокандцами в первой половине XIX в., что позволило отдельным исследователям

¹ Тарих- и Шахрохи... С. 31.

² Тарих- и Шахрохи... С. 34.

20-х гг. прошлого века прийти к ошибочным выводам об отсутствии в этот период «каких-либо попыток освобождения от гегемонии узбеков (узбекских ханов. — В. П.), по крайней мере, рассказать о них население не может, это говорит о политической слабости киргиз (ов) в этот период времени»¹.

Хотя о внутренних волнениях в Кокандском ханстве первой четверти XIX в. сведений почти не сохранилось, и придворные хронисты с восторгом описывали былое «благополучие», по отдельным замечаниям можно судить, что мира внутри страны не было. Автор кокандского источника «Тухфат ат-таварих-и хани» одну из глав своего сочинения о раннем периоде ханства даже назвал «Глава о смуте и волнении в государстве Коканд», вслед за которой шла «Глава о покушении на жизнь эмира Алим-хана»². И это не были придворные смуты, вызванные интригами двора и борьбой за престол. Перед нами волнения простого народа, возглавленные мясником Уста Сейидом из кокандской махалля Куш-Арык. «Сейчас, в 1287 (1870—1871) г. много развелось такого рода людей...», — комментирует автор, как бы перекидывая мостик между событиями времени Алим-хана и восстаниями в горах последнего периода правления Худояр-хана. Правда, источник связывает выступления народа против Алим-хана с его гонениями «святых» и «дивана»³. Но это было лишь формой открытого выражения протеста ханскому гнёту, приведшего

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 234. Л. 87.

² Тухфат ат-таварих-и хани... Л. 20—22.

³ Так, сообщается, что мясник Уста Сейид подвергался репрессиям за распространение слухов, что в его дворе появился святой.

к покушению на хана. Во время одного из радений, воспользовавшись неприкосновенностью и почитанием, некий «молодой дивана» нанес эмиру 18 ножевых ранений, но не смертельных. Это не случайный факт, выделенный автором в специальную главу, а серьёзный кульминационный момент протеста народа ханскому правлению, приведший к покушению, причем не со стороны придворных кругов, боровшихся за власть, а со стороны безвестного «молодого дивана» как представителя всех, бесстрашно пропагандировавших антиханские лозунги. Даже В. Наливкин, в целом склонный объяснить покушение гонениями Алим-ханом бродячих дервишей, и то сомневался — не результат ли это заговора: «Так и осталось неизвестным, — пишет он, — покушался ли дивана на жизнь Алим-хана по своей инициативе, или по наущению других»¹.

Слабость источниковедческой базы создает серьезные трудности в воссоздании картины восстаний, причин и движущих сил, в определении их участников. Отсутствие сведений о вооружённых формах протеста против ханской политики и действий представителей ханской власти на местах заставляет буквально по крупицам собирать материал, «выуживать» его из косвенных источников, выводить из сопоставлений и т. д., то есть проводить большую предварительную критико-аналитическую работу. Отсюда фрагментарность, неполнота освещения многих восстаний и связанных с ними событий, гипотетичность и нерешенность отдельных положений.

Тем не менее совокупность источников — русских архивных документов, кокандских и бухарских хроник,

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 95.

киргизских писем и санат, фольклорного и этнографического материала — дает возможность нарисовать общую картину освободительной борьбы киргизского народа, в конечном итоге явившейся одним из факторов, способствовавших присоединению Киргизии к России и падению Кокандского ханства.

Как было показано выше, в период подъема ханства представители киргизской знати участвовали в феодальных усобицах, в борьбе за низложение правящих ханов и возведение на престол новых. Простой народ в той или иной мере откликнулся на эту борьбу, надеясь участием в ней выразить свой протест ханскому налоговому гнѣту, изгоняли налогосборщиков и сопровождавших их ханские войска, при первой возможности с оружием в руках поднимались на восстания.

Борьба за ханский престол в центре и малейшее ослабление власти кокандцев на местах использовались киргизами для попыток сбросить ханский гнѣт. Все это и создавало ту напряженную атмосферу на окраинах Кокандского ханства, при которой киргизские кочевые племена считались самым беспокойным и опасным элементом, которого боялись, с которым заигрывали и который пытались беспощадно подавить при первой возможности.

П. Ф. Резник, оставивший краткую рукопись по истории Кетмень-Тюбе, — одного из центральных районов Тянь-Шаня, — подчеркивал, что местные жители «не особенно подчинялись хану и среди них всегда были волнения, когда все роды киргиз соединялись для противодействия ханской власти»¹. Командующий войсками Ферганской области

¹ Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе... (Рукоп.)... С. 65.

генерал М. Д. Скобелев имел все основания сказать об алайских киргизах, что они никогда, даже при сильных ханах, не выражали свое подчинение «обычною подданным покорностью». Отличаясь воинственностью и пользуясь труднодоступностью своих кочевий, они легко, «периодически летом возмущались против ханов». Их подданство обуславливалось лишь зависимостью от базаров и расположением многих зимовок в Ферганской долине и доступных ханским войскам предгорьях ¹.

Восстания, как следствие «жестокого и дурного правления» (по оценке русских посланников в Коканд)², часто вспыхивали в ханстве, охватывая временами огромные территории. Этим нередко пользовались и соперники ханов — претенденты на престол. А. Вамбери, в частности, писал в 1863 г. о непокорности киргизов, которые «по своему воинственному характеру употребляют той или другой политической партией для низвержения противников»³.

Восстания киргизского народа против гнёта кокандских феодалов, за национальную независимость нередко несли и элементы социального протеста гнёту местных эксплуататоров. В своей борьбе против ханско-феодальной тирании киргизы выступали вместе с соседними трудящимися казахами, страдавшими от насилий кокандских властей не меньше киргизов, а также с оседлым узбекско-таджикским населением.

Источники сохранили следующий факт. После завоевания Алим-ханом Ташкента и его окрестностей (1809 г.)

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6884. Л. 137.

² Там же. Д. 6844. Л. 21.

³ *Вамбери А.* Путешествие... С. 318.

некоторые жители, поддерживаемые окрестным кочевым населением, преимущественно казахами, не покорились и продолжали борьбу. Возглавлял движение один из представителей бывшей правящей династии в Ташкенте некто Кабил из рода кара-калмаков. Он сделал своей ставкой крепость Багистан в горах, откуда угрожал ханским войскам, торговым караванам. Но в конце концов, поверив обманным посулам Омар-хана, сдался кокандцам и был казнен ташкентскими старшинами ¹.

Одно из крупных совместных выступлений казахов и киргизов против Коканда произошло в 1821 г. в Таласской долине. Восстанием была охвачена огромная территория, в нем приняли участие тысячи простых людей, но руководство восстанием захватил некий Тентек-Тюря — представитель феодальной знати. В этом проявилась одна из закономерных особенностей народных восстаний в условиях патриархально-феодальных отношений. Господствовавшие в сознании народа понятия о «родовой солидарности» позволяли феодальной знати перехватывать руководство народным движением. Это обычно вело к тому, что в конечном счете либо сглаживались социальные аспекты восстания и его плоды пожинали лишь представители феодальной знати, либо руководители предавали восставших.

Повстанцы заняли города Чимкент, Сайрам и ряд других населённых пунктов, что говорит о мощи и размахе восстания. Но когда наступил кульминационный момент и кокандские войска осадили повстанческие города, Тентек-Тюря изменил. Восстание было жестоко подавлено ².

¹ Тухфат ат-таварих-и хани. Л. 45—48.

² История Киргизской ССР. Т. 1... С. 294.

В к. XIX в. 84-летний аулие-атинский житель Касымбек Атабаев рассказывал В. Каллауру о событиях времен своей юности — 20-х гг., когда таласские киргизы, восстав против кокандского ставленника, находившегося в Яны-Кургане, захватили крепость. Но подошедшие войска ташкентского хакима вновь подчинили Талас. Тогда-то и была построена крепость Аулие-Ата как центр управления таласскими киргизами и казахами, ставка кокандского наместника на Таласе ¹.

Среди киргизского населения имела хождение оваянная легендой быль о Тайлак-батыре, в которой он характеризуется как организатор и предводитель борьбы киргизов против кокандцев, как человек, выразивший интересы своего народа. Согласно поэме, записанной А. Чоробаевым, в 30-х гг. новое крупное восстание против кокандцев вспыхнуло на Нарыне. Его возглавил Тайлак-батыр. Тысячи повстанцев напали на крепость Куртка. Военный гарнизон не выдержал осады. Крепость пала. В плену у восставших оказался ряд кокандских сановников, отдохавших на Нарыне. Карательный отряд, посланный ханом против повстанцев, потерпел поражение. Народное движение приняло такой широкий размах, что хан уже не надеялся справиться с ним силой. И в ход было пущено коварство. Под видом лекаря послали агента, который отравил народного героя Тайлака. Только после этого восстание было подавлено ². Однако недолго длилось спокойствие. Еще неоднократно вспыхивали то здесь, то там очаги восстаний, неоднократно Куртка подвергалась новым нападениям.

¹ См.: *Каллаур В.* Из истории города Аулие-Ата... С. 14.

² *Чоробаев А.* Тайлак-батыр...

В к. 30-х гг. XIX в. на борьбу за свою независимость поднялись киргизы, кочевавшие недалеко от крепости Пишпек. К ним присоединилась часть казахов Старшего жуза. Непосредственным толчком к восстанию послужили произвол и насилие ханских сборщиков налогов — зякетчи, которых сопровождал военный отряд в 300 сарбазов. Плательщики зякета уничтожили весь отряд и убили начальника сборщиков подати. Против повстанцев выступил хаким г. Ташкента с карательным отрядом, но безуспешно. Лишь во время вторичного похода, внезапно появившись с большим войском под крепостью Пишпек, он сумел одолеть повстанцев. Напуганный размахом восстаний на северо-востоке страны, кокандский хан дал своим местникам неограниченное право управления и власти «над местным населением с одной задачей — держать его в повиновении»¹.

Продвижение бухарских войск и поражение Коканда в 1842 г. первоначально использовалось киргизами, начавшими изгонять на местах ханских ставленников. С этого времени подчинение и подданство отдалённых северокиргизских племён Коканду становится эпизодическим, нередко чисто формальным. Это дало повод даже Е. Скайлеру написать, что с 1842 г. киргизы освободились от кокандской зависимости². События в Кокандском ханстве привлекали внимание и русского министерства иностранных дел. В архиве откладывается информация, что в 1842 г. иссык-кульские племена восстали против хана, «свергнули с себя его иго и, разорив устроенные на

¹ Военно-статистический сборник. Вып. III... С. 130, 134—135.

² *Schuler E. Turkistan...* V. I.

границах кокандцев с кочевьями дикокаменных киргизов крепостцы, начали с тех пор действовать самостоятельно»¹.

Отпали племена Центрального Тянь-Шаня, освободились чуйские киргизы, стали независимыми киргизы Прииссыккуля. И. Бардашев, областной переводчик Семиречья, подтверждает этот факт: «Вследствие возникших в Кокане беспорядков, главные рода чёрных киргиз, кочующие в окрестностях Иссык-Куля, признали себя независимыми и выгнали кокандцев из небольших укреплений, устроенных на речках Караколе, Барскауне и Конур-Улене»².

Это ещё не была окончательная победа, не полное освобождение от кокандского гнета. Но это была победа, после которой ханство больше уже никогда не смогло прочно утвердиться на берегах Иссык-Куля. К сожалению, неизвестны ни ход восстаний, ни имена их предводителей. Ясна лишь причина — стремление к независимости, увенчавшееся успехом. Движущими силами и инициатором этой борьбы выступал простой народ.

Южнокиргизские племена, более тесно соприкоснувшиеся с бухарским нашествием и пострадавшие от него, не остались безучастными к пришельцам. Они вместе с кокандскими узбеками поднялись на борьбу против оставленного эмиром в Коканде своего наместника. Основной силой повстанцев явились отряды киргизов и узбеков. Бухарские войска и наместник были изгнаны, но престол занял новый хан. Формы и методы эксплуатации остались прежними.

¹ РГВИА. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 2. Л. 59—73; ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. Д. 14. Л. 515.

² *Бардашев И.* Сведения о дикокаменных киргизах...

В 1845 г. началось крупное восстание среди алайских киргизов, которое перекинулось и на окрестности Оша. О восстании сохранились сведения в нарративных источниках, в частности, оно описано Мулла Нияз-Мухаммедом в «Тарих-и Шахрохи»¹. В это время кокандский временщик — представитель мощной кыпчакской группировки Мусульманкул — был с войсками в Ташкенте, жители которого перед этим выступили против хана. Киргизы, воспользовавшись отсутствием на юге основных войск и главнокомандующего, подняли восстание. Вскоре оно охватило район от Алая и Уч-Кургана до Оша. Источники не сообщают конкретных причин восстания, но его основной удар был направлен против налоговой политики Шералы-хана, который был возведён на престол не без участия самих киргизов.

Восставшие, основную массу которых составляли алайские и ошские киргизы, совместными силами с поддержавшим их узбекским населением осадили город Ош. Когда весть о восстании дошла до хакима Шахриханского вилайета кыпчака Мухаммеда Назара Кур-Оглы, тот собрал войско (кошун) и пошел на восставших. Одновременно было послано сообщение Мусульманкулу, который спешно вернулся в Коканд и с войсками направился на соединение с кошуном Мухаммед Назара Кур-Оглы. Повстанцы были разбиты². Мусульманкул-мин-баши свободно вошел в Ош и «захватил в плен много киргизов»³. В. Наливкин пишет, что восстание было жестоко подавлено, много пленных

¹ Тарих-и Шахрохи. С. 170; МИКК... С. 233—234.

² МИКК... С. 233.

³ Ювачев И. П. Курбан-Джан-Датха... С. 964.

отправлено в Коканд, а Мусульманкул на некоторое время задержался в Оше, «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»¹. Однако кыпчакским феодалам не удалось стабилизировать положение в ханстве. Пока они были заняты подавлением восстания, некий Рахматулла датха-мирза и исфаринский хаким Сатыбалды-датха из киргизов договорились с английскими феодалами о низложении Шералы. Претендентом на престол выбрали Мурадбека (одного из сыновей Алим-хана), находившегося тогда в Ура-Тюбе.

Когда Кур-Оглы еще сражался с восставшими киргизами под г. Ош, пришло известие, что заговорщики доставили в Коканд Мурада и возвели его на престол. Шералы-хана «заставили испытать напиток мученичества»². В этих событиях впервые на политической арене в качестве активного участника выдвинулся крупный феодал Алымбек.

В несколько иной интерпретации описанные события освещаются В. Наливкиным, который роль киргизов в восстании не подчёркивает и не упоминает о действиях Алымбека³, хотя об этом имеются сведения, полученные от жены Алымбека — известной позднее Курманджан-датхи⁴.

Несомненно, в восстании движущей силой являлось кочевое и земледельческое население. Но выступление народа лишь использовалось феодалами для достижения своих целей. Отряды повстанцев под Ошом были разбиты, восстание потерпело поражение. Однако группа заговорщи-

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 161.

² МИКК... С. 233—234.

³ *Наливкин В.* Краткая история... С. 61—162.

⁴ *Ювачев И. П.* Курбан-Джан-Датха... С. 964.

ков, в том числе алайских феодалов, выиграла. На престол был возведен послушный им Мурад-хан. Так, используя народное недовольство, а также сложившуюся ситуацию, киргизские феодалы накапливали политический опыт, активно участвовали в ханских междоусобицах, преследуя свои личные интересы. Рядовым же участникам восстания приходилось расплачиваться и за карьеристские авантюры феодалов. Повстанцы разошлись по кочевьям, но оказалось, что налог выплачивать нужно, да еще и в больших размерах. Все это привело к тому, что рядовые киргизы, почувствовав себя обманутыми, начали равнодушно взирать на продолжавшиеся придворные распри. Когда кыпчаки Мусульманкула выступили против Мурад-хана, оказалось, что последнего поддерживает лишь небольшой киргизский отряд в 100—200 человек, находившийся в столице. Кыпчаки ворвались в город, часть киргизов погибла, часть попала в плен и лишь немногим удалось спастись¹.

На престол был возведен Худояр-хан. При нём первую роль продолжал играть властный предводитель кыпчаков Мусульманкул. Надо полагать, что часть киргизских феодалов в союзе с Мусульманкулом поддержала выступление против Мурад-хана, надеясь приблизиться к престолу нового хана. Некоторым наблюдателям, в частности, бывшему в Коканде официальному русскому посланнику — купцу И.Я. Крымову, этот новый переворот представился мощным восстанием, так как в движении принимали участие массы рядовых скотоводов. Правда, И. Крымов ошибочно датирует события 1846 г., но подобная неточность в сведениях того времени — довольно распространенное явление.

¹ Тарих-и Шахрохи. С. 170—178.

«Киргизы-кыпчаки, — писал он, — Кокандским ханством овладели в 1846 г. общими силами, т. е. всеми отделениями своих родов», но «изо всех отделений рода ихнева главные и уважаемые ими старшины и бии», исходя из того, что народ «с давних пор привык быть управляемый ханами», возвели своего хана ¹.

Итак, и это движение закончилось возведением на престол нового хана. Управление и налоговая политика каждого хана ничем не отличались от предшествующих. Уроки восстаний их ничему не научили, да и не могли научить. Феодалное окружение, принцип феодалного угнетения оставались прежними. Сохранялись и социально-экономические причины народных движений.

В 1847 г. произошло мощное Ташкентское восстание против деспотического ханского наместника Азиза-парваначи. Есть основание утверждать, что в нём приняли участие кроме городских жителей окрестные племена казахов и киргизов. Восстание было вызвано введением чрезмерного налога. Автор рукописи «Миррат-ал-футух» следующим образом характеризует обстановку накануне восстания. Азиз-парваначи установил такой жестокий деспотический контроль над жителями города и окрестных кишлаков, а также «подданными казахами и киргизами, что ни один из малых или великих, живущих на окраинах людей, или низкий человек без его повеления не имел силы и права перешагнуть на расстояние даже кончика пальца от большой дороги правдивости и справедливости... Он настолько завладел казахскими и киргизскими племенами и горожанами, а также отрядами войск, что они не могли

¹ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 48. Л. 19.

дать даже тайно ни одного дирхема, ни одного фельса местным правителям, начальникам, способным людям и государственным чиновникам ни из хераджа и зякета, ни из яргу и алагата. Указанные племена, получив от населения и полностью (налоги и поборы), не давали и не могли дать ничего из них даже в уменьшенном размере, представителям султанского дивана и казны»¹.

Автор сетует на Азиза и порицает его за злоупотребление властью, особенно за то, что парваначи не делился своими доходами с ханским двором и не выделял доли налогов в казну. Придворный летописец был сыном своего времени, но даже через призму своего искажённого мировоззрения всё же отразил характер злоупотреблений и эксплуататорскую сущность кокандских наместников.

Очевидец событий Мулла Аваз-Мухаммед сообщал, что толчком к восстанию послужило решение Азиза-парваначи и его эмиров и визиров «обложить деньгами население города и его окрестных сёл сверх их годовичного обязательства»². Другой среднеазиатский автор Мулла Мирза Алим, описывая предшествующие события, указывал, что население всегда было готово к восстанию и ждало только удобного момента³. Глубокие социально-экономические причины уже созрели и достаточно было одного лишь повода, чтобы разгорелась борьба.

В это же время на юге Киргизии новая волна протеста вылилась в выступление части киргизских племен во главе с Алымбеком-датхой, поддержавших Ходжа-Тюрю в борьбе

¹ Цит. по: *Набиев Р.* Ташкентское восстание... С. 29—30.

² Цит. по: *Набиев Р.* Ташкентское восстание... С. 64—65.

³ Там же. С. 64.

за кашгарский престол. Выступление было организовано вопреки воле кокандского хана, даже в противовес его внешнеполитическим интересам (Коканд пытался избежать возможности вооружённого конфликта с цинским Китаем). П. И. Ювачев замечает, что эти события происходили тогда, когда киргизы еще хорошо помнили своё прежнее независимое положение и при первой же возможности спешили «стряхнуть с себя вассальное подчинение кокандскому деспоту-хану» ¹.

Повстанцы захватили Кашгар, но вскоре местные цинские власти получили подкрепление, и тогда восставшие вместе с Алымбеком, да и сам Ходжа-Тюря вынуждены были возвратиться в кочевья на Алай. Это событие показывает, как киргизские феодалы в своих авантюристических планах и действиях, опираясь на накопившийся гнев против притеснителей, направляли в нужное им русло всколыхнувшиеся силы повстанцев. Данный поход, не освободив алайских киргизов от кокандского гнёта, имел трагические последствия для кашгарских жителей — уйгуров и киргизов. Спасаясь от мести цинских властей, кашгарцы потянулись в Фергану. Возвращение из Кашгара зимой было связано со смертью многих его участников. Снежная буря, застигшая киргизов на перевале Терек-Даван, привела к гибели многих детей и женщин, голод усугубил трагедию. Имущество кашгарцев было брошено или разграблено. Уцелевшие и вырвавшиеся в Ош вынуждены были продавать здесь своих детей, чтобы только добыть пищу и не умереть с голоду ².

¹ Ювачев П. И. Курбан-Джан-Датха... С. 964.

² Ювачев П. И. Курбан-Джан-Датха... С. 964—965.

Источники, в частности «Тарих-и Шахрохи», вскользь упоминают ещё об одной вспышке восстания киргизов против ханских войск. Это произошло в 1847—1848 гг. Мулла Нийаз-Мухаммед кратко сообщает о том, что восстали киргизы Наманганского округа. Спустившись с гор, они сразились с кыпчаками между двумя реками в одной из местностей Балыкчи, но потерпели поражение ¹.

Кыпчакские феодалы, захватив власть и прибрав к рукам Худояр-хана, жестоко угнетали не только узбекское оседло-земледельческое население, но и скотоводов, в том числе киргизов. Автор кокандской хроники «Мираат ал-футух», например, описание этих событий озаглавил так: «Изложение событий захвата власти и господства племени кыпчаков над городским сословием и киргизскими племенами» ².

В ответ на усиление политического и экономического гнёта Худояр-хана и Мусульманкула то тут, то там вспыхивают отдельные очаги восстания.

В 1848 г., после борьбы казахского султана Кенесары с киргизскими манапами, кокандские ханы, решив воспользоваться их усобицами, направили в Северную Киргизию войско. В информационном письме манапа Джантая Карабекова западносибирскому генерал-губернатору можно прочесть о соединении отрядов Джантая и Ормона для отражения войск кокандцев. Киргизы, «восстав против врагов, отразили их оружием, и они без всякого завоевания удалились». Осенью, пишет Джантай, кокандцы напали вторично «для отмщения за убитых у них в первой битве

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 182; МИКК... С. 234.

² *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание... С. 19.

людей». Однако в это время из Бухары «на сторону Коканда» двинулись эмирские войска, и кокандцы удалились из Киргизии.

Но в целом соотношение сил оказалось неравным, и киргизы вынуждены были вновь признать кокандское подданство. Джантай объяснял это лишь необходимостью уборки урожая: «Между тем я с находящимися в здешнем укреплении кыпчаками притворно обхожусь дружелюбно, обманываю их под разным предлогом лишь только до уборки хлеба, снабжая их иногда малым количеством баранами. Кочевья же и пашни Урман Батыря (Ориона) находятся от того укрепления в дальнем расстоянии, но пашни, как-то мои и султавского (солто) рода манапа Джанкарача аулы и пашни находятся поблизости»¹.

Действительно, зависимость киргизов от Коканда была весьма слабой и неустойчивой. Летом 1850 г., воспользовавшись тем, что кокандский отряд в несколько сот человек выступил из Пишпека в Тойчубеково укрепление, киргизы напали на ослабленную крепость. Но хотя взять Пишпек им не удалось, кокандцы вынуждены были возвратиться².

В нач. 50-х гг. XIX в. племена киргизов, управляемые манапом Ормон-ханом, вновь вышли из повиновения Коканду. Ханский военный гарнизон в Котмалды был разбит восставшими, а укрепление разрушено. Однако и здесь повстанцам не удалось окончательно освободиться из-под власти Кокандского ханства. Разгорелась междоусобная многолетняя борьба между сарыбагышскими и бугински-

¹ АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 19—21.

² *Серебренников А. Г.* Туркестанский край. 1848—1849 и 1850 гг. Док. 54. С. 100.

ми феодалами, чем умело воспользовались кокандские власти¹. Ослабленные в междоусобной борьбе киргизы могли легко стать добычей кокандских феодалов. В скором времени они вновь попадают в подданство Коканда. Ханам не хотелось терять такой богатый объект поборов и податей, каким являлась Киргизия. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы сохранить здесь свое господство. В Чуйскую долину и на Тянь-Шань посылаются военные отряды, которые силой вынуждают киргизские племена признать власть кокандского хана, безжалостно грабят и разоряют местное население. Весною 1851 г. в Пишпек прибыл кокандский отряд из 7 тыс. человек для утверждения подданства «неустойчивых» чуйских киргизов. Солтинцев поддержали сарыбагыши, и кокандский хан вынужден был отправить еще несколько карательных отрядов. Усиленное войско грабит «отпавших» киргизов: у скотоводов отнимают лошадей и овец, разоряют зимовки, айлы.

В подавлении восстаний и приведении в подданство северных соплеменников кокандцам помогали и киргизские феодалы — ханские сановники. Алымбек, когда стал влиятельным придворным, сам в 1853 г. потребовал от северокиргизских племен подчинения Коканду. Киргизские манапы жаловались в письме российским властям в сентябре: «...хокандский Алымбек прислал к нам письмо с угрозой, что если мы не будем иметь с ним свойства, то он придет к нам и накажет нас оружием»². Киргизы вынуждены были снова временно подчиниться кокандцам и направить зякет в ханскую казну.

¹ Провозглашение Ормона ханом... (Рукоп.).

² АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 45.

Стремясь использовать в своих корыстных целях освободительное движение народа, у киргизов нередко искали пристанища и опальные чиновники ханства. Известный кыпчакский предводитель Мусульманкул одно время — после неудачного соперничества с ташкентским правителем Нормухаммедом (которого он же в своё время поддержал в борьбе против Азиза-парваначи), вынужден был бежать в кочевья киргизов, «где надеялся найти не только безопасное на время убежище, но и возможность при помощи их восстановить значение свое в ханстве»¹. Что вскоре и исполнил.

Несколько позже в этих же киргизских кочевьях ищет убежища и алайский родоправитель Алымбек. Выступив против кыпчакской группировки и ханского временщика Мусульманкула, Алымбек-датха ушел за Нарын, воспользовавшись восстанием киргизов против кокандского хана. Восставшие осадили укрепление Куртку. Комендант — кыпчак, ставленник Мусульманкула, был вызван на переговоры и убит².

Вообще во время придворных смут в Кокандском ханстве тянь-шаньские киргизы довольно часто выходили из повиновения коменданта Куртки. Когда Алымбек-датха в середине 50-х гг., воспользовавшись недовольством народа против правящего хана, на гребне восстания высился до визиря, нарынские киргизы на первых порах почти совершенно перестали считаться с комендантом Куртки и даже отправляли (в 1858—1859 гг.) в Коканд

¹ ГА ОрО. Ф. 6. Д. 13254/16. Л. 66.

² *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 2... С. 256.

посольство (правда, безуспешно) «с просьбой дать им отдельного начальника»¹.

Видя тщетность борьбы своими силами против деспотизма Кокандского ханства, киргизский народ в лице дальновидных своих представителей стал искать помощи и опоры извне. В первую очередь, они надеялись на более могущественного северного соседа — придвинувшуюся к самым кокандским границам Россию. Налаженные с к. XVIII в. и успешно развивавшиеся в первой трети XIX в. контакты чуйских и иссык-кульских киргизов с Россией с завоеванием Киргизии Кокандским ханством были временно прерваны. Вновь они возобновляются во второй половине 40-х гг. XIX в. и особенно активизируются в первой половине 50-х гг. В своих письмах западносибирским властям киргизы неоднократно обращаются с просьбой о принятии их в российское подданство, надеясь таким способом избавиться от ханского гнета. Но на первых порах встречают воздержанность царских властей, считавших преждевременным такой акт. Положительный ответ поступил только в 1853 г. Осенью следующего года в Омск с берегов Иссык-Куля отправляется представительная депутация во главе с известным манапом Качыбеком Шералиным для принесения присяги от бугинцев на подданство России². 17 января 1855 г. в торжественной обстановке присяга была принята. Произведен юридический

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2... С. 255.

² Вопрос присоединения Киргизии к России подробно разработан в трудах Б. Д. Джамгерчинова, А. Х. Хасанова, К. У. Усенбаева, в связи с чем мы ограничимся лишь его краткой оценкой в свете киргизско-кокандских взаимоотношений в этот период.

акт присоединения Киргизии к России. Иссык-Кульские киргизы получили юридическое обоснование независимости от Кокандского ханства. Но этот акт во многом еще оставался формальным, так как русские власти ограничились лишь присылкой в качестве своего агента купца Файзуллы Ногаева, не подкрепив его даже вооружённым отрядом. В связи с этим ханские отряды еще некоторое время продолжали наезжать на Иссык-Куль за сбором податей, и местное население вынуждено было своими силами оказывать им посильное сопротивление. Но этот район уже прочно попал в поле зрения российских властей, державших курс на постепенное продвижение к Центральному Тянь-Шаню и твердое закрепление на берегах Иссык-Куля. Все события, происходившие в Киргизии, теперь получают отражение в донесениях пограничных властей западносибирскому генерал-губернатору, от которого они поступали непосредственно в Санкт-Петербург.

По мере возрастания роли и значения России в киргизских кочевьях всё более ослабевало влияние Кокандского ханства, всё шире разворачивалась борьба киргизского народа против ханских наместников. В июне 1855 г. командир Сибирского корпуса (он же западносибирский генерал-губернатор) доносил в столицу военному министру, что власть хана в верховьях р. Чу, отдалённых на значительное расстояние от центра кокандских властей снеговыми горными хребтами, «весьма шатка»¹. Для поддержания здесь своего господства ханы чаще использовали испытанную практику всех завоевателей и колонизаторов — поощряли

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.

усобицы, поддерживали то одну, то другую группу враждовавших киргизских родоправителей.

Как видно из другого донесения Г. Х. Гасфорда военному министру, в 1855 г. кокандцы активно поддерживали выступление сарыбагышей против бугинцев, только что принявших российское подданство и тем самым вышедших из под влияния Коканда. Они стали на сторону сарыбагышского манапа Ормон-хана, выступившего против бугинцев. Произошла вооруженная схватка. В ходе сражения сарыбагышский предводитель Ормон-хан был убит ¹. Этот случай послужил поводом для многолетней борьбы сарыбагышей с бугинцами, принесшей неисчислимые бедствия простым труженикам — скотоводам. Но и сарыбагышские феодалы, используя поддержку кокандцев, не намерены были слепо повиноваться хану. Опираясь на недовольство народа ханским угнетением, они и сами были непрочь временами уклониться от ханских налогов, что и произошло уже в следующем году.

Летом 1856 г. для наказания сарыбагышей, «вышедших из повиновения Коканду» и отказавшихся от уплаты зякета, был отправлен большой карательный отряд. Сбор зякета с местного населения превратился в настоящий грабёж. Господство Кокандского ханства над племенами сарыбагыш и солто было восстановлено силой с большой жестокостью ².

Подобная система сборов налогов носила характер обыкновенных грабительских налётов и вызывала при

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 16. Л. 112.

² История Киргизской ССР. Т. 1... С. 296.

малейшей возможности вооружённый отпор киргизов. Кокандский историк Абу Убейдулла Мухаммед¹, будучи сборщиком зякета, сам не раз оказывался свидетелем подобных выступлений. Наиболее крупным из них явилось восстание 1857 г. казахов и киргизов Семиречья. Первыми против ханского гнета поднялись казахи Старшего жуза. К ним присоединились киргизы, кочующие на Таласе и в Чуйской долине. Причиной этого выступления послужили факты произвола и насилия со стороны ташкентского хакима Мирзы Ахмета.

Кокандцы сначала определили с подведомственных Ташкенту киргизов и казахов зякет по 3 барана с сотни. Киргизы объявили, что этого зякета не дадут. Хаким стал настаивать. Тогда-то и «последовало общее возмущение киргизов, окончившееся тем, что ханское правительство ограничилось двумя баранами со ста»². Но народ, доведенный до отчаяния, решил вступить в открытую борьбу. Когда отряд кокандцев во главе с Худайберды Диванбеги вышел из Ташкента для сбора зякета с киргизов Пишпекского района, «старшины илатие (племени. — *В. П.*) и плательщики зякета подняли восстание, уничтожили весь отряд и убили самого Худайберды Диванбеги», — писал кокандский хронист Абу Убейдулла. Однажды он сам явился свидетелем, как уже после сбора налога закати-гусфанд явилось еще четыре посланца ташкентского наместника Мирзы Ахмеда с требованием увеличения сборов. Они «стали бесчинствовать и силой отбирать у на-

¹ *Абу Убейдулла Мухаммед. Холосат ул-ахвал... (Рукоп.). См.: Урунбаев А. Неизвестная рукопись...*

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т.5. 1865 г. Св. 892 а. Л. 780.

селения имущество. Тогда отряд кочевников численностью 200 всадников со своим старшиной Худайбергенем во главе напал на сборщиков зякета. Сборщиков схватили, раздели догола и по одному развезли по аулам»¹.

Вслед за этим разрозненные выступления, вызванные протестом против налогов, сливаются в общее русло восстания. Другой кокандский автор Абди Саттархан Казий свидетельствует: «...киргизы не согласились на уплату зякета и в разных местах перебили зякетчи, посланных беком для взимания означенного зякета». Восстание быстро расширялось. Оно охватило большую часть территории казахов Старшего жуза и северо-западные районы Киргизстана². Это уже явилось серьезной угрозой для всех северных территорий ханства. Встревоженный Худояр-хан решил сам во главе своей гвардии в 500 человек выступить «для усмирения восставших киргиз-кыпчаков в местности Джеты-Су», — доносил царский чиновник Осмоловский в 1857 г. Но угроза дворцового переворота в пользу брата Малля-бека вынудила его задержаться в Коканде³.

Несколько позже А. Л. Кун запишет об этих событиях и ташкентском правителе Мирзе Ахмеде: «Притеснениями и непомерными налогами он вооружил против себя народ до того, что восстание приняло грозные размеры»⁴.

Утихнув на зиму, восстание с новой силой разгорелось в 1858 г. Его свидетелем стал известный путешественник

¹ Цит. по: Урунбаев А. Неизвестная рукопись... С. 36.

² История Киргизской ССР. Т. 1... С. 296.

³ ЦГА РУз. Ф.И. 715. Оп. 1. Д. 18. Л. 330.

⁴ Кун А. Л. Некоторые сведения... С. 422.

Н. А. Северцов, оказавшийся в мае «кокандским пленником». Причиной восстания, писал Н. Северцов, «были поборы ташкентского бека»¹. Мирза Ахмед направил в кочевья кокандские вооружённые отряды численностью от 50 до 250 человек². Без вооружённого сопровождения зякетчи уже не рисковали выезжать в горы. Но и войска не всегда выручали. Отряд кокандского юзбаши (сотника) Абсеяма из поездки к кочевникам за зякетом «вернулся ограбленным»³.

Первыми, по словам Н. Северцова, возмутились «горцы, кочующие в хребтах между Ташкентом и р. Чу», т. е. Чаткала и Таласа. Отряды, выславшиеся на подавление восстания, со своей задачей справиться были не в состоянии, и вскоре «все кокандские укрепления между хребтом Кара-Тау и р. Чу были обложены киргизами». Такую картину наблюдал Н. А. Северцов в течение всего апреля. Но неорганизованность восставших мешала им достичь более заметных успехов. Повстанцы, осадив крепости, решили взять ханские гарнизоны измором. В то же время некоторые наиболее предприимчивые из примкнувших к повстанцам, продолжали выменивать у осаждённых на скот всевозможные товары, наивно полагая, отмечал Н. А. Северцов, «что доставляемое таким образом продовольствие недостаточно для города и что цель их все-таки достигается»⁴.

¹ Северцов Н. Месяц плена... С. 7—72.

² РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 180. Л. 8—10.

³ Северцов Н. Месяц плена... С. 70.

⁴ Там же. С. 7—72.

Основными участниками восстания, его движущей силой были казахи; причина крылась в социальном угнетении. Военный губернатор «сибирских киргизов» (казахов) генерал-майор Г. К. фон Фридрихс в рапорте генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду подтверждал, что восстание против «ташкентцев» «произошло от непомерных сборов податей»¹. Но руководство народным движением перехватили родоправители. Во главе восставших встал казахский «старшина» Худайберген. Повстанцы плотно окружили Аулие-Ата, где находился в то время Мирза Ахмед. Его положение серьезно осложнилось, и кокандский наместник униженно обратился к своему хану с просьбой о помощи. В Аулие-Ата были направлены войска, состоявшие из нескольких тысяч человек. Но прибывшие ханские отряды не осмелились сражаться с многочисленными повстанцами и ограничились лишь выводом Мирзы Ахмеда из окружения². Осада была снята, хотя напряженность осталась.

После восстания парваначи Мирза Ахмед, как видно из письма пишпекского датхи Атабека, был смещён ханом. В дальнейшем, с падением Ташкента, он бежал в Кашгар к Якуб-беку, где играл немаловажную роль в государстве бадаулета³.

Восстание, вспыхнувшее первоначально в знак протеста против действий ташкентского наместника Мирзы Ахмеда, уже в 1858 г. обратилось непосредственно против

¹ РГИА РФ. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 180. Л. 8—10.

² *Нурекин А.* Очерк истории Кокана с 1841 по 1864 г. ...

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6339. Л. 28.

Худояр-хана, против Кокандского ханства в целом. Не утихнув в северных районах, оно получило широкое распространение на юге. Здесь первыми на борьбу выступили алайские киргизы племени адыгене. Высланному на подавление восстания карательному отряду противостояла целая армия повстанцев в 40 тыс. человек. Вооружённые палками, саблями, боевыми топориками и лишь отчасти — огнестрельным оружием — фитильными ружьями и четырьмя легкими орудиями, восставшие встретили ханские войска недалеко от Маргелана. В местности Самгар произошло сражение. Карательный отряд был разбит. Несмотря на то, что восставшие не имели единого руководства, что во главе фактически разрозненных отрядов каждого рода и племени стояли самостоятельные руководители, народное движение представлялось как нечто цельное, направленное против правления Худояр-хана. Восставших киргизов поддержали кыпчаки и узбеки. Победа стала склоняться на сторону восставших. Родоправители решили воспользоваться этим, низложить Худояр-хана и возвести на престол его старшего брата Малля-бека, надеясь приобрести при новом хане большее влияние.

Возглавил восстание Хасан-бий, «бывший в то время в большой силе среди всех ближайших киргиз»¹. Активную роль играл и принимал самое непосредственное участие в восстании Алымбек и другие киргизские и кыпчакские родоправители. Мулла Хали-бай Мамбетов — информатор Н. Веселовского — рассказывал ему в 80-х гг. XIX в.: «Бек Мадамин сын Гура, Чакан дадха, Пулад дадха, Куйчи

¹ *Наливкин В. Н.* Краткая история... С. 188.

дадха, Алымбек, Сеид-бек, посоветовавшись, избрали ханом Малля-хана, а Худояр-хана изгнали из Коканда»¹.

Родной брат Худояра Малля-бек был первоначально (в 1852 г.) правителем г. Ташкента, но вскоре бежал к бухарскому эмиру и был назначен беком в г. Самарканд. Не довольствуясь этим, он возвращается в Коканд. Худояр-хан назначил его правителем Андижанского вилайета, одного из крупнейших в ханстве. В его ведении оказались окрестные киргизы, а поскольку мать Малля-бека была киргизкой, то родоправители и решили сыграть на этом, представив дело таким образом, будто интересы восставших киргизов и Малля-бека совпадают. Даже многие обозреватели в России поверхностно объясняли «общность целей» повстанцев и претендента на престол родственными отношениями. Воспользовавшись недовольством населения войной Худояр-хана с бухарским эмиром, широко разгоревшимся восстанием народа на севере, Малля-бек «с помощью каменных вообще киргиз напал на Коканд и овладел этим городом», — отмечалось в одном из информационных сообщений, направленных в это время в Россию².

Так, использовав социальный протест, борьбу киргизов и казахов за национальную независимость, Малля-бек занял кокандский престол, чтобы сохранить и продолжить ту же политику угнетения народа.

В целях сдерживания напора народно-освободительной борьбы кокандские ханы в 60-х гг. назначают в районы

¹ Веселовский Н. Киргизский рассказ... С. 5.

² ЦГА РК. Ф. И 383. Оп. 1. Д. 81. Св. 8. Л. 67.

кочевания северокиргизских племён комендантами крепостей киргизских манапов. Кокандские феодалы заменяются кое-где местными родоправителями. Шабдан Джантаев в своей автобиографии, написанной по просьбе Н.А. Аристова, вспоминал, что ташкентский правитель Катаат-ша хотел поставить его в 1860 г. беком в крепости Пишпек, но Шабдан не согласился. Несколько позже за какие-то услуги, оказанные Худояр-хану в Ташкенте, Шабдан был назначен беком г. Азрет-Султан (Туркестан), но к исполнению обязанностей так и не успел приступить: успешное продвижение русских войск в этом районе сделало должность непривлекательной и опасной, и Шабдан так и не стал фактически беком крепости ¹.

До нач. 60-х гг. XIX в. северные киргизы еще продолжали признавать свою общую зависимость от Коканда, несмотря на принятие частью из них российского подданства. Так, современник 60-х гг. писал о чуйских киргизах: «Все они платят зякет ташкентцам и редко некоторые избавляются от платежа и уходят далее на юго-восток, но на другой год они возвращаются и платят снова в гораздо больших размерах», поскольку открыто сопротивляться не было сил, а гор, в которых прочно и надолго можно было бы закрепиться, — нет» ². Положение усугублялось междуособицами как внутри киргизских племён, так и с соседними племенами казахов. Бугинский манап Боромбай в одном из своих писем жаловался, что «киргизы рода нашего с такими же других родов поимели междуособные распри

¹ Архив РГО. Р. 65. Оп. 1. Д. 11. Л. 582—583.

² ЦГА РУз. Ф. И. 336. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

и раздоры, причиняют одни другим обиды и насильства, так что лишились всякого спокойствия»¹. Все это ослабляло силы народа, позволяло ханской администрации использовать раздоры в своих целях, поочередно присоединять отпавшие племена.

В 1860 г. (в который уже раз!) Канаат-ша вновь «подчиняет» чуйских и таласских киргизов. В одном из кокандских сочинений — «Тухфат ат-таварих-и хани» — сказано, что в 1277 (1860) г. Канаат-ша собрал по приказанию эмира Малля-хана большой зякет с кочевников в областях Аулие-Ата и Пишпек. «Усмирив и подчинив все аймаки», он возвратился в Ташкент².

Новое мощное восстание охватило Кокандское ханство в 1862 г.

Причиной выступления весной 1862 г. явилось убийство заговорщиками Малля-хана. Среди активных участников выступления были алайский родоправитель Алымбек, кыпчакский бий Утембий. Сарыбагышский манап Умбет-Алы, например, прямо считал, что Малля-хана «убил один из придворных чинов хана Алымбек из рода адыге»³. Феодалы возвели на престол Шах-Мурада (Самрат-бека). Известный русский путешественник А. П. Федченко, возвращаясь к этим событиям, писал, что как только киргизы заметили, что их ставленник Малля-хан склоняется на сторону оседлой кокандской знати, они убили Малля-хана и провозгласили ханом Шах-Мурада, сына Сарымсака,

¹ АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 1—2.

² Тухфат ат-таварих-и хани...

³ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 5.

который был старшим сыном Шералы ¹. По ханству прокатилась волна вооруженных выступлений, началось избиение кокандских наместников.

Дворцовые интриги и переворот в пользу Шах-Мурада дали толчок всеобщему выступлению против кокандских чиновников на местах, вылившемуся в восстание против Кокандского ханства. Ташкентский купец жаловался на Сибирской линии, что в Коканде «настало время Самрата, а управление народом — Алымбека». Киргизы, говорил он, пользуются «всеобщим смятением», не пропускают правительственные караваны купцов, «что называется у них хан-талау (разграбление хана)» ².

Вскоре на престол возвратился с помощью бухарского эмира Худояр-хан. Заговорщики, в том числе и предводитель киргизских феодалов Алымбек, были казнены. 25 июля 1862 г. Г. А. Колпаковский в письме к корпусному командиру уже сообщал, что Худояр-хан при поддержке бухарского эмира победил, «многие из лиц, умертвивших хана Малля, были казнены, в том числе убит черню и знаменитый Алымбек» ³.

Воспользовавшись дворцовыми смутами в ханстве и общей его ослабленностью, восстают киргизы Чуйской долины. Они убили ханского наместника и осадили кокандскую крепость Пишпек. Одновременно повстанцы обращаются к русским властям с просьбой о принятии их в состав России. На этот раз просьба киргизов была

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан... С. 243.

² ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 6.

³ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 14.

сразу уважена. На помощь повстанцам направляются войска начальника Алатавского округа Г. А. Колпаковско-го. Совместными силами Пишпек был взят и разрушен. Господству кокандцев и в Чуйской долине пришел конец.

Таким образом, народные восстания против ханского гнета привели при поддержке России к полному освобождению Прииссыкулья и Чуйской долины от кокандского господства. Северная Киргизия была присоединена к России.

В других районах Киргизии борьба против ханского господства продолжалась, временами разгораясь до крупных масштабов. В ноябре 1862 г. Г. Колпаковский в одном из своих донесений сообщал центральным властям: «Беспорядки в Кокандском ханстве продолжаются ...успех на стороне кыпчаков, действующих соединенно с дикокаменными киргизами»¹.

Весной следующего 1863 г. повстанцы овладели почти всеми городами ханства, кроме Коканда и Ташкента. Осенью киргиз-кыпчакский феодал Алымкул совершил новый переворот, возвёл на престол 12-летнего сына свергнутого кокандского хана Султан-Сеида, а сам стал управлять ханством в качестве регента².

К оценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создалось впечатления огульного отнесения их всех без исключения к народно-освободительным движениям и социальным протестам.

¹ Там же. Л. 14, 22.

² В декабре 1863 г. манап Байтык доносил Г. Колпаковскому в Верный: «Кокандский хан — Султан-Сеид, 12 лет. Вместо него народом управляет Мулла Алымкул, дикокаменный киргиз» // ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. Л. 91.

Дело в том, что источники оставили о них весьма скудные известия, а родоправители-феодалы нередко сами провоцировали выступления в личных корыстных целях. И благородный взрыв народного негодования нередко ловко направлялся ими лишь против правящего хана, за нового претендента на тот же престол. Социальный бунт совмещался в конечном итоге с династическими распрями, от народных выступлений выигрывали лишь родоправители, а основная движущая сила — повстанцы незаметно для себя вновь оказывались в прежнем угнетённом положении. В то же время нельзя отрицать, что и дворцовые перевороты, смена ханов могли послужить поводом и создать условия для народных выступлений.

Восстания против кокандцев носили не только народно-освободительный характер, они содержали элементы и социальной окраски, борьбы против всех видов угнетения, в том числе и против «своих» родоправителей-маналов. Иногда, не имея сил справиться со своими подданными и желая их надежнее «привязать», маналы обращались даже к русским властям с просьбой о помощи. Сарыбагышский манал Тюре-гельды в феврале 1865 г. в письме к начальнику передовой Ново-Кокандской линии просил «о присылке ему сотни казаков для удержания киргиз за собой»¹.

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты, что было отмечено еще представителями царской администрации. Командующий войсками Западно-Сибирского военного округа писал, что «между маналами и народом существовали постоянный разлад

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 336. Оп. 1. Д. 8. Л. 96.

и несогласие»¹. Протест непосредственного производителя против феодалов-родоправителей обычно проявлялся в неуплате податей, уклонении от несения феодальных повинностей, в откочёвке на другие места и редко вырастал до вооружённого конфликта.

Довольно распространённой формой стихийного протеста являлась откочёвка бедноты от жестоких баев и манапов, однако попадали они при этом под власть не менее беспощадных правителей. А. Соколов, автор (нач. XX в.) ряда статей о киргизах, со слов Кальчы Кенебаева и Сулайманкула Тукена (оба — род солто), характеризуя подобные откочёвки, писал: «Такие переходы целыми группами совершались довольно часто, так как букара, стремясь найти более надёжную защиту, переходила к более сильному и справедливому манапу или заставляла своего манапа присоединиться к нему»². Наивные представления о «справедливых» и «несправедливых» манапах вскоре рассеивались, но поиски лучшей доли продолжались. Во время своего путешествия по Туркестану И. А. Северцов встретил «беглых бугинцев», которые «настаивали на том, что они не бунтовщики, а откочевали..., чтобы избавиться от сарыбагышских набегов». После перемирия верховного манапа бугинцев Боромбая с манапом сарыбагышей Умбеталы «тамошние беглые бугинцы покорились беспрекословно» и вынуждены были «вернуться на прежние кочевья» к своему манапу³. Даже когда бедняки

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 908. Д. 12. Л. 2.

² Соколов А. О кара-киргизах...

³ Северцов Н. А. Путешествие в Туркестан... С. 231.

откочёвывали под «защиту» других влиятельных манапов, то их положение мало чем отличалось от прежнего.

Подвижное скотоводческое хозяйство и патриархально-феодальные отношения порождали соответствующие специфические формы борьбы народа Киргизии. Антифеодальные волнения и выступления вспыхивали то тут, то там и носили открытый и локальный характер. Они проходили стихийно, неорганизованно и без единого руководства. Борьба киргизского народа не проявлялась так ярко и чётко, как у народов, прошедших классическую форму феодальной формации. Это объясняется слабым ростом производительных сил, разобщённостью народа и характером раздробленного скотоводческого хозяйства, политической разрозненностью киргизского народа, изолированностью киргизских племен и родов друг от друга. Она также определялась живучестью дофеодальных пережитков, забитостью и темнотой народных масс, наличием шаманизма и проникновением ислама, затемнявших и одурманивавших сознание трудящихся.

Манапы, беки, баи и бии старались внушить народу мысль о том, что якобы существует общность интересов всех членов родовых и племенных объединений. Пытаясь заглушить недовольство и негодование народа против феодального гнёта, они разжигали межродовую и межплеменную вражду, выдавая себя за «защитников» чести и интересов всех «своих» сородичей.

Обращаясь к истории социальных протестов, которые нередко переплетались с народно-освободительной борьбой, можно выделить следующие их формы: индивидуальные жалобы крупным манапам и кокандским высшим сановникам; коллективная борьба между родами за своего

претендента в главные манапы или коменданты крепостей, назначаемых ханами и их сановниками; барымта — насильственный угон скота у ненавистных феодалов (как составная часть межфеодальной барымты); откочёвка от «плохих» манапов к «хорошим» в иллюзорной надежде на лучшую долю; оседание и переход к земледелию как средство освобождения от родоправителя и, наконец, восстание против кокандских наместников и ханов, которое носило всегда и социальный заряд против «своих» киргизских феодалов.

Следует сказать, что социальные противоречия были достаточно напряжёнными, но слабое классовое самосознание, патриархально-родовые пережитки, отсутствие ясных целей и задач низводили всё до неорганизованного протеста. Другое дело — восстания, направленные против ханского гнёта, которые в определённых условиях превращались в общенародные, их основной движущей силой выступали мелкие и средние скотоводы, рядовые земледельцы, обнищавшие и разорённые в результате грабительской политики кокандских властителей и местной знати. В этих выступлениях принимали участие и представители местной аристократии. Конечно, их цели и задачи в корне расходились с целями и задачами народа, участвовавшего в восстаниях: простой народ хотел избавиться от господства Кокандского ханства, а представители родоплеменной верхушки пытались воспользоваться массовым стихийным народным восстанием для укрепления своих позиций.

Под ханским гнётом народ в стране представлял потенциальную силу, способную в любое время подняться на борьбу против ханской деспотии. Достаточно было малейшего

повода, и вся угнетённая народная масса приходила в движение, восстание охватывало все уголки ханства. Поводом могли служить как безмерное увеличение налогов, невыносимый произвол чиновников, так и вспыхивавшие где-либо междоусобицы, даже дворцовый переворот.

В целом 60-е гг. XIX в. характеризуются всё более активным сопротивлением киргизского населения Кокандскому ханству, усилением ориентации на Россию и постепенным принятием российского подданства. Чисто формальный акт добровольного принятия бугинцами подданства России в 1855 г. с занятием царскими войсками Пишпека, Токмака, Аулие-Ата, Чимкента и Ташкента становится в середине 60-х гг. реальностью, получает фактическое закрепление. С этого времени киргизские повстанцы Центрального Тянь-Шаня и Ферганы все более связывают свою борьбу против Кокандского ханства со стремлением присоединиться к России. Но ханство пока оставалось достаточно сильным, чтобы справляться с разрозненными выступлениями киргизов, кыпчаков и узбеков. Тем не менее уже всё ярче проявляются симптомы политического и экономического упадка, заката ханства.

Усиление влияния России в Средней Азии не проходило незамеченным для её политического противника в Азии — Англии. Обеспокоенные сужением сферы своего политического и экономического воздействия в перспективе, англичане повышают активность в Афганистане, Иране и в Средней Азии ¹.

¹ Подробнее см.: *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России... Гл. V; *Хидоятов Г. А.* Из истории англо-русских отношений. Гл. I—II...

Британские и царские дипломаты и военные ревниво следили друг за другом, пытаясь помешать сопернику активизировать свои действия, но Россия все увереннее продвигалась в глубь Средней Азии: Кокандское ханство становится ее вассалом, киргизские и казахские племена одно за другим принимают подданство России.

2. Народная война 70-х гг. и завоевание Россией Южной Киргизии

С присоединением Северной Киргизии к России, отторжением от Кокандского ханства Ташкентского наместничества и присоединением его к России положение внутри ханства существенно осложняется. Двор нуждался в прежних доходах, которые теперь можно было восполнить только увеличением налогового пресса, усилением эксплуатации трудящихся. Все это не способствовало, естественно, установлению спокойствия в ханстве. Волнения продолжались и локальные восстания то тут, то там разгорались с новой силой. Их поддержка со стороны России могла бы ускорить падение ханства. Но царизм, заключив с Худояр-ханом мирный договор, отказал в поддержке повстанцам, не вмешиваясь до времени во внутренние дела ханства, которое продолжало представлять бурлящий котел. Основную противодействующую властям силу в нём составляло киргизское население, ободрённое освобождением своих северных соплеменников.

В 60-х гг. продолжительная борьба за независимость охватила весь Центральный Тянь-Шань. Но кокандцы упорно боролись за сохранение здесь своего господства. Начато восстание было в 1859 г. чериками, которых поддержало

племя тынымсеит. Во главе чериков стоял Турдуке, тынымсеитов возглавлял Табалды. Во время своего путешествия в 1858—1859 гг. Чокан Валиханов останавливался в аиле Табалды, который произвел на него приятное впечатление: тридцатилетний воинственный мужчина, имевший свой отряд джигитов, постоянно готовый к набегам и отражению внешних врагов. Табалды высказал Ч. Валиханову своё желание принять подданство России ¹. Но вопрос долгое время оставался нерешённым. И хотя восставшие киргизы изгнали ханский гарнизон, взяли и разрушили основное кокандское укрепление Куртку, царские власти всё медлили с принятием их в подданство. В 1863 г. в донесении государственному вице-канцлеру в Санкт-Петербург западносибирский генерал-губернатор сообщал о повстанцах: «Черики были прежде кокандскими данниками и платимый ими зякет доставляли в курган Куртка, находящийся на правом берегу Нарына. Однако уже года два как черики перестали платить зякет и вообще порвали с кокандцами всякие отношения, пользуясь внутренними усобицами и смутами в ханстве» ². В 1863 г. к ним прибыл ханский отряд, состоявший из 1 500 сарбазов. Только тогда восстание было подавлено. Часть чериков вынуждена была временно бежать в Восточный Туркестан. Взятое и разрушенное повстанцами укрепление Куртка было восстановлено, здесь оставлен усиленный гарнизон.

В одном из писем Г. А. Колпаковскому Шабдан Джантаев в 1863 г. сообщал, что кокандцы оставили в укреплении

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2... С. 258.

² РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 70. Л. 8—9.

Куртка около 100 человек, но остальные при возвращении в Фергану на перевале Кугарт были застигнуты неожиданной бурей и многие замерзли ¹.

Потерпев поражение в столкновениях с ханскими войсками, повстанцы нередко вынуждены были спасаться бегством, укрываясь за неприступными горными хребтами, например, в Кетмень-Тюбинской котловине и даже на Памире ². Но бегство — не выход из положения, и рано или поздно бежавшие роды постепенно возвращались в свои кочевья. Приходилось временно мириться с преобладающей ханской силой. Но достаточно было малейшего повода, чтобы пламя восстания возгорелось с новой силой. Именно поэтому каждый дворцовый переворот и феодальные смуты использовались для проявления протеста ханскому гнёту.

Каждый новый хан, заняв престол, стремился склонить на свою сторону кыпчакских и киргизских феодалов, чтобы с их помощью установить свое управление даже в самых отдалённых кочевьях. Став регентом, Алымкул от своего имени и от имени нового хана разослал киргизским родоправителям Центрального Тянь-Шаня письма, предлагая забыть прошлое, установить мир, приехать за подарками и чинами. Феодальная верхушка киргизов была подкуплена, и восстание пошло на убыль. Манапы потянулись в Коканд на представление новому двору. В начале 1864 г. Мулла Алымкул упрекал сарыбагышского манапа Джантая, что от него нет посланцев, в то время как «все

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 383. Л. 98—99.

² Сыдыков О. Тарихи Шадмания... С. 36.

кочевые народы единодушно смирились перед кокандским правительством, соединились узами родства...»¹.

Джантай уже принял решение ориентироваться на Россию и не собирался его менять. Тем не менее и ханские власти не намерены были терять свой контроль над целым киргизским родом. Из Коканда в кочевья идут письма. Характерно в этом отношении послание от имени хана, направленное Алымкулом манапу Джантаю в 1864 г.: «...за то, что вы до сих пор не поспешили прибыть к Хазрет-хану с поздравлением и для узрения его благополучия и получения его щедрот, мы по родственному к вам чувству весьма тем огорчены, но все-таки по чувству того же родства мы надеемся на вас и думаем, что вы не приезжали из опасения по делу Пардыбека и Рахматуллы, и если это действительно так, то вы несколько не опасайтесь, потому что после воцарения на ханство в пятый день сафара великого нашего хана объявлена амнистия. На случай же врагов внешних и наказания, в пример перед народом, негодяев и ослушников внутренних, мы формируем войска и приводим в порядок оружие...»². Иными словами, не прислушаетесь к доброму призыву возвратиться в подданство — будете рассматриваться как непокорные повстанцы.

В другом письме Джантаю, также от имени хана, сообщалось о прекращении восстания и установлении спокойствия в ханстве, что «все 92 кочевых племени облекались в одежду согласия и вошли в один круг единства»³. В одном

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 139.

² *Серебренников А. Г.* Туркестанский край...1864. Ч. 1. Док. 32. С. 6—63; ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

из таких писем сарыбагышским манапам Алымкул сообщал: «92 кочевых племени..., соединясь единым духом согласия, поработили своего внутреннего врага и положили к подножию престола в Кокане, после чего по всем отраслям правление совершенно приобрело спокойствие»¹. В ответ на подарки и почётные титулы киргизские родоправители и на этот раз предали интересы народа.

В 1867 г. опять восстали киргизы Алая. Ханский наместник в Кызыл-Кургане Кул-датха своим произволом и самоуправством довел население до отчаяния. Киргизы под руководством некоего Садыка Саркера осадили и взяли укрепление Кызыл-Курган. Бек Кул-датха был убит. Но прибывший карательный отряд подавил восстание. Многие активные участники выступления были казнены. Через три года (в 1870 г.) на Алае вновь вспыхнуло восстание настолько мощное, что Худояр-хан вынужден был обратиться к бухарскому эмиру за помощью². С этого времени южные районы Киргизии представляют собой постоянный неутихающий очаг волнений, переросших во всенародную войну с ханским деспотизмом, произволом и налоговым гнётом.

Весной 1871 г. начались выступления сохских киргизов Ферганы. И в данном случае поводом послужили неумеренные поборы местного правителя. Против повстанцев Худояр-хан послал около 2 тыс. сарбазов и своего нового главнокомандующего Наиба Атабека. Киргизы отступили в горы. Отряд кокандцев проник глубоко в кочевья, но до

¹ Там же. Л. 103.

² История Киргизской ССР. Т. 1. ... С. 297.

повстанцев не добрался. В горах лежали снега, а по узким тропинкам войску было не пройти. Атабек захватил 12 первых попавшихся киргизов, которые и были демонстративно казнены в Коканде как участники восстания ¹.

В связи с восстаниями в горных киргизских районах укреплялись и пополнялись там ханские гарнизоны в крепостях. В архиве кокандских ханов сохранился документ 1290 (1873—1874) г. о направлении Исмаилом-токсобой в полк некоего дадхи-саркара на Алай тридцати шести ² воинских чинов (юз-баши, панджабаши, караулбеги, мирган) в полном воинском снаряжении, с ружьями и на конях ³. Перечислены только предводители подразделений (сотники, полусотники и др.), судя по чему можно заключить, что в горы направлялся большой воинский отряд — целый полк. Неутихающие волнения требовали серьезных усилий хана. Другим документом того же архива перечисляются воинские чины, направленные на Алай тем же Исмаилом, названным пансадбашой, и количество выданного им с воинами зерна — около 600 чарьяков ⁴.

Время правления последнего кокандского хана Худояра вошло в историю как период жесточайшего угнетения народа и его непрерывавшейся борьбы за свободу. В краткой официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» Н. Петровский констатирует, что причина восстания сводилась к «жестокому, крайне деспо-

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан... С. 303—304.

² А. Л. Троицкая указывает 26 воинских чинов (см.: Троицкая А. Л. Каталог... С. 298). Пофамильно же перечислено 36 человек.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 2026.

⁴ Там же. Д. 804.

тическому управлению ханством бывшего его правителя Худояр-хана»¹.

Деспотизм хана опирался на самые жестокие методы правления, на коварство в междоусобной борьбе за власть. «Насильственные захваты, отравления, умерщвление целых династических родов ближайших родственников, ночные нападения, утопления, сажание прежних властителей на кол живьем, похищение юных принцев для придания законности восстаниям, претенденству, регентству и т. д., следовали одно за другим непрерывною чередою», — отмечал акад. А. Ф. Миддендорф². Американец Е. Скайлер, посетивший Коканд как раз перед падением ханства, приводил пример, когда после одного из восстаний было захвачено 500 его участников и самым жестоким образом казнено на базаре при собрании народа³.

Е. Росс и Ф. Скрайн, побывавшие в Туркестане в конце XIX в., небезосновательно характеризовали Худояр-хана как всеми ненавистного жестокого правителя, из-за которого «часто разгорались мятежи»⁴.

Несмотря на большой размах и даже частичный успех, восстания 70-х гг. против кокандских ханов не могли привести к каким-либо социально-экономическим изменениям ни в киргизском, ни в узбекском обществе. Локальность восстаний и неорганизованность повстанцев, отсутствие ясных политических целей, выступления, направленные

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 335. Л. 2.

² *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1852. С. 384.

³ *Schuler E.* Turkistan.... P. 16.

⁴ *Skrine F.H., Ross E.D.* The Heart of Asia... P. 259.

не против строя, за изменение его основ, а лишь против одного хана за другого, более «доброго и справедливо-го», не могли привести к коренным социально-экономическим и политическим изменениям. При всем этом, если в 1871 и 1872 гг. восстания были эпизодическими и локальными, то с 1873 г. они переросли в настоящее пламя, бушевавшее почти непрерывно четыре года — до бегства Худояр-хана под защиту царских штыков и падения ханства. Ход восстания 1873—1876 гг. и активное участие в нем киргизов детально прослежены К. У. Усенбаевым и А. Х. Хасановым¹. Поэтому, не задерживаясь на уже известных моментах, дадим ему лишь общую краткую характеристику как заключительному этапу всех предшествовавших восстаний.

Это была настоящая народная война, руководителем и одним из организаторов которой явился выходец из киргизского рода бостон племени ичкилик Исхак Мулла Хасан-оглы.

В отношении оценки восстания и его предводителя Исхака в литературе до сих пор нет устоявшегося твердого мнения. Одни исследователи (С. Павлов, М. Рабинович и др.) представляют движение как народно-освободительное и характеризуют его предводителя как национального героя, выразителя настроений народа.

Другие (А. В. Пяковский, частично К. Усенбаев) — последний этап восстания (1875—1876 гг.) считают реакционным, а его предводителя авантюристом, реакционером, стремившимся к возврату феодально-ханских порядков.

¹ Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии. Гл. II—III...; Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов... С. 88—140.

Всё это свидетельствует о настоятельной необходимости специального исследования этого крупнейшего в истории Кокандского ханства движения. По нашему мнению, наиболее верная оценка (хотя и недостаточно аргументированная) характера восстаний 70-х гг. XIX в. и их лидера дана в «Истории Узбекской ССР»¹. Представляя Исхака как руководителя стихийного народного движения, «сознание которого не выходило за рамки наивного монархизма, присущего крестьянству феодальной эпохи», авторы справедливо считают, что «основной движущей силой восстания до конца оставались народные массы, выступавшие как против ханского гнета, так и утверждавшегося владычества царской России, усиливавшего и без того бедственное положение народа»².

Как нередко было в эпоху крестьянских войн периода феодализма, на отдельных этапах к восстанию примыкали и представители духовенства и феодальной знати, выступавшие за расширение своих привилегий. Но не они определяли общий характер движения. К тому же их роль была непоследовательной, а изменнические действия разоблачали их и отталкивали от них народ.

Итак, обратимся непосредственно к восстанию. Толчком к выступлению народа послужило дополнительное налогообложение киргизов предгорных районов Ферганы. Русский обозреватель Ю. Россель писал: «Туда явились ханские офицеры налагать добавочные подати по три овцы с каждой кибитки и еще новый поземельный налог

¹ История Узбекской ССР. Т. II. 1968.... С. 29—38.

² Там же. С. 29—38.

на обработанную землю в горах»¹. Киргизы выразили протест и отказались вносить такие налоги. Позже произошло сражение с высланным ханским отрядом. Киргизы были вынуждены откочевать в отдаленные урочища под защиту гор. В целом в 1873 г. 20 тыс. киргизских и 10 тыс. кыпчакских хозяйств (т. е. примерно 150 тыс. человек) снялись и откочевали с постоянных мест обитания под защиту неприступных гор, спасаясь от ханских войск². С этого момента и началось самое мощное народное движение в Кокандском ханстве, сразу же ставшее объектом пристального внимания царских властей.

17 августа 1873 г. туркестанский чиновник Н. Стремоухов в докладной записке в канцелярию туркестанского генерал-губернатора доносил о положении в Кокандском ханстве. Правда, причины восстания автор в силу своего мировоззрения выводил лишь из различия религий. Кокандские ханы, писал он, «силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату. Хотя киргизы считаются мусульманами, их нравы и обычаи совершенно различны с мусульманскими... Управляются же они по адату (обычное право), которое очень резко отличается от шариата». В настоящее время, доносил Н. Стремоухов, киргизы, «утомлённые постоянными несправедливостями, не видя им конца, поднялись против Худояр-хана и дали своей ненависти к нему вырваться наружу»³.

¹ *Россель Ю. А.* Среднеазиатская культура... С. 606.

² ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 58. Л. 177—178.

³ Там же. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 1—8; Копийные материалы в рукоп. фондах ООН НАН КР. Инв. № 81. С. 101—109.

Основным предводителем повстанцев стал, как уже писали, киргиз Исхак, бывший работником у некоего мелкого торговца Абду-Мумина.

Исхак родился в семье маргеланского мудариса примерно в 1844 г. Окончив сельскую школу (мектеп), он одно время учился в кокандском, затем в маргеланском медресе. В 1867 г. бросил учебу и против воли отца поселился среди одноплеменников рода бостон. Кочевал с киргизами, наблюдая народную жизнь. Затем нанялся работником к старому сподвижнику Алымкула, ставшему мелким торговцем, Абду-Мумину. Видя беспощадное угнетение простого народа, сочувствуя его борьбе против ханского деспотизма, Исхак решил использовать наивные монархические настроения дехканства и возглавить движение, приняв имя Пулат-хана — отказавшегося поддержать повстанцев действительного внука Алим-хана.

Когда депутация киргизов возвращалась из Самарканда от настоящего Пулат-хана, не захотевшего принять участие в восстании, Исхак присоединяется к ней, выдает себя за внука Алим-хана и в сопровождении 200 вооружённых сподвижников появляется на Чаткале в качестве предводителя движения. Так, простой киргиз Исхак, став самозванным Пулат-ханом, начал борьбу против Коканда.

Но он не был единственным руководителем движения, которое особенно на первых порах носило локальный характер. Отдельные разрозненные отряды повстанцев имели своих предводителей. Наиболее известными в 1873—1874 гг. среди андижанских киргизов был Мамыр Мергенов, а среди чаткальских — Момун Шамурзаков ¹.

¹ *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов... С. 88—101.

В рапорте токмакского уездного начальника военному губернатору Семиреченской области от 19 сентября 1873 г. читаем: «Командированный мною на Кокандскую границу для расследования слухов о волнении пограничных киргиз(ов) капитан Безсонов между прочим сообщил мне, что волнения между кочевниками киргизских родов происходили с весны нынешнего года и разрешились два месяца тому назад нападением Мамыра с родами Кушки, Мундуз, Багыша, Басыз (они же Каманы) и Карабагыш на город Хановат... Мамыр потерпел поражение, так что считают потери около 300 человек, кроме убитых в драке, в числе этих есть захваченные с пашен. Захваченных в бою и с пашен в плен кокандские власти распорядились послать по кишлакам человек по 5—7 и посадить на кол. На пашнях убивали женщин и детей, беременным женщинами распарывали животы... (в результате) киргизы прикочевали в наши пределы и разбились по разным местам, большая же часть в Кетмень-Тюбинскую волость, а Мамыр отправился со 100 джигитами к киргизам рода адыгене, от которого Абдурахман требовал биев и почетных людей, но они ему отказали под тем предлогом, что не хотят видеть своих людей на кольях»¹.

Алайские и ферганские киргизы, восставшие против Худояр-хана, искали поддержку и находили сочувствие у своих соплеменников, давно уже ставших российскими подданными, — таласских, чуйских и центрально-тянь-шаньских киргизов. Имеются данные, что ходжентские киргизы, восставшие в 1873 г., поддерживали связь с токмакскими киргизами и переписывались с Шабданом

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 43—46; Копийные материалы рукоп. фондов ООН НАН КР. Инв. № 81. С. 89—91.

Джантаевым ¹. Повстанцы обращаются к официальным русским властям с просьбой о принятии их в подданство и оказании помощи.

На первом этапе силы были неравны, и повстанцы потерпели поражение. В это время они неоднократно обращались к туркестанским властям с просьбой о принятии их в российское подданство. Так, в начале ноября 1873 г. явились депутаты от кокандских киргизов к ходжентскому уездному начальнику и предоставили списки недовольных 42 родов всего в «132500 кибиток» ², которые выражали желание принять российское подданство. Делегаты повстанцев пытались выяснить, каково будет отношение царских властей к новому восстанию.

В списке перечислены не только киргизы, но и узбеки. Если принять по средней оценке на одну юрту (или хозяйство) семью в 4—5 человек, то общая численность населения, имевшего отношения к восстанию, превысит полмиллиона человек (560—600 тыс.). Это — самое яркое свидетельство того, что подавляющее большинство населения ханства выступило на борьбу против ханского гнёта. Восстание переросло в общенародную борьбу. Приведем извлечение из письма восставших киргизов начальнику Ходжентского уезда в 1873 г. «Хан начал выступать против шариата (т. е. закона. — В. П.), за это мы, не вынося несправедливости, ограбили его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы убежали в горы, оставив наши

¹ Из Ташкента в Верное. Телеграмма Колпаковскому // ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 196. Телеграмма № 87.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 10—11; Копийные материалы рукоп. фондов ООН НАН КР. Инв. № 81. Л. 110—111.

кочевья. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих людей в г. Асаке, и по приказанию хана велел их всех посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана»¹.

Массовое движение в Кокандском ханстве, по донесениям бывшего в это время там царского агента, коллежского советника Я. Вейнберга, явилось следствием «жестокости и дурного правления», а возникло из-за подстрекательства окружающих хана и его противников². Мнение чиновника было чисто субъективным и не отражало существа дела. Но даже он, неоднократно подчёркивая жестокость и ханский деспотизм, свидетельствовал, что хан держится единственно благодаря царской поддержке, имея за своей спиной союзником царизм в лице его местного правителя — туркестанского генерал-губернатора.

Восставших первыми кочевников-киргизов поддержали оседлые слои населения, узбеки и таджики. В своем письме из Кокандского ханства (куда был послан в 1874 г. с особым поручением) Я. Вейнберг доносил в канцелярию туркестанского генерал-губернатора: «Оседлое население наравне с кочевниками тяготится настоящим положением дел в ханстве и если доньше между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобы они относились враждебно один к другому; подобные отношения существуют между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник вполне сочувствуют кочевнику, живущему своими стадами»³.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 58. Л. 362.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6874. Л. 21.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 326.

Это-то особенно и настораживало царских колонизаторов, заставляло поддерживать шаткую власть кокандского хана.

«Волнения между кочевниками, — сообщал осенью 1874 г. туркестанский генерал-губернатор военному министру, — нашло себе отголосок и в среде оседлого народонаселения, недовольного жестокостями и чрезмерными поборами хана»¹. Объединение сил воинственных скотоводов-кочевников с трудящимся оседло-земледельческим населением обусловило неизбежность падения ханского режима. Поскольку кокандский хан был связан договором с царизмом и в качестве вассала вполне устраивал колонизаторов, восставшие, хотя и обращались за помощью к туркестанским властям, не получали ее; им отказывали и в подданстве. Но народное движение приняло такие размеры, при которых ханская власть была уже обречена. На первых порах отдельные роды самовольно, еще до получения официального согласия, переходили в русские пределы. Только в течение лета 1873 г. 1 700 киргизских хозяйств перекочевали из окрестностей Андижана в Токмакский уезд. Однако туркестанский генерал-губернатор распорядился выпроводить их обратно, сообщив об этом военному министру и уведомив Худояр-хана².

Хорошо вооружённые ханские войска, поддержка царского правительства препятствовали на первом этапе победе повстанцев, несмотря на всю массовость движения. Ход восстания развивался как бы волнами, разгораясь весной и летом, затухая осенью и зимой. Так было в 1873 г.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 154.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6874. Л. 24.

и в 1874 г. 23 ноября 1874 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области доносил туркестанскому генерал-губернатору: «... восстание в Коканде прекратилось... После окончания беспорядков хан обложил особым сбором тех, кто принимал участие в восстании, вследствие чего некоторые киргизы, обложенные излишним налогом, откочевали в разные стороны...»¹.

Однако население не смирилось с сохранением власти Худояра: шла подготовка к следующему этапу борьбы с ханской деспотией.

В 1875 г. движение вспыхнуло с новой силой. Спустившись с гор, киргизы при поддержке дехкан Ферганы, занимая один кишлак за другим, осадили города. Худоярхан попал в безнадёжное положение и бежал под защитой вооружённого русского отряда в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. Ханом был провозглашен сын Худояра Насреддин, но это не остановило восстания. Под руководством Исхака движение продолжало шириться. По древнему обычаю и под впечатлением монархических тенденций повстанцы в противовес Насреддину провозглашают своего предводителя ханом. Исхак был поднят на белом войлоке и превратился «законно» в Пулат-хана.

9 октября 1875 г. повстанцы взяли Коканд. Насреддинхан в панике бежал в Ходжент, под защиту царских войск².

В ноябре 1875 г. царские власти вынуждены были признать широту и мощь народного движения против кокандского хана, восстания кыпчаков и киргизов, под-

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 270.

² ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 64. Л. 93.

держанного оседло-земледельческим населением¹. Туркестанские власти стали всерьез побаиваться, как бы пламя восстания не перекинулось в пределы владений России в Средней Азии. Слишком явно проявлялось сочувствие чуйских и тянь-шаньских киргизов своим южным собратьям. В этих условиях к к. 1875 г. была дана санкция царского правительства на введение в Кокандское ханство русских войск. Царизм еще не представлял себе точно, что из этого выйдет. Пока еще не стояла и прямая задача ликвидации ханства, присоединения его к России. Войска направлялись для сдерживания волны восстания, для «утихомиривания» повстанцев.

Киргизское население, еще недавно обращавшееся к русским властям с просьбой о принятии их в подданство, видя поддержку со стороны царизма старых ханских порядков и действия отрядов, направленные против повстанцев, сдержанно смотрело на их продвижение, а местами и оказывало им вооружённое сопротивление.

В подробных донесениях о военных событиях в Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1875 г.² командующий отрядами М. Д. Скобелев признавал, что главным контингентом кокандских повстанческих войск являлись киргизы и кыпчаки. Экспедиция против них в Еки-су Арасы (междуречье Нарына и Кара-Дарьи) приурочивалась ко времени, когда кочевники оказывались прикопанными к своим зимовкам и не в состоянии были укрыться в горах. Зимняя экспедиция, по словам

¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 93. Л. 36.

² ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 67. Л. 67—152.

М. Скобелева, должна была нанести им такой «погром», который бы сделал невозможным «это главное орудие против нашей позиции на Нарыне» ¹.

Бороться с хорошо вооружёнными царскими войсками разрозненные отряды киргизских повстанцев не могли.

Они терпят поражение под Андижаном и Ассаке. Пулатхан с 5 тыс. воинов отходит к Уч-Кургану, но в конце января 1876 г. их настигает отряд Закомельского и неожиданно нападает на лагерь. Пулат-хану удается бежать на Алай ². Повстанцы скрываются в горах. Каратели вымещали злобу на отдельных встречных, сжигали покинутые айлы. По следам беженцев-киргизов шел отряд подполковника Закомельского. Попадалось брошенное имущество, отставшие женщины и дети. Войска между кишлаками Караянтаком и Капрабатом настигли обоз повстанцев. «Прикрытие его изрублено... Все названные кишлаки были сожжены», — цинично заявляли в рапорте царские каратели ³. Вся Фергана, ее столица Коканд оказались в руках М. Скобелева. Царские войска заняли Кокандское ханство. Надо было что-то предпринимать: либо поддерживать скомпрометировавшего себя борьбой с повстанцами Насреддина, либо возвести на престол одного из новых претендентов, либо... присоединить ханство к России. Александр II, еще недавно выступавший «против» территориальных приобретений в Коканде, с занятием его русскими войсками в начале 1876 г. дал свое согласие на присоединение ханства к России.

¹ Там же. Л. 69.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 272. Л. 209—210.

³ ЦГА РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 67. Л. 85—88.

7 февраля 1876 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский в прокламации к местным жителям объявил: «... весь кокандский народ, как оседлый, так и кочевой, принят в российское подданство, и земли, ими занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединены к Российской империи»¹.

19 февраля 1876 г. Александр II подписывает указ, узаконивающий присоединение к России новой территории². Первым военным губернатором образованной из Кокандского ханства Ферганской области был назначен «свиты его величества генерал-майор Скобелев»³.

Несколько позже уже царскими войсками подавляются последние очаги восстания — на Алае. Бежавшие сюда Пулат-хан и киргизский феодал, его сторонник Абдулла-бек пытались было ещё организовать отпор. Исхак намеревался на Алае и в Каратегине собрать новые силы для борьбы. Но в ночь с 18 на 19 февраля он был захвачен в плен и привезён в Маргелан. 1 марта 1876 г. при большом стечении народа по приговору царского военного суда Исхак был объявлен преступником и как самозванец казнен⁴.

С гибелью основного предводителя и занятием царскими войсками стратегических пунктов в горах восстание постепенно идёт на убыль. Последний этап восстания показал, во-первых, что в сравнении с регулярными

¹ ЦГА РУз. Ф.И. 19. Оп. 1. Д. 6.

² *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии... С. 123.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3. Л. 5.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 272. Л 209—210; *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии... С. 116; История Узбекской ССР. Т. II... С. 36—37.

войсками силы повстанцев оказались слишком неравными, а во-вторых, исчезла основная причина, вызывавшая столь длительную, многолетнюю борьбу — гнёт Кокандского ханства. Ханство как государство было ликвидировано. Но ему на смену шёл новый, колониальный гнёт царизма. И трудящиеся пока неосознанно проявляют сопротивление царским войскам, явившимся с первоначальной целью поддержки ханской власти.

Оценивая итоги кокандского похода, туркестанские чиновники сами вынуждены были признать, что пришлось воевать не с ханом, а с народом.

В возражениях газете «Голос», напечатавшей в 105-м номере (за 1876 г.) информацию, представлявшую кокандские события в розовом свете, генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман 27 апреля 1876 г. писал: «Война в Кокане вывела из строя нашего гораздо более офицеров и нижних чинов, чем хивинская экспедиция 1873 г.. Война в 1875 г. происходила не с ханами или эмирами, а с народными страстями... Казалось, дела кокандские были покончены, столица в наших руках, хан в нашем лагере, Исса-Аулие лишен возможности пропагандировать газат, Абдурахман Афтобачи бежал из-под Махрама и спрятался близ гор; если бы борьба происходила с ханом, имевшим значение в глазах народа, то, по всей вероятности, Махрамскою победою и занятием Коканда экспедиция достигла бы своих целей. Но дела имели иной характер, на сцене появились иные причины. Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так-то легко подавить и т. д... Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытать такой длинной и упорной борьбы. Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и дознали,

что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств...»¹.

Действительно, наиболее упорное сопротивление русские войска встретили в Фергане, когда царизм объявил о своей поддержке свергнутых ханов. Туркестанские власти, не откликнувшись на просьбы восставших о помощи, отозвались на призыв свергнутых Худояр-хана и Насреддина. Киргизские трудящиеся увидели в царизме преемника ханской власти и попытались организовать войскам отпор, но... безуспешно.

Надо признать, что в ходе восстания к нему примыкали и представители местной родоплеменной знати, такие как Абдурахман Афтобачи, сын Мусульманкула, Абдулла-бек, сын Алымбека и Курбанджан-датхи, представители мусульманского духовенства, провозгласившие борьбу с неверными — газават, и некоторые другие. Они преследовали свои интересы и нередко предавали повстанческое движение, но характер народного выступления, его движущие силы определялись не этими моментами.

Следует также учесть, что повстанческое движение нашло отражение, главным образом, в официальных отчетах и обзорах туркестанских властей и военных чиновников, подававших его тенденциозно². Иначе и не могло быть.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 67. Л. 319—329.

² Для примера достаточно привести выдержку из одной докладной записки с кокандской границы осенью 1875 г., в которой, в частности, говорилось: Пулат-хан «для упрочения своей власти в ханстве прибегает к кровавым мерам, вырезая ежедневно много, преимущественно старших людей и представителей народных» // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6878. Л. 32. Известно, что народные герои всегда в глазах

Только критический отсев наносной шелухи позволяет приблизиться к выяснению истины.

Массовость повстанческого движения, охватившего буквально все уголки ханства, его движущие силы — народ — определял характер восстания, ставшего народной войной против ханского гнета, войной, приведшей к падению ханства.

В 1876 г. волнения утихают. Россия окончательно утверждается в пределах всего бывшего Кокандского ханства, присоединяя силой оружия южные районы Киргизии¹. В целом вся Киргизия в современных территориальных рамках входит в состав Российской империи, хотя продолжает оставаться в административном отношении расчленённой между различными областями.

Исследование вопросов народно-освободительной и социальной борьбы киргизского народа позволило сделать следующие выводы.

1. Первые восстания были направлены на свержение кокандского гнёта, за былую независимость, как отпор завоевательной ханской политике — события 70—80-х гг. XVIII в. для южных районов и 20—30-х гг. для северных районов Киргизии.
2. Восстания носили разрозненный, локальный характер, присущий социальным движениям при феодализме, выражались в стихийных выступлениях народа против налогового гнёта и злоупотреблений ханских налогосборщиков.

официальных властей представляли в качестве неких кровожадных «чудовищ». — В. П.

¹ *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии... С. 86—128.

3. Восстаниям была присуща «монархическая» обочка, связанная с участием киргизских феодалов в дворцовых интригах и переворотах, вытекающая из неразвитости классового самосознания народа.
4. В 40—50-е гг. в северных и в 70-е гг. в южных районах Киргизии борьба за освобождение от кокандского гнёта совмещается с ориентацией и надеждами на Россию. Народные движения киргизского и узбекского народа против кокандского хана закончились свержением правящей династии. На этом заключительном этапе истории Кокандского ханства Россия включается в борьбу с целью поддержки существовавшего прежде режима, участвует в подавлении последних очагов восстания киргизов (1875—1876 гг.).
5. Основными участниками, движущей силой восстания были узбеки, таджики и киргизы (скотоводы и оседло-земледельческая беднота). Однако направленность восстаний против отдельных ханов и родоправителей, цели и задачи, которые ставили перед собой повстанцы, свидетельствуют об ограниченности их кругозора, затуманенного патриархально-родовыми пережитками. Участие в восстаниях различных социальных групп и прослоек: кочевников-бедняков, крестьян-земледельцев, горожан, предводителей киргизских и кыпчакских родов и племён, отдельных кокандских феодалов и сановников, представителей ханской династии — претендентов на кокандский престол — осложняли ход борьбы и весь характер движущих сил восстаний.

6. Восставшие не ставили целью смену общественной формации, смену политического управления, а уповали на замену хана новым, на которого возлагали большие надежды. Все это в целом отражало присущие периоду феодализма идеи наивного крестьянского монархизма, характеризовало консервативность мировоззрения народа. Но через эту субъективную форму восставшие выражали требование объективного содержания — уничтожение национального и социального угнетения.
7. История почти не сохранила в источниках имен героев и вождей народного движения против ханского гнёта и социальной эксплуатации. Но нередко в кульминационные моменты руководство восстанием перехватывали представители местной родоплеменной знати. С одной стороны, это направляло движение в другое русло — приглушались социальные моменты, на первый план поднимались вопросы, связанные с интересами феодалов, — смена сановника при дворе и т. д. С другой — в критические моменты такие «вожди» предавали восставших, и народные движения подавлялись.
8. В ходе многочисленных восстаний проявлялось и укреплялось единство рядовых повстанцев. Среди восставших Кокандского ханства — представители многих народностей, здесь киргизы и казахи, узбеки и таджики, кыпчаки и др., совместно боровшиеся с ханским деспотизмом.
9. Народно-освободительная борьба сливалась с социальной. Выступления киргизов и казахов против господства узбекских ханов Коканда на почве

народно-освободительной борьбы перерастали в классовую, когда против хана поднимались наряду с киргизами и казахами узбекские труженики. В результате наблюдается переплетение элементов социальной борьбы с народно-освободительным движением. Патриархально-феодалские отношения способствовали тому, что феодалы затушёвывали формы социальной борьбы, глушили ее и направляли в русло общей борьбы против кокандского хана, его наместников и налоговых чиновников. Однако отдельные формы социального протеста можно всё же выделить: это — участие в барымте против ненавистного родоправителя и угон у него личного скота; наивные жалобы манапам-родоправителям и кокандским наместникам на гнёт и злоупотребления родовых баев, биев, аильной знати; откочёвка от «плохого» феодала в другой род или племя; участие в межфеодалской борьбе против жестокостей одного родоправителя за другого, «хорошего»; участие в борьбе «своих» родоправителей за низвержение правящего хана с иллюзорной надеждой на «лучшего» нового хана.

10. Следует подчеркнуть, что все восстания не были направлены на осознанное изменение социального положения и поэтому не принесли ослабления гнёта. В этом плане они были обречены на провал — ещё не созрели объективные условия для такой победы.

Временные победы, заключавшиеся в том, что восставшие ниспровергали кокандских наместников и самих ханов, не приносили ожидаемых результатов освобождения от национального гнёта и социальной эксплуатации, так

как место низвергнутого хана занимал другой, место изгнанного чиновника — новый, и... положение сохранялось неизменным.

11. Переориентация с 50-х гг. восставших киргизов в сторону от Коканда, обращение к России с просьбой о принятии в подданство открыли перспективы освобождения от ханского гнета. Но это лишь привело к зависимости от царских властей и замене грубых восточно-деспотических форм эксплуатации не менее легкими, но более изощрёнными формами феодально-колониального угнетения русским царизмом.

В то же время Россия, стоявшая на более высокой ступени социально-экономического развития, чем Кокандское ханство, объективно сыграла положительную роль в дальнейшем политическом развитии киргизского народа, равно как и других народов Средней Азии и Казахстана. В этом и заключались прогрессивные последствия присоединения Киргизии к России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непрямолинеен и труден был исторический путь киргизского народа. Столетия темноты и забитости, унижения и горя, борьбы с внешними врагами и внутренними эксплуататорами нужно было пережить, прежде чем появились объективные условия для объединения в общероссийском едином потоке революционного движения, приведшего к освобождению от всех видов социального и национального угнетения.

Одну из страниц этого многовекового пути составляла почти столетняя история политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, история совместной борьбы киргизов, узбеков и таджиков с феодально-деспотическим гнётом, история дружественных хозяйственных и межкультурных контактов киргизов с соседним узбекским и таджикским населением.

В первой половине XVIII столетия в Ферганской долине обособляется новое государственно-феодальное объединение с центром в Коканде. В этот период киргизские феодалы — активные участники консолидации Кокандского ханства. К концу столетия государство значительно расширяется за счет соседних районов, включает в свой состав города Ош и Узген с округами, приферганские южные горы и Алай, занятые киргизским населением. В нач. XIX в. кокандские правители уже официально называются ханами, а владение выступает как централизованное феодальное, восточно-деспотического типа государство. С его усилением возрастает агрессивная политика ханов, которые ведут непрерывную войну с Бухарой за смежные

области Ура-Тюбе и Ходжент, за влияние в Бадахшане. Постепенно в состав ханства включается Ташкентское владение, силой присоединяется киргизское население районов Кетмень-Тюбе, Центрального Тянь-Шаня, Чаткала и Таласа, казахи Старшего жуза, киргизы Чуйской долины и Прииссыккуля.

Завоевательные походы Кокандского ханства встречали упорное вооружённое сопротивление местных народов. Борьба за овладение Киргизией длилась около полувека. Но родоплеменная раздробленность киргизского народа и межфеодальные усобицы бай-манапов облегчали осуществление завоевательной политики Кокандского ханства. Одновременно попытку проникновения на Тянь-Шань предпринимают и маньчжуро-цинские отряды. Движение Китая, захватившего Восточный Туркестан и основавшего имперское наместничество Синьцзян, было приостановлено героическим отпором киргизских отрядов и узбекских войск.

С завоеванием Кокандским ханством Киргизии, которая являлась важным объектом не только в экономическом плане — ограбление подчинённого населения, но и в стратегическом — как форпост, препятствующий распространению на Среднюю Азию цинской агрессии — по всей территории Киргизии и в южных приграничных пунктах возводится серия кокандских крепостей. Они выполняют функции военно-административных центров управления киргизскими племенами, закрепляют политическое господство ханства, одновременно служат пограничными опорными пунктами.

Будучи разнородным в этническом отношении, ханство подразделялось на метрополию (Фергана) и колониаль-

ные окраины, основанные на принципах военно-политического управления. Реальные шаги, предпринятые при организации централизованного государства, не привели к формированию стабильного национального государства, которое положительно отразилось бы на политическом и экономическом развитии узбекского, таджикского и киргизского народов. Киргизия в составе Кокандского ханства не имела своего отличительного территориально-административного деления. Но особенностью являлось подразделение по родоплеменному признаку. В целом территориальное подчинение Киргизии строилось по военно-административным принципам и соответствовало восточно-деспотическим функциям. Ханские ставленники в Киргизии обладали всей полнотой административной, судебной и финансовой власти. Но сохранение местного «самоуправления» родоплеменных биев и манапов ставило нередко власть ханских представителей в зависимость от воли крупных киргизских феодалов и сводило ее часто лишь к выполнению функций налогового аппарата. При всем при этом неизменно активной в жизни Кокандского ханства была роль киргизской феодальной знати. Киргизские феодалы участвовали в дворцовых переворотах, низлагали ханов и возводили на престол угодных им претендентов, провоцировали восстания, невзирая на ханскую политику, участвовали в междоусобицах, в антицинском движении ходжей и т. д.

В рассматриваемое время ведущей отраслью киргизской экономики являлось скотоводческое хозяйство, а Кокандского ханства в целом — орошаемое земледелие. Вообще кочевому скотоводству киргизов была присуща традиционная устойчивость, формы ведения скотоводческого

хозяйства складывались на протяжении многих столетий. Однако уже в период существования Кокандского ханства можно, скорее, говорить о полукочевом скотоводческом хозяйстве, когда маршрут кочёвок киргизов был строго определен, а зимовки постоянны.

Земледелие — также древнее занятие киргизов, которое, однако, по удельному весу в хозяйстве всегда было меньшим, чем скотоводство. Под влиянием оседлого узбекско-таджикского населения Ферганы земледелие все более проникает в среду киргизов и из долинных районов всё выше поднимается к кочевым. Эволюция кочевого скотоводства в полукочевое была в определённой степени связана с повышением удельного веса земледелия в экономике. Киргизы восприняли от узбекского народа приёмы и способы орошаемого земледелия, обработки почвы и агрикультуру; узбеки вместе с киргизами осваивали предгорные и высокогорные пастбища — джайлоо.

В целом хозяйство киргизов представляло собой сочетание скотоводства с земледелием, промыслами, охотой и составляло важную статью общей экономики Кокандского ханства. Во взаимоотношениях киргизского скотоводческого и узбекского земледельческого населения проявлялась тенденция сотрудничества и добрососедских контактов. Поэтому сводить всю историю их взаимоотношений, как это представляется в некоторых изданиях, только к войне и грабительским набегам кочевников на оседло-земледельческие оазисы, подходить односторонне к оценке роли Кокандского ханства в истории киргизского народа, как самому мрачному периоду, приведшему к хозяйственному регрессу, игнорировать положительные моменты киргизско-узбекских взаимоотношений, в частности, осознания

хозяйственных и классовых интересов киргизов и узбеков, которые начали проявляться уже в XIX в., будет неправомерно, однобоко, наконец, антиисторично.

История взаимоотношений киргизов (с преобладающим кочевым скотоводческим хозяйством), узбеков и таджиков (в основе хозяйствования которых лежал оседло-земледельческий принцип) Кокандского ханства, во-первых, показывает несостоятельность контрастного разделения кочевого скотоводческого и оседло-земледельческого способов ведения хозяйства. Резких граней не было. Скотоводы в той или иной мере были связаны с земледелием, а оседлое население направляло свой скот на отдалённые кочевья на выпас.

Во-вторых, оседлое узбекское и кочевое киргизское население было тесно связано торговыми узами: одни нуждались в мясе и животноводческих продуктах скотоводов, другие испытывали явную потребность в хлебе, зерновых и других земледельческих культурах.

В-третьих, столкновения и усобицы происходили, но они имели феодальную сущность: организовывались и проводилась феодалами, преследовали цели удовлетворения их интересов, тогда как в случае необходимости кочевые киргизские феодалы легко находили общий язык с представителями узбекско-таджикской оседло-земледельческой знати и духовенством.

В-четвертых, изучение этих усобиц и восстаний киргизов против Кокандского ханства показывает, что уже в это время начали проявляться элементы солидарности киргизов и узбеков вне зависимости от их способа хозяйствования, совместно выступавших на определённых этапах против ханской деспотии.

Непосредственным результатом подчинения Кокандским ханством Киргизии было расширение здесь феодальных институтов, господствующее утверждение восточно-деспотического социально-экономического строя, хотя большую роль продолжал играть патриархально-родовой уклад. В Киргизии развивается мильковое — частно-феодалное землевладение, появляются феодальные огороженные «заповедные» земли — корук, а также вакф-феодалное владение мусульманских духовных учреждений и лиц. Появились первые признаки разложения общин. Права общин на земли узурпируются феодальной знатью — манапами, биями, власть которых в основе являлась наследственной.

Под воздействием социальных отношений и экономики Кокандского ханства шел более углубленный процесс феодализации киргизского общества. Но характер общественных отношений у киргизов продолжал оставаться в основе патриархально-феодалным, важную роль все еще играли старые родоплеменные традиции в экономике и быту. Киргизские домашние промыслы развивались слабо и не достигали уровня самостоятельного ремесленного производства. Преобладающей формой торговли оставался простой эквивалентный товарообмен.

Продолжала сохраняться родоплеменная структура киргизского общества, но кровнородственные связи уступили место территориально-хозяйственным, общество было классово-антагонистическим. Родоплеменная структура, осложнённая феодальными взаимоотношениями, порождала феодальные междоусобицы, облекаемые в форму родоплеменной борьбы. Кокандские ханы не только не стремились их прекратить, но временами осознанно раз-

жигали и провоцировали, что облегчало им господство над окраинами и возможность подавлять выступления народа. В то же время ханы и администрация привлекали киргизских феодалов на службу, раздавали придворные чины, подарки, распространяли не только на ферганских, но и на некоторых киргизских феодалов институт тарханства — налоговых привилегий.

Именно в кокандское время появляется специфический, чисто киргизский институт высшей социальной прослойки феодалов — манапство. Манапы как высшие представители киргизской феодальной знати всецело руководили внутренней жизнью подчиненных им родоплеменных объединений, сосредоточили в своих руках все управленческие и судебные функции. От имени подданных участвовали во внутривполитической жизни ханства.

Южнокиргизские феодалы играли самую активную политическую роль в ханстве, принимали участие в расширении его границ, являлись крупными сановниками при ханском дворе. Более же отдалённые от Коканда центрально-тяньшанские и северокиргизские феодалы, опираясь на мощь народного сопротивления, долгое время не подчинялись, были более открытыми противниками ханства и после подчинения Коканду. Киргизское население к северу от Ферганской долины, завоёванное в ходе упорной борьбы, и все последующее время считалось как бы чуждым национальным элементом в государстве. Оно с особой остротой, большей чем ферганские киргизы, испытывало не только усиление социального гнёта, но и национального угнетения. Если киргизы и узбеки Ферганы, испытывая одинаковый ханский налоговый пресс, в то же время чувствовали солидарность, то феодалы — будь то киргизские,

кыпчакские, узбекские, таджикские — представляли собой единый социальный класс эксплуататоров, были солидарны с ханом в угнетении простого народа, хотя и соперничали за влияние и власть при дворе. Принцип национальных противоречий среди феодалов Южной Киргизии не выступал открыто и явно, как в некоторых северных районах, где киргизские феодалы были почти полностью оттеснены от управленческих функций в масштабе Кокандского ханства и должны были довольствоваться властью лишь в рамках своих родоплеменных объединений. Население северных и центральных районов Киргизии помимо социального гнета испытывало еще и этническо-бытовую дискриминацию, которую подчёркивали высокомерные ханские ставленники на местах и налоговосборщики.

В целом Кокандское ханство по отношению к Киргизии проводило политику не хозяйственной, а военной колонизации, направленной на утверждение и сохранение деспотии хана и господства феодалов. Кокандские коменданты крепостей на территории Киргизии выполняли лишь налоговые и военно-полицейские функции, минимально вмешиваясь в местное самоуправление киргизских родоплеменных вождей.

Киргизское население, попав в колониальную зависимость от Коканда, испытывало жесточайший ханско-феодальный гнет. Налоговая система при всей её внешней простоте была изощрённо развита. Обложению подлежали все основные хозяйственные процессы и продукты общественного производства, гражданско-правовые иски, движимое и недвижимое имущество.

Эксплуатация выражалась в трёх явных формах: натуральной, денежной и трудовой. Узаконенные налоги

и неcodифицированные традиционные сборы и повинности тяжёлым бременем ложились на плечи народа, в то время как киргизские феодалы, находясь у кормила власти, пользовались налоговым иммунитетом и прочими льготами.

Таким образом, подчинение Кокандским ханством Киргизии выразилось, в первую очередь, в присвоении ханской властью налога — ренты с киргизских земель, которые находились в фактическом и реальном владении киргизских родоплеменных правителей и пользовании общин. В то же время установление господства кокандских ханов над Киргизией привело к изменению положения не только местных народов, подвергшихся дополнительному налоговому прессу, но и местных вождей. Верховное право собственности от киргизских родоправителей перешло к хану, и хотя вожди сохранили реальное право владения землями, рента и налоговый иммунитет стали фактической прерогативой лишь ханской власти. Но опираясь в своей политике именно на родоплеменные кланы, являвшиеся господствующими, ханы вынуждены были делить с ними и доходы — переуступать ренту или её часть местным феодалам. Киргизские родоправители, рассредоточившиеся по периферии ханства, занимали в целом более низкое положение по сравнению с внутриферганскими феодалами. Их борьба в Кокандском ханстве, порою небезуспешная, была направлена не на изменение социально-экономического строя и улучшение положения народа: велась она лишь за право более полного и активного участия в политике ханства, за большую долю в ограблении собственного населения.

В результате завоевания Кокандским ханством киргизский народ попал под двойной гнёт — деспотического

государства и своих собственных родоправителей, вследствие чего положение народа ещё более ухудшилось. В то же время, говоря о влиянии Кокандского ханства на политическое, хозяйственное и социальное развитие киргизов во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в., не следует его переоценивать. Само развитие киргизского общества шло по феодальному пути, только ханство кое в чем ускоряло этот процесс, с одной стороны, и тормозило — с другой. Если хозяйственные контакты узбеков и киргизов способствовали сближению этих двух соседних братских народов, что вело к совместным выступлениям против деспотии ханства, то налоговый гнёт, безмерное ограбление киргизского населения тормозило его дальнейшее развитие.

Социальная дифференциация киргизского общества прослеживается довольно чётко, но в быту общины или айла она маскировалась патриархально-родовыми пережитками. Всё это накладывало серьёзный отпечаток на формы выражения народного протеста.

Основной гнев народа был направлен против ханско-феодальной деспотии и налогового угнетения. Киргизские и узбекские феодалы нередко использовали в своих интересах открытое народное негодование. И хотя движущей силой большинства восстаний был простой народ, его успехами стремились воспользоваться в первую очередь феодалы. Стихийные, неорганизованные выступления, слабость классового самосознания в то время не могли привести к победе народа, уничтожению налогового гнёта и деспотизма. Даже одерживая победы над ханскими войсками, народ в общем итоге терпел поражение, выигрывали феодалы, перехватывавшие руководство выступлениями. Не созрели еще объективные условия, не сложились субъективные

факторы для полной победы народа, хотя он и составлял главную движущую силу восстаний.

Движения народных масс того времени не могли коренным образом изменить социальные условия, привести к серьезным политическим и экономическим преобразованиям. Но в ходе боев накапливался опыт выражения социального протеста, зарождались истоки солидарности угнетённых киргизского и узбекского народов. В то же время киргизы и отдельные дальновидные представители феодалов стали искать выход из положения угнетённых Кокандским ханством в сближении с более развитым и более сильным соседом, осознавали необходимость присоединения к России.

С сер. XIX в. процесс присоединения киргизов к России стал одним из серьёзнейших внешнеполитических актов Кокандского ханства. Оно пыталось было приостановить переход киргизов в российское подданство силой, действовало репрессиями, направляло в пограничные кочевья войска, но уже ничто не могло помешать этому поступательному движению. Интересы киргизского народа совпали на данном этапе с интересами России, всё интенсивнее продвигавшейся в глубь Средней Азии. Кокандские ханы вынуждены были отступить, и стали в дальнейшем вассалами царизма, потеряв все права на внешнеполитическую самостоятельность и довольствуясь лишь сохранением внутренней власти. Народная война 1873—1876 гг., начатая киргизами и поддержанная узбеками и таджиками Кокандского ханства, показала всю мощь и глубину народного возмущения деспотическим гнѐтом и ханской политикой. Движение, возглавленное выходцем из киргизского народа — Исхаком, имело стихийно-монархическое

направление, чему в немалой степени способствовало принятие самозванно Исхаком титула Пулат-хана (внука Алим-хана). Определённую отрицательную роль сыграло присоединение к повстанцам представителей некоторых феодальных кругов, а также отдельных представителей мусульманского духовенства. Но не они определяли общий характер повстанческого движения, превратившегося в настоящую народную войну против кокандских ханов. Массовость народного движения, цели повстанцев: борьба против ханского деспотизма и социального угнетения определяют и его характер. В общем итоге восстание можно назвать победоносным: Кокандское ханство пало. Его падение было вызвано внутренними причинами социально-экономического и политического характера, массовым народно-освободительным движением киргизов, поддержанных узбеками Ферганы. Кокандское ханство пожинало плоды собственной внутренней политики угнетения народов. Но определенную роль в этом сыграл и внешнеполитический фактор — ориентация киргизов на принятие российского подданства, военное продвижение России на юг Средней Азии.

Соединение народов Средней Азии, в том числе и киргизского народа, с Россией имело огромное прогрессивное значение, которое следует оценивать в двух аспектах: а) по состоянию в момент присоединения или добровольного вхождения; б) в перспективе и итогах последующего развития. Россия находилась на более высокой общественной и социально-экономической стадии развития и этим способствовала более ускоренному процессу развития присоединенных районов (естественно, однобокому, в первую очередь в интересах метрополии).

Заключение

Присоединение к России открыло новую страницу в истории киргизов и других среднеазиатских народов, завершившейся в к. XX в. созданием независимых государств Центральной Азии, в том числе суверенного Кыргызстана.

**О РОЛИ КЫРГЫЗОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ
ЗА ХАНСКИЙ ПРЕСТОЛ В КОКАНДЕ ¹**

...Как и следовало ожидать, в государстве, в котором сильны кочевнические влияния, при ослаблении центральной власти лидеры главных (по численности) племенных объединений или кланы начали борьбу за доминирующее положение в структуре управления ханством. Отпор внешней агрессии ненадолго объединил интересы основных политических групп Кокандского ханства — сартов, кипчаков, Курама и киргизов. Однако видные представители этих племен (особенно из кипчаков и киргизов), вовлеченных в освобождение Коканда от бухарцев, уже не довольствовались ролью «приглашаемой» от случая к случаю военной силы, они почувствовали и выгоды, которые сулит непосредственное преобладание в ханстве собственного «трайба» или конфедерации племен.

Вся последующая история Коканда — это фактически военно-политическая борьба племенных кланов, точнее их лидеров, которая вершилась по правилам этой многосторонней конкуренции. Освобождение от ига Мангытов, совершенное мечами и копьями племен (в первую очередь кипчаков), усилило их влияние в центре ханства — в Коканде, выдвинуло из их среды новых политических лиде-

¹ Извлечение из монографии Б. М. Бабаджанова «Кокандское ханство: власть, политика, религия». Токио — Ташкент, 2010. С. 205—208, 211—213.

ров, стремившихся заполнить лакуны во власти, которые образовались в результате тотальных репрессий, обрушенных бухарцами на бывшую политическую, военную и духовную элиту ханства. По этой причине... кочевники в составе ханства стали претендовать на доминирующую роль в его управлении. Лидеры племен претендовали на высокие должности в ханстве, которые прежде занимали преимущественно сарты. С другой стороны, свои личные амбиции и притязания на власть, а значит и на экономические ресурсы, вожди родов и кланов должны были обосновать перед соплеменниками. Т. е. следовало заверить соплеменников в том, что политические устремления «главных» отвечают интересам всего племени и повышают его значение в ханстве.

Новая политическая элита при слабости центральной власти, естественно, опиралась на военизированную часть представленных этнических групп. Хотя иногда «этнические границы» нарушались, и лидеры оспаривающих власть группировок старались заручиться поддержкой и других племен. Так на лидерство в среде оседлых жителей претендовал Шади-бик Дадхах, который был хакимом Маргилана и привлекал в свое войско также киргизов, кочующих к югу и юго-востоку от Маргилана. Главный сановник при дворе Йусуф Мингбаши Киргиз (шурин Шир-Али-хана) опирался, соответственно, на горных киргизов, а также на некоторых Мингов. Кипчаков и часть андижанских киргизов удалось объединить Мусулманкулу Дадхаху (мингбаши) (1794—1852 гг.). Первыми столкнулись между собой киргизы во главе с Йусуф-биком и кипчаки во главе с Мусулманкулом (его претензии в основном сводились к тому, что занимаемые кипчаками должности не соответствуют

их политическому значению и «весу рода» в ханстве). Йусуф-бик Мингбаши добился подписания Шир-Али-ханом документа, дающего ему право расправиться с недовольными кипчаками, однако Мусулманкул был настороже и сумел собрать вооруженные отряды соплеменников. Тем не менее, Йусуф-бик решился на военные действия, желая «наказать кипчаков». Тогда Мусулманкул, еще не обладавший в это время достаточным авторитетом и будучи явно слабее, стал просить мира. Йусуф-бик был непреклонен. И только посредничество Шади-бика (естественно, имевшего свои политические виды) предотвратило столкновение. Тогда же, по настоянию «кипчакской стороны», был составлен договор, по которому на должность начальника войск (мингбаши) назначался Шади-бик Дадхах, а Йусуф-бик был отправлен в Маргилан. Интересно, что в договоре, подписанном главами племен (*тава'иф-и турк, 'араб, кара-калпак, кипчак, киргиз, калмак* и др.), представители сторон, «собравшись вместе», взяли на себя обязательства «вести взаимные дела по справедливости», пользоваться занимаемыми крепостями совместно, а главное — справедливо и равноправно распределять «доходные места» в государстве¹. В преамбуле документа значится имя Шир-'Али-хана, однако его участие как в переговорах сторон, так и в составлении текста документа сомнительно, учитывая его неопытность в роли хана, случайный характер его возвышения и второстепенную роль при сильных регентах. Тем не менее исполнение хотя бы этого договора, пусть и несколько абстрактно составлен-

¹ Документ (на фарси/таджикском) приведен у Мулла Мирза 'Али-ма (АСТХ, лл. 40б-41а).

ного, могло бы уберечь ханство от последовавшей затем кровавой череды межплеменных столкновений. Однако, как сказано, в государствах, подобных Кокандскому ханству, где самая воинственная часть населения буквально ворвалась во властные структуры, соответственно, были слабы или неэффективны исламские институты, перемириям и «соглашениям племен» суждено оставаться лишь на бумаге. Да и то в тех редких случаях, когда дело доходило до мирных соглашений и до письменной формы вообще.

Временный паритет вскоре был нарушен. Шади-бикку удалось интригами добиться казни могущественного Йусуфа Мингбаши (в 1844 г.) и некоторых других сановников. Он попытался устранить также Мусулманкула, однако того вовремя предупредили, и он, собрав своих соплеменников из кипчакских родов (в основном воинский контингент), бежал из Шахрихана (владельцем которого он был) и поднял мятеж в Андижане. Его поддержал другой военачальник из киргизов и северных кипчаков — Мухаммад-Назар-бик, которому удалось захватить Тура-курбан. После этого он соединился с Мусулманкулом, и они совместно двинулись в сторону Коканда, захватывая крепость за крепостью. По пути к ним присоединялись отряды сартов, таджиков и малые кочевые племена, лидерам которых были обещаны «блага и власть». На подступах к Коканду их встретил парламентар, которому Мусулманкул дал ответ, что он имеет претензии только к Шади-бикку Мингбаши. Исходя из этого, главы города решили, что навстречу кипчакам должен выйти Шади-бик с войском, «дабы они разбирались между собой и предъявляли претензии друг к другу» (в том смысле, чтобы не страдали те, кто не вовлечен в конфликт). Некоторые кокандские

военачальники (Му'мин ходжа Пансадбаши Таджик и др.), руководствуясь правилом «лучше быть с сильным», перешли со своими отрядами на сторону кипчаков. Однако битва не состоялась. Шади-бик, завлеченный обманом «для переговоров», был убит вместе с сопровождавшими его амирами. Остатки правительственных войск (кто еще не перешел на сторону оппозиции) отошли в столицу. Через некоторое время прибыл из Ташкента с помощью сын Шир-'Али-хана — Саримсак-бик.

Почти одновременно Коканд осадили объединенные войска Мусулманкула...

* * *

...Однако, как сказано, доминанта одного племени (союза родов) в ханстве предполагала известное отчуждение от власти (а значит, и от материальных ресурсов) других племен и локальных групп, а это в свою очередь побуждало последних оспаривать привилегии доминирующих. Первыми недовольство проявили казахи и сарты Ташкента. Бухарский Амир Насруллах, хорошо осведомленный о положении в Коканде, выдвинул упомянутого Саримсак-бика (бывшего правителя Ташкента и старшего сына Шир-'Али-хана) в качестве правителя крепости Чахар-дара (к юго-западу от Ташкента). Ташкентцы, воспользовавшись этим, привезли Саримсак-хана в Ташкент и заявили о своем отделении от Коканда (по некоторым источникам, при номинальном подчинении Бухаре). Кипчакские ставленники Хал-бик Кипчак и Нар-Мухаммад Дадхах были здесь арестованы и отправлены к Амиру Насруллаху в Бухару ¹,

¹ Вскоре Амир Насруллах отпустил их, видимо не желая осложнений с агрессивными и набирающими силу кипчаками, которым

другие казнены. Одновременно в Оше выступили местные киргизские племена и, соединившись с алайскими соплеменниками, осадили Ош. На выручку осажденных поспешил Мусулманкул, прихватив с собой в поход сына Шир-'Али-хана – 14-летнего Худайара, однако Мухаммад-Назар Кипчак, выступив из своего владения Шахрихана, самостоятельно подавил выступление киргизов. Тем временем в Коканде, в отсутствие Мусулманкула, представители знати (Рахматуллах Минг, Сатибалди Дадхах и др.) в союзе с киргизским племенем *авахат* организовали дворцовый переворот (1844). Шир-'Али-хан был убит, на трон посажен Мурад-хан, сын 'Алим-хана. Матерью его была киргизка ¹. Эти события застали Мусулманкула под Андижаном. Он не собирался сдаваться. Казнив в гневе местных управителей и амиров (особенно сартских), пытавшихся пожаловаться ему на кипчакские притеснения, он повернул на запад, т. е. обратно к Коканду, останавливаясь в крепостях и оставляя в них своих людей. Следует сказать, что большинство кокандцев не признали власти Мурад-хана, очевидно понимая, что он и его покровители не способны всерьез противостоять Мусулманкулу ². Тот

однажды уже удалось одолеть бухарцев.

¹ Во времена, когда 'Умар-хан пришел к власти, Мурад-хан бежал в Бухару и затем жил в Ура-типа в селе Варух. По словам Мулла 'Аваз-Мухаммада, когда ему предложили воссесть на трон, он охотно согласился, сказав, что мечтал хотя бы два дня побыть ханом. Автор заключает примечательным бейтом о том, что родовое происхождение есть причина «для разлада сердца», т. е. для мирского искушения (ТДН, л. 190а).

² Правда, Мирза 'Алим пишет, что кокандцы сочли скорую смену хана очередной интригой самого Мусулманкула, т. е. политической

получил от некоторых представителей элиты Коканда недвусмысленные заверения в своей поддержке (в виде тайного письма). По пути к столице в селении Йулгун Мусулманкул провозгласил ханом юного Худайар-хана (1845). По версии Мирзы (Муллы) ‘Алима, до этого юный Худайар-хан сидел в Намангане в качестве формального правителя, но сразу после переворота в Коканде и восшествия Мурад-хана был вывезен оттуда кипчакскими амирами и доставлен к Мусулманкулу в мавзолей Шаха Джарира (Джалила) недалеко от Джалалабада. Здесь, на святом месте, Худайара и подняли в ханы на белом войлоке, и по этому поводу было устроено большое угощение. Позже, когда Коканд был отвоеван Мусулманкулом, состоялась вторая «инаугурация», имевшая уже не столько сакральное, сколько политическое значение. Важную деталь упоминает Мулла ‘Аваз-Мухаммад, согласно которому Мусулманкул прежде согласовал кандидатуру Худайар-хана с остальными родами региона (*ба-иттифак-и кабила-йи улус*) и со всеми коленами кипчаков. Таким образом, на короткое время в Кокандском ханстве установилось фактическое троевластие, которое, впрочем, вскоре прекратилось благодаря усилиям Мусулманкула. Столица была взята им без особого труда; небольшая гвардия новоиспеченного Мурад-хана, составленная из киргизов, разбежалась. Мусулманкул повелел казнить Мурад-хана (правившего 11 дней, по другим версиям – около месяца) и организаторов мятежа. Среди них (по словам Муллы ‘Алима, «доведенных до врат шахидства») были именитые люди из духовенства – шайх

рокировкой, и потому притязаний Мурад-хана не восприняли серьезно (АСТХ, л.54а).

ул-ислам Сулайман ходжа, сын Закир ходжа Ишана, кадий (*кадира'ис*) Дамулла Хал, мухтасиб Коканда Ал-Мухаммад *кади*. Много позднее в своих опросах В. Наливкин установил некоторые любопытные подробности: будто бы в момент возведения на престол Мурад-хана Сулайман-ходжа составил документ (*ривайат*), в котором доказывалось, что кипчаки нарушают *шар'иат* и являются смутьянами (*фитнабази*), т.е. государственными изменниками. Дамулла Хал и Ал-и Мухаммад *кади* скрепили этот документ личными печатями.

Выдвижение Худайара (среднего из пяти сыновей Шир-'Али-хана) могло показаться не вполне правомерным во многих отношениях. Для политической и военной элиты более легитимным представлялся закон майората, по которому законным наследником трона должен быть старший в роду. Очевидна была вся подоплека ставки Мусулманкула на малолетнего Худайара, дававшей ему право выступать «от имени законного хана», т.е. в статусе официального регента, что было бы сложнее осуществить в отношении двух старших братьев Худайара, уже обнаруживших относительную самостоятельность в действиях. Кроме того, Мусулманкул выдал свою дочь за Худайара, чтобы подкрепить свою власть также родственным правом на регентство. Всего оригинальнее выглядит религиозная легитимация (при одновременном нарушении старой кочевнической традиции) выдвижения в ханы юного Худайара: богословы отыскивали слабый (*даиф/заиф*) хадис, который гласит, что «все среднее – лучше». Хотя приложение этого хадиса к восшествию Худайар-хана выглядит весьма неубедительно и истолковывается как попытка исламской легитимации власти победителей «задним числом»...

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ
последнего кокандского хана Худояр-хана

Пока живы еще современники последнего хана, Худояр-хана, мы, по поручению Его Превосходительства господина военного губернатора Ферганской области Генерал-Майора Арендаренко, составили настоящий очерк со слов этих туземцев, занимавших при дворе хана видное положение.

Отец Худояр-хана, Ширали-хан, до завладения престолом Кокандского ханства жил среди киргизов Наманганских гор.

Взяв в жены двух киргизок из рода Талаш, сперва Сона, а затем Джаркун, Ширали продолжал жить между новыми родственниками по-киргизски.

Его религиозность (оулия-хан), простота, соединенная с умением обращаться с людьми, завоевали ему симпатию населения, а отсутствие властолюбия и жизнь вдали от всяких интриг государственных привлекли на его сторону внимание Мамедали-хана, правившего в то время страной, который, зная, что Ширали живет небезбедно, часто посылал ему денежные и другие подарки. Материальную помощь оказывали ему также и богатые, знатные киргизы, в глубине души мечтавшие о водворении на престол Ширали, с которым так тесно породнились.

¹ Ежегодник Ферганской области. Том II. Н. Маргелан, 1903. С. 79—114.

Сначала у Ширали долго не было детей ни от той, ни от другой жены. Он взял на воспитание киргизского мальчика по имени Умур, которого не переставал любить и тогда, когда у самого появилось многочисленное потомство.

Первым сыном его был Сарымсак, от второй жены Джаркун, за Сарымсаком она родила дочь Нарчучук, затем Худояра и, наконец, Султанмурада. От первой жены родились сыновья: Мелле, Сафи и дочери Афтаб и Махляр.

Джаркун была любимой женой, а Худояр любимым сыном.

Как всегда при многоженстве ведется тайная зависть жен друг к другу и ревность, так и в данном случае Джаркун и Сона жили не в завидном согласии. Боясь, что «кюндаш»¹ изведет любимого ребенка, Джаркун оберегала Худояра, как зеницу ока и не оставляла его без личного надзора.

Разсказывают, что она, снимая котел с костра, держала зубами полу своей одежды, в которой сидел малютка.

Такое подозрительное отношение матерей друг к другу не могло не отразиться на их детях, не возбудив впоследствии между ними несогласия и междоусобицы.

Известно, что Ширали достиг престола благодаря своей популярности, после убийения Бухарским Эмиром Мамедали-хана.

Возмущенные этим убийством жители поспешили послать к Ширали депутацию с приглашением занять престол, на котором восседал ставленник Эмира Ибрахим-Хаял. К немалому благополучию Ширали, дело обошлось без всяких столкновений, так как Ибрахим-Хаял, не дождавшись прибытия Ширали, бежал в Бухару.

¹ «Кюндаш» называют друг друга жены одного и того же мужа.

Умудренный летами, Ширали-хан знал, как непрочны симпатии народа и при себе старался упрочить положение сыновей, в старшем из которых – Сарымсаке видел своего преемника и которому с первых же дней подчинил все войска; однако Сарымсаку не суждено было пережить отца: он был убит кипчаками. Остальных сыновей назначил хакимами в разные пункты, а 9-летнего Худояра — в Тюря-курган Наманганским бекем, окружив его опытными и верными советниками.

За короткое время Ширали-хан успел соорудить глинобитные стены вокруг своей резиденции, для защиты от внешних врагов, но они не послужили ему самому защитой, так как он был убит своим родственником из Шахриябза Мурад-ханом, тайно проникшим в крепость с небольшим отрядом своих приверженцев. Этот новый претендент, спустя две недели, в свою очередь был убит партией кипчаков, руководимой Мусулманкулом, который провозгласил Худояра ханом (1845 год).

Легко догадаться, почему выбор остановился на малолетнем Худояре, а не на старшем его брате Меллебеке. Во-первых, глава сильнейшей партии Мусульманкул рассчитывал за малолетством Худояр-хана забрать в свои руки бразды правления, а во-вторых, все знали Меллебека, как человека сурового, властолюбивого и боялись его. Действительно, Мусульманкул достиг намеченной цели: 8—9 лет он пользовался неограниченной властью и делал «именем хана» все, что хотел, покровительствуя кипчакам, которые вследствие этого сильно притесняли других.

Не подготовленный более, чем все его предшественники, Худояр-хан не мог бы справиться с такой сложной задачей, как правление государством, не будь Мусульманкула, что

он вполне сознавал и охотно подчинялся его влиянию; но осторожный регент, во избежание зависти, делал вид, что во всем исполняет приказания хана.

Дитя киргизских кочевий — Худояр-хан был безграмотен, и этот важный пробел пришлось ему пополнить на престоле.

Пока Худояр-хан находился под регентством Мусульманкула, жизнь его текла в мирных досугах большею частью около своей матери и в гареме. Мусульманкул всячески старался охранять его от влияния лиц, к регенту нерасположенных; но чем самовластнее становился Мусульманкул и чем более выдвигал он своих родичей, тем более возрастала ненависть остальных, и возмущение дошло до поголовного почти истребления кипчаков. Народ требовал казни Мусульманкула, но Худояр-хан, обязанный ему своим величием, из чувства признательности долго не решался выдать его. Чтобы как-нибудь успокоить волновавшийся народ и доказать, что Мусульманкул ничего уже не значит, хан подвергал его, вопреки своему желанию, разным истязаниям: заключал в зинданхана, приковывал руки, ноги к доске, но эти меры не успокаивали народ, и хан, опасаясь за собственную жизнь, наконец должен был уступить требованию большинства. Худояр-хан оплакивал гибель Мусульманкула и, чтобы загладить свой грех, позднее назначил сына его, Абдурахмана, автобачем. Сколько ни предостерегали хана не доверять сыну убитого им Мусульманкула, но хан оказывал автобачу внимание, говоря, что он никогда не хотел смерти Мусульманкула, и что это автобачу известно.

Казалось бы, трагический конец Мусульманкула должен был прекратить партийность и упрочить положение

вещей в стране, но дело в сущности ничего от этого не выиграло. Партийные раздоры разгораются с большей силой, Ташкентский бек Меллебек поднимает знамя восстания, неудавшиеся вначале попытки завладеть престолом, наконец, венчаются успехом, и после кровопролитной битвы близ Риштана Меллебек обращает Хана в бегство в Бухару, сам же занимает его место.

Рассказывают, что в самый разгар этого рукопашного боя Меллебек налетел на Худояр-хана и нанес ему саблею удар в голову, но сабля перерезала только чалму. От этого удара у Худояр-хана до конца жизни осталась головная боль. Но Худояр-хан, движимый чувством братской любви, никому не велел трогать Меллебека, хотя один из телохранителей успел ударить Меллебека в спину, но кольчуга спасла его: припав к луке, он промчался дальше. Смельчак этот впоследствии был найден и казнен Мелле-ханом.

Деспот, фанатик до корней волос, строгий, неугомонный Мелле-хан не мог снискать себе расположения...

...После Мелле-хана, царствовавшего три года, ханство, благодаря вновь встрепенувшимся кипчакам с Алимкулом во главе, переходит сыну Сарымсака Шахмурадбеку, а от него через 8 месяцев опять Худояр-хану, но храбрый Алимкул принуждает последнего вскоре оставить Фергану и вместе с Эмиром, явившимся на выручку своих осажденных в Коканде войск, вернуться в Бухару. Шахмурадбека же за преданность Худояр-хану Алимкул убивает, заменив его сыном Мелле-хана Султан-Сеидбеком. При взятии Ташкента Алимкул, смертельно раненный русскою пулей, умирает, после чего Худояр-хан легко завладевает третий и последний раз престолом.

Предостережения, внушенные с детства родителями, затем непостоянство людей, его окружавших, и горький опыт — вселили в душу Худояр-хана такую боязнь к людям, что он каждую минуту опасался за свою жизнь. Единственно, кому вполне доверял, это Атабеку-Наибу. Этот почтенный и умный старик служил еще Ширалихану. Худояр-хан уважал его, как отца и оставлял за себя управлять делами, когда временно отлучался из своей резиденции. Сам Хан лично делами государства занимался мало, большею частью проводил время в загородных своих садах и на охоте.

Обогащение собственной казны интересовало его больше, чем благосостояние народа. Раз навсегда установленные доходы должны были поступать ежегодно без недоимок, а как это отражалось на экономической жизни населения — трудно или легко — об этом ни он, никто из его чиновников не заботился. С зерна и хлопка взималось натурой 1/5 урожая, с клевера и бахчи по одному рублю (на наши деньги), с сада по два рубля за танап, со скота 2 ½ 0/0 натурой или деньгами. Подати с зерна сдавались в аренду частным лицам, которые не стеснялись делать лишние поборы, а жаловаться обиженная сторона не всегда смела, так как инстанция между Ханом и жалобщиком (махрамы) подкупалась.

Тяжелому на подъем во всех своих начинаниях и неспособному к войне Худояр-хану усмирение ничтожной смуты стоило огромных затруднений, а более серьезные заставляли его поспешно покидать ханство. За тридцать лет правления с непродолжительными перерывами им не сделано никакого улучшения в войсках, хотя ему скорее, чем кому-либо из его предшественников представлялась

эта возможность благодаря пертурбациям, происходившим бок о бок с ним между Россией и Бухарой.

Не способный взглянуть далеко вперед, он апатично, сам ничего не предпринимая, лежал на волнах житейского моря, которые кидали его, куда хотели. Пока Бухара была для него полезной опорой, он искал спасения в ее объятиях, но лишь только Эмир начал терпеть поражение за поражением от русских, и Фергана, отрезанная от Бухары, осталась в стороне, Худояр-хан стал заискивать дружбу с Россией. Этот крутой поворот, в самую критическую минуту для Бухары, Музаффередин не мог до конца жизни простить благодетельствованному им Худояр-хану.

Грустные воспоминания, угнетавшие Хана в старой урде, где были зарезаны отец и брат, побудили его выстроить новый дворец на том самом месте, где некогда находилась богатая с золотым куполом урда Мамедали-хана, разрушенная до основания Бухарским Эмиром. Возведенная на прежней насыпи постройка эта, сделанная местными мастерами – сартами, имеет обыкновенный вид восточной архитектуры, блестящей яркими красками изразцов, пестрыми рисунками на стенах, стройными минаретами и в то же время внутри сохраняющей всю простоту и неказистость глинобитных строений. Фасад, обращенный к востоку со своим главным входом, четырьмя минаретами, красивой облицовкой, крупными надписями, террасами, решетками, невольно привлекает взор, и прошлое оживает в мыслях.

Нельзя не заметить, что расчетливость Хана ограничилась украшением только одной стороны, тогда как остальные голы и безобразны. Внутренние покои были малы и неуютны. Женская половина помещалась в западной части дворца за особыми стенами; вокруг дворца расположены

были казармы; тенистый сад с двумя прудами — все это замыкалось высокими стенами.

Среднего роста, коренастый, с рыжего оттенка окладистой бородой, Худояр-хан представлял тип сарта, но речь, манеры, привычки обличали в нем киргиза.

Неизбалованный роскошью с малых лет, он во всю жизнь сохранил любовь к простоте и незатейливости. Двор и обстановка его не отличались пышностью и богатством — все было ограничено, и в общем жизнь текла однообразно. Только в праздник Рамазана Хан совершал торжественный выезд в «Мечеть-и-Джами». Весь гарнизон Коканда принимал праздничный нарядный вид. Хан в темно-зеленом бархатном халате, расшитом по пояс золотом, в богатой чалме, украшенной спереди султаном в виде веерообразной золотой короны, усыпанной камнями, ехал на великолепном коне в золотой сбруе, которого вели под уздцы махрамы, а по бокам поддерживали стременные. Десятка два таких же лошадей вели за ним. Дальше следовала нарядная, в разноцветных халатах, свита, и шествие замыкали войска. Трубы, барабаны потрясали воздух, пока поезд не достигал мечети. Обратное шествие сопровождалось еще пушечной и ружейной пальбой. Когда Хан у дворца слезал с лошади, поддерживаемый десятками рук, и направлялся в свои покои, махрамы давали последний ружейный залп, и этим церемония заканчивалась.

Утренние лучи не успели еще позолотить купола минаретов, азанчи не прокричал еще азана, а хан уже проснулся. Проворные чури приготовили давно все необходимое для омовения и намаза. Совершив раннюю молитву, он направляется в покои матери, говорит ей обычное приветствие, проходит в саялхана. Толпа придворных давно его

ожидает, все они проходят перед его глазами с раболепными поклонами. Высшие чины входят к нему, располагаются за приготовленным дастарханом, соблюдая старшинство. Младшие уходят раньше; аталык, кушбеги, парваначи, дадха, эшикагаси докладывают ему о важных случаях, происшествиях и тоже удаляются. Показывается старший махрам, значит есть просители. По знаку Хана махрамы быстро становятся один за другим и по очереди подают прошения своих клиентов. Хан читает, неосновательные просьбы разрывает и бросает, по остальным дает свои распоряжения через тех же махрамов. Толпа просителей сидит за стеной урды в ожидании своих ходатаев...

...Хан любил охоту и тратил на нее немало времени и денег. Держал соколов, ястребов, беркутов, каршагеев и большую псарню. Среди птичьего царства он имел своих любимцев, которым давал разные клички.

Киргизская натура тянула Худояр-хана на просторы, подальше от зависти и интриг двора. Он ежегодно с наступлением месяца рамазана выезжал на охоту. Все с удовольствием присоединялись к нему, чтобы не соблюдать поста под предлогом путешествия.

Вереница арб с женами, чуриями, всадники, обоз с провиантом составляли огромный охотничий поезд, который двигался из Коканда в Риштан, Чимион, Вуадиль, Лангар, Шахимардан, обратно...

...Повсюду кишлячники выходили навстречу Хану, приветствовали его салямом. Красивые женщины и девицы с крыш и у ворот старались показать хану свои личики, и если он замечал хорошенькую девицу, то на ночь она становилась кратковременною его женой; этим родители ее гордились.

Родственное чувство у Худояр-хана было сильно развито. Мать свою почитал и повиновался ей во всем. Старуха, которую величали «Хаким-аим», жила по старой привычке, большею частью в киргизской юрте, поставленной для нее в старой урде, где она и умерла, не успев переселиться в новый дворец. Похороны ее были очень торжественны. Печальное шествие Хан сопровождал пешком в слезах. Детей своих Хан любил; особенно же баловал Урмана, мальчугана красивого, смышленного. Маленький Урман мог удержать гнев отца и не раз спасал провинившихся; это был всеобщий заступник и любимец. К другим родичам Худояр-хан был благосклонен, хотя многие из них вредили ему. Так, сына своего Мамедаминбека, замешанного с дядею Паша-Тюрой в неудавшемся заговоре, простил и продолжал давать субсидию; Меллехана, так жестоко с ним поступившего, Хан оплакивал долго.

По отношению к прочим Хан был гуманен и не жесток.

Фанатиком, деспотом в полном смысле не был, хотя необходимость заставляла его прибегать иногда к строгим мерам: за ложные доносы фискалам отсекали руки, уши, носы; убийц, разбойников и других важных преступников вешали по большим кишлакам в назидание.

Инквизиция допускала пытки: ноги связывали крепко веревкой, между ними заколачивали деревянный кол; ноги опускали в воду, где кол разбухал и причинял страшную боль; забивали под ногти деревянные гвозди и т. д.

С виду набожный, Худояр-хан был немного суеверен; сам гадал по бараньей лопатке, но не мог он угадать того, что скоро ему готовится окончательное падение.

Абдурахман Автобачи, Исак-оулия и другие сановники Хана, играя на фанатичееких струнах Насрэддина, бека

Андижанского, возбудили его против отца, якобы продавшего себя «урусам».

Дело в короткое время приняло такой острый характер, что Худояр-хан решил бежать в Россию и, захватив часть казны и семейства, отступил под прикрытием небольшого отряда Скобелева в Ташкент, откуда нужно было отправить его далее в Оренбург.

В надежде вернуть себе потерянное царство, Худояр-хан не прерывал тайных сношений с Ферганой...

**ПИСЬМО — «ЗАВЕЩАНИЕ»
Курбанджан-датки. 1885 г. ¹**

Многоуважаемому высокостепенному Ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курбанджан-датки.

Заявление

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что когда Ферганское мусульманское государство не признало еще Россию, я воевала и спорила с Вами.

Потом Абдуллабек со своими двумя братьями — Махмудбеком и Хасанбеком через Ош бежал в Кабул. Я, бедная, с малышом Камчибеком осталась на Алае. В это время на Алай прибыл Ошский начальник Ионов с генералом (имеется в виду М. Д. Скобелев. — Авт.). И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается...

Теперь сыновья вернулись ко мне. Без надежды и с мучениями. Они боялись царя, но я приказала через одного посланца, чтобы они возвратились сюда. По воле Бога Абдуллабек там умер. Махмудбек и Хасанбек вернулись здоровыми.

¹ ЦГА РУз. Ф.и. 39. Оп. 1. Д. 1629. Л. 1.

Затем я встречалась с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом, когда она приезжал в город Ош. Он тоже с уважением относился ко мне и говорил: если вы прислушаетесь к моим словам – вам будет полезно и хорошо – как будто были на приеме у царя-императора.

Покойный генерал-губернатор с согласия царя ежемесячно выплачивал мне пенсию в 25 рублей. Жаль, что не могу лично выразить ему признательность.

Благодаря Богу я сейчас имею 3 детей.

Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к сиротам ни одно государство так хорошо не относилось. Как со своими родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмываемый позор...

Я считаю, что если относиться со всей душой, всем сердцем и уважением к этому государству, тогда Бог простит все, что мы совершили против него раньше.

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против Вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжелой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих.

В заверение ставлю свою печать.

Дочь Маматбека Курманджан-датка.

ЦАРИЦА АЛАЯ (некролог) ¹

На днях в 12 верстах от города Оша умерла знаменитая «царица Алая» Курбанджан датка. От жизни этой «царицы» так и веет царским простором киргизских степей и долин, образ ее, изукрашенный цветами восточной фантазии, долго будет служить темой заунывных песен приалайских номадов.

В старое время, еще во времена независимости кокандских ханов, кара-киргизы считались почти самостоятельным племенем. Вассальное отношение их к кокандскому царству выражалось лишь в том, что правители их, или датхи, утвердились ханами Коканда. В середине прошлого столетия таким датхой был Алымбек, который влюбился в одну киргизку по имени Курбанджан, отличавшуюся необыкновенной красотой, хотя Курбанджан была уже в то время замужем за сородичем киргизом, но устроить развод было для Алымбека, конечно, нехитрым делом, и он женился на Курбанджан. После смерти мужа в 1863 г., который, как полагают, был отравлен, Курбанджан со своими пятью сыновьями, батырами, перекочевала в свои родовые становища на Алае.

Там с течением времени Курбанджан удалось до такой степени подчинить своему влиянию степняков, что

¹ «Туркестанские ведомости». 1907. 16 февраля (1 марта). № 2834. С. 135—137.

тогдашний кокандский хан Худояр-хан дал ей титул «датхи», или царицы. Так и прожила бы Курбанджан свой век, окруженная всеобщим почетом, не ведая жизненных испытаний, если бы не случилась в восьмидесятих годах война России с кокандскими правителями, которая, в конце концов, закончилась присоединением к России в 1876 г. всех земель Кокандского ханства. Вполне естественно, что сочувствие Курбанджан в этой борьбе было на стороне кокандцев, и поэтому, когда было объявлено, что независимость последних, а в том числе и ее, была потеряна навсегда, Курбанджан решила не подчиниться власти русских и отстаивать свободу своих киргиз. Она втайне питала надежду вернуть самостоятельность Кокандского ханства с помощью их. Во время возникших затем волнений кара-киргизами было сделано нападение на капитана Куропаткина, ехавшего в Кашгар с конвоем из казаков. Двинувшемуся в поход на Алай для укрощения строптивой датхи генералу Скобелеву ею было приказано преградить дорогу. В горах Малого Алая произошло несколько столкновений, в которых кара-киргизы дрались с отчаянным упорством. Наконец весной 1876 г. противники сошлись для решительного боя близ Гульчи, у урочища Янги-арык. Еще и теперь там можно увидеть полуразрушенные укрепления или массивные каменные завалы, устроенные с оборонительными целями. Здесь Абдуллабек, старший сын датхи, решил дать отпор русским. Абдуллабек считал себя недоступным в своих кругах, но, к ужасу своему, скоро убедился в своем заблуждении: справа от него, с Талдыка, продвигался отряд генерала Ионова, а слева, со стороны кургана Оморбека, угрожали две казачьи сотни полковника князя Витгенштейна.

Видя себя окруженными со всех сторон, киргизы без боя бросились в бегство по направлению к Алаю, растеряв по дороге свои стада. Абдуллабек бежал на Кызыл-Арт. Тщетно князь Витгенштейн со своим летучим отрядом старался догнать лихого батыра. Абдуллабек увертывался от него с чисто киргизским проворством и, наконец, успел с небольшим числом людей бежать через Памир в пределы Афганистана. Витгенштейн в увлечении погоней сам еле не погиб около озера Кара-Куль.

Услышав о поражении сына и приближении русских к Алаю, Курбанджан со всем своим имуществом бросилась в Кашгарию. Однако ее многочисленное стадо приглянулось тамошним властям и она была ограблена нападшими китайцами. Тогда датха с младшим сыном Камчибеком повернула народ, стараясь пробраться по следам Абдуллабека в Афганистан, но была захвачена князем Витгенштейном и отправлена в Гульчу, где тогда находился Скобелев. Последний встретил ее на пути, когда она ехала туда, в Лянгар. Встреча эта описывается таким образом.

Датха в сопровождении Камчибека и одного из своих внуков вошла в комнату и стала молча, опустив голову. Скобелев встал, подошел к ней и протянул руку. Курбанджан, не ожидавшая такого приема, растерялась, но улыбка заиграла на ее лице. Скобелев сказал пленнице через переводчика, что он очень рад видеть ее в добром здравье и надеется, что она, пользуясь своим влиянием на Алай, убедит свое кочевое население склониться к миру и подчиниться России.

Скобелев затем сказал, что Курбанджан может гордиться своими сыновьями, так как они исполняли только свой долг. Если они вернуться, обещал он, то будут награждены.

Затем Курбанджан был предложен дасторхан и подарен почетный парчовый халат, одетый на нее Скобелевым собственноручно.

С этого момента Курбанджан поняла, что и ее самостоятельность, и самостоятельность Кокандского ханства были навсегда потеряны. Она затем приложила все усилия, чтобы удержать киргиз от напрасных кровавых столкновений, и постаралась уговорить своих бежавших сыновей вернуться на родину. Все они, за исключением старшего Абдуллабека, не поверившего обещаниям русских и до смерти оставшегося их врагом, так и сделали.

Небезынтересна их дальнейшая судьба.

Абдуллабек в 1876 г. отправился из Афганистана на богомолье в Мекку и по дороге туда умер. Батырбек и Хасанбек, вернувшиеся из Кашгара в 1877 г., были назначены волостными правителями. Махмудбек, также волостной управитель, вместе с младшим братом Камчибеком был замешан в убийстве в 1893 г. пограничников. Камчибек был казнен в Оше два года спустя, а Махмудбек был сослан в Сибирь на каторжные работы, из которых он был в 1897 г. возвращен по случаю помилования. Этот Махмудбек сослужил русским большую службу в 1898 г., сообщив накануне андижанской резни о замыслах минтюбинского ишана. За это ему был возвращен почетный халат, который был отобран у него при ссылке.

Со времен восстания прошло 30 с лишним лет, и Курбанджан добросовестно выполняла данное ею обещание, ее авторитет до последнего времени не утратил своего значения, что видно, между прочим, из того, что сыновья ее из руководителей восстания превратились в мирных во-

лостных старшин, аккуратно собирающих кибиточный сбор для русской казны.

Обитатели Алая вообще не приучены историей рассчитывать на жалость победителя, и, ошеломленные великодушием недавнего врага, они из чувства благодарности готовы действовать в его интересах с рвением добровольного рабства.

Курбанджан удостоена посещения различных туркестанских генерал-губернаторов во время их проезда через Ош, а в 1901 г. она была представлена в Андижане военному министру, для чего нарочно приехала туда из своих алайских кочевий.

В том же году она получила перстень из кабинета Его Величества.

В последнее время Курбанджан представляла собой бодрую старушку лет 88, одевавшуюся при представлении или в парчовую шубейку с меховой оторочкой — единственным остатком от прежнего величия, или в черный шелковый халат с большим белым тюрбаном на голове. Лицо у нее по обыкновению всех киргизок было открытым. Но такой вид у нее лишь в торжественные дни: обычно же ее место было в седле, конь и степи были ее стихией.

«Вся история Кокандского ханства доказывает то, что никогда один народ не выступал против другого народа. Большинство происшедших восстаний или небольшие войны организовывали верхние слои, которые стремились к власти.

Коренные жители — узбеки, киргизы, казахи, таджики, каракалпаки всегда жили дружно, вместе проводили различные праздники, вели взаимовыгодную торговлю, обзаводились смешанной семьей, помогали друг другу, вместе защищали свою Родину от иноземных захватчиков...»

Х. Н. Бабабеков

(Институт истории народов Средней Азии
им. Махпират. Узбекистан. Январь, 2012 г.).

I

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КИРГИЗИИ («Критика и библиография»)

В издательстве «Илим» вышла новая книга кандидата исторических наук В. М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство»¹. На основе анализа предшествующей литературы и архивных документов, привлечения этнографического и археологического материалов автор исследует один из самых мрачных периодов в истории киргизского народа – столетие взаимоотношений с Кокандским ханством. Это был период безудержной эксплуатации народа и его героической борьбы за независимость.

В XVIII в. киргизский народ, терзаемый феодальными междоусобицами, становится объектом агрессивных устремлений со стороны двух соседних государств – цинского Китая и Кокандского ханства. Отдельные попытки проникновения на территорию Киргизии цинских отрядов пресекаются героической борьбой киргизского народа, сумевшего отстоять свою независимость. Автор убедительно опровергает необоснованные территориальные притязания маоистских фальсификаторов и доказывает, что «Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе

¹ Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977.

цинской империи, никогда не имели на своей территории ни одного пункта китайской администрации, не терпели внутреннего вмешательства в свои дела и давали должный отпор внешней агрессии со стороны манчжуро-цинских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана. Киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний местного населения. Между народами Средней Азии и Восточного Туркестана были не только исторически сложившиеся экономические и культурные связи, но и исторически возникшая этническая близость» (С. 38).

Основное внимание в книге уделено проблеме политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства. На ранней их ступени — в середине XVIII в. — киргизские племенные объединения выступали равноправными соседями, а временами и военными союзниками Кокандского ханства. Но по мере его усиления территория Киргизии постепенно завоевывается ханством. Киргизские феодалы находят общий язык с кокандской знатью и совместно участвуют в ограблении трудового населения, будь то киргизы, узбеки или таджики.

В книге всесторонне рассматриваются особенности завоевательной политики кокандских ханов, а также территориально-административное подчинение киргизов. Автор вскрывает сущность местного управления родоплеменных объединений во главе с биями и манапами, показывает активную роль киргизской феодальной знати в политической жизни ханства.

В новом аспекте рассматривается характер и назначение кокандских крепостей. С одной стороны, это были

опорные пункты ханско-феодалного гнета, с другой – они являлись пограничными форпостами на пути манчжуро-цинской экспансии. Автор впервые убедительно доказал существование и роль чисто киргизских крепостей – коргонов, не связанных с кокандской военной колонизацией. На базе выявленных автором документальных первоисточников исследуется социально-экономическое положение киргизов и деспотическая сущность Кокандского ханства, его налоговая система и другие формы эксплуатации трудящихся. Анализируя социальные отношения, автор доказывает несостоятельность буржуазных теорий социальной однородности и бесклассовости киргизского общества XVIII — XIX вв.

В труде рассматриваются киргизско-узбекские хозяйственные связи, обосновывается положение о переходе части киргизского населения к земледелию, начиная с XVIII в. Вопреки утверждениям буржуазной историографии о якобы извечной вражде кочевников с оседлыми народами, раскрываются хозяйственные связи и взаимозависимость кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого населения ханства. Анализ архивных источников показывает распространение среди киргизов таких форм земельной собственности, как мильк – частная собственность, вакф – земельная собственность мусульманских учреждений, замини-джамрат – земли общин. В работе всесторонне анализируются формы и методы феодальной эксплуатации.

Книга содержит яркую характеристику народно-освободительной борьбы киргизов в Кокандском ханстве, слияния ее с классовыми выступлениями трудящихся. Поднятое в горах Ферганы киргизами восстание 1873 г.

с каждым годом расширялось, приобретало всеобщий размах и привело, в конечном итоге, к ликвидации ханства.

Весь комплекс исследованных автором вопросов позволил ему прийти к важному обоснованному выводу: падение Кокандского ханства, проводившего политику угнетения своего и завоеванных народов, было вызвано внутренними причинами социально-экономического и политического характера, массовым освободительным движением киргизского народа, поддержанным выступлениями узбекских и таджикских трудящихся Ферганы.

Кокандское ханство пожинало плоды собственной внутренней политики угнетения народов. Важную роль сыграло также добровольное вхождение Киргизстана в состав России (С. 328) и ее активное продвижение в глубь Средней Азии в третьей четверти XIX в. Бесспорен и основной идейный лейтмотив книги: политика кокандских ханов, феодалов и киргизских биев была направлена на разьединение народов и усиление совместной эксплуатации трудящихся.

Хозяйственные контакты и взаимосвязи народов, а также общие выступления трудящихся киргизов, узбеков и таджиков против ханской деспотии способствовали установлению лучшего взаимопонимания и сотрудничества различных народов и этнических групп, объединению разнонациональных угнетенных трудящихся масс в совместной борьбе против эксплуатации и национального гнета.

Автор особо подчеркивает прогрессивность вхождения Киргизии в состав России, положившего начало решительному переходу от отсталых патриархально-феодалных отношений к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства.

Рецензируемая книга – большое многоплановое произведение. Не все вопросы в нем раскрыты в одинаковой полноте. Отдельные положения дискуссионны. Хотелось бы, например, более обстоятельного, документального показа жизни рядового труженика. В книге не получили освещения вопросы культуры и быта народа. Не все из проанализированных в первой главе первоисточников нашли отражение на страницах книги, в частности, в тексте почти не использованы собранные автором рукописные и документальные находки на территории Киргизии. Но в целом следует сказать: создан серьезный научный труд, который вносит новый вклад в среднеазиатскую историографию.

С. Ильясов,

академик АН Киргизской ССР,

К. Усенбаев,

доктор исторических наук.

Газ. «Советская Киргизия». 7 января 1978.

II

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Сложная и многоплановая проблема взаимоотношений киргизского народа с соседним деспотическим Кокандским ханством представляет научный интерес в плане освещения истории Киргизии в XVIII—XIX вв. и изучения истории возникновения, развития и падения самого Кокандского ханства. Вместе с тем она тесно связана с имеющим важное историческое значение вопросом о добровольном вхождении Киргизии в состав России. Но до сих пор эта проблема не была предметом всестороннего изучения.

Монография В. М. Плоских актуальна и в историографическом плане, так как в ней дается оценка различным точкам зрения по исследуемым вопросам. Автор при этом рассматривает и великоханьские исторические концепции, показывает беспочвенность территориальных притязаний маоистов на земли киргизов и других народов Средней Азии и Казахстана.

Важность и актуальность монографии заключается также в освещении и раскрытии истоков, исторических корней классовой солидарности и дружбы народов нашей страны. Из хаоса феодальных распрей, грабительских войн и походов автор выделяет главное — объединение не на национальной, а на социальной основе трудящихся масс (киргизов, узбеков, таджиков) в борьбе против гнета феодалов в Кокандском ханстве XIX в.

Работа основана на широкой источниковой базе, преимущественно на письменных источниках. Автор использовал такой важный источник, как письма и прошения

киргизов XVIII—XIX вв.; в монографии привлечены к исследованию и полевые (археологические и этнографические) материалы, собранные при непосредственном участии и под руководством автора. Монография свидетельствует о плодотворности использования памятников материальной культуры (остатки кокандских крепостей, киргизские заповедники — коруки) для изучения отдельных вопросов политической и социальной истории XVIII—XIX вв.

В книге рассматриваются сложные и драматические события, начиная с XVIII в., когда Киргизия, раздираемая феодальными междоусобицами, становится объектом нападений со стороны цинского Китая и Кокандского ханства. Особой агрессивностью отличалась политика китайско-маньчжурских феодалов, которые стремились завоевать Киргизию и сопредельные области Средней Азии и Казахстана. Однако попытки цинских отрядов вторгнуться в Прииссыккулье были пресечены героической борьбой киргизского народа и окончились полным крахом. Потерпев провал своих агрессивных планов, пекинский двор лицемерно призывал «закордонных» киргизов сохранять спокойствие и не нарушать китайских границ (с. 88). Эти и другие рассматриваемые в книге исторические факты позволили автору прийти к обоснованному выводу о том, что Киргизия и соседние области Средней Азии «никогда не были в составе Цинской империи, никогда не имели на своей территории ни одного пункта китайской администрации, не терпели внутреннего вмешательства в свои дела» (с. 38). В то же время, как отмечается в работе, киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний в Восточном Туркестане, с народами которого они имели не только исторически

сложившиеся экономические и культурные связи, но и этническую близость.

Основное внимание в книге уделено истории киргизско-кокандских отношений с середины XVIII в., когда происходит обособление ферганского владения под эгидой узбекской феодальной династии Минг. Автор показывает, как по мере усиления Кокандского ханства происходил захват мингскими предводителями территории нынешней Киргизии. обстоятельно рассмотрены все перипетии киргизско-кокандских отношений, борьба народных масс и двойственная политика киргизской знати, а также территориально-административное подчинение Киргизии. Для закрепления своей власти над киргизами кокандцы возвели систему укрепленных сооружений — глинобитных крепостей, которые имели не только военное, но и административно-фискальное значение и выступали как «оплот ханско-феодального гнета» (с. 138). Следует, однако, заметить, что, говоря о кокандских крепостях, автор временами увлекается деталями чисто археологического характера (с. 145—147, 149—151). Излишни подробности и в описании участия киргизской знати в политических событиях ханства; от этого иногда создается впечатление преувеличения роли той или иной феодальной группировки в жизни Кокандского ханства (с. 156—174).

В монографии анализируется социально-экономическое положение киргизов в составе Кокандского ханства, вскрывается эксплуататорская сущность деспотической ханской власти. Показывается, как под влиянием практики земельных отношений Кокандского ханства в Киргизии складывалась система государственной, частной и общинной собственности на землю. Значительное внимание

при этом уделяется характеристике форм землевладения — феодального, крестьянского и общинного землепользования. В Киргизии по мере расширения сферы мусульманского права появляются и новые феодальные институты, в частности, вакфы. В. М. Плоских приходит к выводу, что «в целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений среди киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада» (с. 209).

В монографии приведен ценный фактический материал о хозяйстве киргизов в XVIII—XIX вв. Оно находилось во взаимодействии с хозяйством земледельческого (таджикского и узбекского) населения. Прослеживая характер этих связей, автор подчеркивает несостоятельность буржуазной теории извечного антагонизма между кочевыми скотоводческими и оседло-земледельческими народами. В. М. Плоских справедливо отмечает, что не военные катаклизмы и не завоевательная политика отдельных государств и феодалов определяли естественный ход истории, а прежде всего хозяйственно-экономические взаимосвязи между народами (с. 209, 242, 256).

В работе подробно разбирается налоговая система ханства, исследуются натуральная, трудовая и денежная формы феодальной ренты, различные нерегулярные сборы, произвольно взимавшиеся кокандскими феодалами. При этом заслуживает внимания вывод автора о том, что «основной формой ренты не только на государственных, но и на частновладельческих, общинных и вакфных землях была рента-налог, наряду с которой существовали и другие

формы ренты, произвольные или обусловленные основной формой, или выступавшие наряду с ней» (с. 278). Вместе с тем в книге отмечается, что отдельные представители киргизской феодальной знати (Алымбек-датха, Байзак, Сары.мсак) пользовались полным налоговым иммунитетом.

Несомненный интерес представляет подробный разбор специфически киргизского социального института — манапства, окончательно оформившегося и достигшего своего апогея в период Кокандского ханства ¹. Истоки феодального института манапства автор выводит из традиционного бийства, но в то же время отмечает, что время его появления неправомерно связывать с первым зафиксированным документально термином «манап» (1844 г.). Социальный институт манапства, по его мнению, имел более глубокие корни и служил орудием для эксплуатации знатной верхушкой широких народных масс ².

В заключительных разделах монографии В. М. Плоских освещается борьба киргизского, узбекского и таджикского народов против произвола феодальной верхушки Кокандского ханства. Автор рассматривает причины, характер и движущие силы массовых выступлений киргизов в первой половине XIX в. Направленные против налогового гнета и притеснений ханских властей, такие восстания происходили в 20—50-х годах на Таласе и в Чуйской долине, в Фергане и Нарыне, на Иссык-Куле и Тянь-

¹ Этот вопрос рассматривается в двух различных параграфах (с. 129—131, 246—248), хотя лучше было сделать это в одном месте.

² Однако вряд ли можно полностью согласиться с высказанным еще в середине XIX в. мнением М. И. Венюкова о том, что термин «манап» идентичен по своему значению древнегреческому «тиран» (с. 120).

Шане. В. М. Плоских удалось показать, как в ходе борьбы с деспотией Худояр-хана киргизы все чаще обращают свои взоры к России, видя в ней освободительницу от нестерпимого гнета Кокандского ханства. Благодаря поддержке русского правительства киргизские племена Чуйской долины и Прииссыккуля сбросили ненавистную им власть Худояр-хана, и Северная Киргизия добровольно вошла в состав России (с. 300).

Рассматривая народные антифеодальные движения в Киргизии в первой половине XIX в., автор одновременно говорит и о выступлениях киргизских трудящихся против собственных родоправителей — манапов. Он высказывает интересные соображения о формах социального протеста и выступлениях рядовых киргизов против засилья манапов. Однако приводимые им исторические сведения о таких выступлениях довольно отрывочны и не дают достаточно ясного представления об их характере (с. 301—303).

Более подробно в книге освещается восстание 1873—1876 гг. в Кокандском ханстве, в котором приняли участие и киргизы во главе с Исхаком Муллою (Пулат-ханом). В советской историографии высказывались различные точки зрения на характер этого крупного социального движения. Одни историки считают его национально-освободительной борьбой¹; другие разделяют восстание на два этапа, из которых первый (1873—1875 гг.) рассматривается как прогрессивный, антифеодальный, а второй (1875—1876 гг.) —

¹ Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание 1875—1876 гг. // «Борьба классов». 1936. № 4.

как реакционное движение ¹. Существует также взгляд, по которому кокандское восстание было одновременно направлено и против ханского гнета, и против колониальной политики царской России ². В последние годы выдвинута точка зрения о том, что это движение носило на первом этапе антифеодальный, народно-освободительный, а на втором — антиколониальный характер ³.

В. М. Плоских рассматривает восстание Пулат-хана как широкое движение масс, в котором участвовали различные социальные группы кочевого и оседлого населения Кокандского ханства. Восстание началось на почве глубокого недовольства и возмущения непосильными поборами и налогами в правление Худояр-хана. Кокандские власти в начале 70-х годов почти втрое увеличили размер податей, взимаемых с киргизов-скотоводов. Ответом явилось выступление в 1873 г. в горах Ферганы кочевых киргизов, поддержанное затем оседлым населением — трудящимися узбеками и таджиками.

В монографии прослеживаются основные события и дальнейший ход этого восстания, к которому примкнула часть феодально-клерикальной знати ханства. Напуганный этим движением Худояр-хан, находившийся под вассалитетом России, бежал в 1875 г. в Ташкент под защиту генерал-губернатора Туркестана. Власть в Коканде временно

¹ Пясковский А. В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX в. и в начале XX в. // Труды Ин-та яз. и лит. Киргизского филиала АН СССР. Вып. IV. Фрунзе, 1954.

² История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968.

³ Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.

захватила феодально-клерикальная знать, опиравшаяся на военную поддержку некоторых вождей кочевых племен, в основном кипчаков. Абдурахман Афтобачи и другие феодальные главари воспользовались плодами народного восстания и сделали попытку направить движение в выгодное им русло; они объявили «священную» войну (газават) против «неверных», пытались придать восстанию антирусский характер, вернуть часть отошедшей к России по договору 1868 г. территории Кокандского ханства. Однако эта политика не имела успеха и фактически привела в конечном итоге к разгрому всего повстанческого движения отрядами генерала Скобелева в 1876 г. «Надо признать, — констатирует автор книги, — что в ходе восстания к нему примыкали и представители феодально-байской знати, такие, как Абдурахман Афтобачи, сын Мусульманкула, Абдулла-бек, сын Алым-бека и Курбанджан-датхи, представители мусульманского духовенства, стремившиеся разжечь религиозный фанатизм под знаменем газавата, и некоторые другие. Они преследовали свои корыстные интересы и нередко предавали повстанческое движение. Но характер народного выступления, его движущие силы определялись не этими реакционными элементами» (с. 317).

Исторические факты, приводимые в исследовании В. М. Плоских, казалось бы, не дают оснований рассматривать кокандское восстание (по крайней мере, в 1875—1876 гг.) как единое по своим целям, характеру и движущим силам. Это признает и автор рецензируемой книги, который отмечает, что «к оценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создавалось впечатление огульного отнесения их всех без исключения к народно-освободительным движениям и социальным

протестам» (с. 301). Несмотря на это, в монографии все же не проводится четкой грани между отмеченными выше двумя направлениями в рассматриваемом движении («народным» и «феодално-байским»). Вместе с тем следует подчеркнуть: автору в целом удалось показать, что кокандские события 1873—1876 гг. явились результатом деспотического произвола и дикого гнета со стороны правящей феодальной верхушки ханства. Приводимые в монографии факты позволяют говорить об участии в этом движении широких масс киргизского, узбекского и таджикского населения Кокандского ханства. Можно вполне согласиться с мнением автора о том, что в их совместной борьбе против феодального угнетения и ханской деспотии постепенно закладывались основы классовой солидарности трудящихся различных национальностей.

Основываясь на анализе комплекса вопросов, автор приходит к обоснованному выводу о том, что падение Кокандского ханства было прежде всего результатом внутренних политических и социально-экономических причин; оно было закономерно подготовлено многолетней борьбой широких народных масс против угнетательской политики и деспотии кокандских феодалов во главе с мингской династией.

Монография подводит к осмыслению важных политических и социально-экономических проблем, связанных с присоединением Киргизии к России. Это крупное историческое событие рассматривается автором как начало постепенной ломки и перехода от отсталых институтов патриархально-феодалного строя к более прогрессивным формам хозяйственного и общественно-экономического развития в составе Российского государства. Исследова-

ние В. М. Плоских представляет несомненный интерес в плане изучения среднеазиатской истории дореволюционного периода.

С. Г. Агаджанов,

доктор историч. наук, чл.-корр. АН ТССР

Ж. «История СССР». № 5. М., 1978. С. 185—188.

III

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Монография В. М. Плоских, посвященная в целом малоразработанному в отечественном востоковедении периоду XVIII — 70-х годов XIX в., когда киргизский народ находился под властью Кокандского ханства, приобретает весьма актуальное звучание в связи с попытками некоторых современных буржуазных и маоистских историков фальсифицировать прошлое народов Средней Азии и Казахстана.

Трудность исследования избранной автором темы обусловлена прежде всего крайне недостаточной разработкой источников и многочисленными пробелами в освещении важных вопросов социально-экономической и политической истории дореволюционной Средней Азии в письменных источниках. Заслуга В. М. Плоских состоит в комплексном изучении имеющихся по данному периоду истории Киргизии источников, тщательном исследовании архивных материалов, археологических и этнографических данных, привлечении киргизского народного эпоса и строго научной интерпретации его содержания. Использование всей суммы источников позволило автору создать обобщающую картину сложной и трудной борьбы киргизского народа с цинскими захватчиками в XVIII — 70-х годах XIX в.

Основное внимание В. М. Плоских уделяет анализу принципиальных вопросов социально-экономической и политической истории Киргизии, что способствует решению многих малоисследованных вопросов истории не только киргизского, но и других народов Средней Азии.

Во введении автор пишет, что «в основе исследования лежит стремление всесторонне раскрыть исторические корни общности и дружеских взаимоотношений между узбекским, таджикским и киргизским народами, которые, вопреки деспотической политике ханов, способствовали объединению, а не разобщенности народов» (с. 6—7). Многочисленными яркими примерами автор иллюстрирует процесс взаимосближения народных масс Средней Азии в условиях сотрудничества и совместной борьбы против политического и налогового гнета, деспотизма кокандских и киргизских феодалов и складывания объективных условий для присоединения их к России.

Особое значение в книге имеет построенная на анализе источников глубокая характеристика взаимоотношений народов Средней Азии и цинского Китая в рассматриваемое время. Автор показывает героическую, упорную борьбу народов Киргизии и других районов Средней Азии против агрессивной политики цинского правительства и его ставленников. В ходе этой борьбы, как отмечается в книге, киргизы и другие среднеазиатские народы сумели отстоять свое право на национальное существование и отбить все попытки маньчжурских завоевателей подчинить себе новые, никогда не принадлежавшие Китаю территории. В этом плане собранный и проанализированный автором фактический материал способствует разоблачению антиисторических великодержавно-шовинистических измышлений маоистских историографов, пытающихся объявить территорию республик Советской Средней Азии якобы «извечным владением Китая» и исказить подлинный ход их многовековой и богатой событиями истории.

В работе ставится ряд важных и серьезных вопросов истории дореволюционной Средней Азии. На наш взгляд, особый теоретический и практический интерес имеет предложенное автором и в целом успешное решение проблемы взаимоотношений двух главных хозяйственнокультурных, типов, характерных для населения Средней Азии. В зарубежной и отчасти в отечественной историографии существует склонность к некоторому преувеличению якобы извечных противоречий между земледельцами и скотоводами, в результате которых их интересы всегда антагонистически противопоставляются. Тщательно анализируя весь комплекс материала, В. М. Плоских приходит к справедливому выводу, что такие суждения несостоятельны и что скотоводы-киргизы в той или иной мере всегда были связаны с земледелием, а земледельцы — узбеки и таджики — остро нуждались в продуктах киргизского скотоводства (с. 323—324). Автор, конечно, признает наличие определенных, сложных моментов в отношениях между представителями различных хозяйственно-культурных типов, но метко подмечает, что все столкновения и усобицы между кочевниками и земледельцами инспирировались и были выгодны в первую очередь их феодалам, которые в случае необходимости первыми находили между собой общий язык с целью совместной эксплуатации подвластного им населения.

Интересна разработка автором вопросов социального развития киргизского общества эпохи Кокандского ханства: в книге проанализирован крайне сложный процесс утверждения здесь в этот период феодального строя, опутанного массой патриархально-родовых пережитков.

Большое научное значение имеет и исследование различных сторон хозяйственной и политической истории Кокандского ханства — одного из самых крупных политических образований дореволюционной Средней Азии, к сожалению, пока еще недостаточно изученного в отечественной исторической науке. В. М. Плоских выступает против преувеличения реакционного влияния Кокандского ханства на политическое, хозяйственное и социальное развитие киргизов XVIII — 70-х годов XIX в., справедливо отмечая, что кокандское господство могло лишь отчасти оказывать воздействие на объективно шедший процесс феодализации киргизского общества.

Книга содержит богатый материал по истории совместной классовой борьбы трудящихся Средней Азии против деспотизма кокандских ханов, киргизских и узбекских феодалов. Автор вскрывает корни массовых движений и анализирует причины их неудач. Убедительно показана историческая закономерность возникновения в киргизском обществе стремления к сближению с более развитым и сильным соседом, приведшего к осознанию необходимости присоединения к России.

В серьезной работе В. М. Плоских есть и некоторые спорные положения и недостатки. Так, автор в целом справедливо отмечает методологическую и идейную ограниченность русской дореволюционной литературы по истории Кокандского ханства и Киргизии. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что она сейчас может иметь лишь «интерес в источниковедческом ключе» (с. 22). Несомненно, русская дореволюционная литература о Средней Азии несла на себе, как пишет В.М. Плоских, «печать

социального заказа господствующих классов России», однако она была неотъемлемой и важной частью русского дореволюционного востоковедения, и исследование ее представляет большой историографический интерес. Без этого нельзя, на наш взгляд, верно и полно оценить значение этого научного наследия для советской марксистской историографии Средней Азии.

Вызывает некоторое сомнение оценка автором Кокандского восстания 1873—1876 гг. как «народной войны 70-х годов XIX в.» (с. 304 и сл.) ввиду сильного проявления в ходе этого движения реакционных феодально-клерикальных тенденций и течений. Встречаются отдельные повторы, досадные опечатки и т. д. Вместе с тем хочется отметить, что, в отличие от многих публикаций среднеазиатских академических издательств, вышедшая досадно малым тиражом (500 экз.) книга снабжена научным аппаратом (подробная библиография, именной, географический и, что особо важно, терминологический и этнический указатели).

Обоснованность и научная доказательность выводов в сочетании с актуальностью их политического звучания делают рецензируемое исследование заметным вкладом в разработку истории народов Средней Азии.

Д. Ю. Арапов,

канд. историч. наук,
Институт истории АН СССР

Ж. «Народы Азии и Африки». № 6. 1978. С. 232—234.

IV

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Многие вопросы истории Кокандского ханства, его взаимоотношений с соседней Киргизией, борьбы киргизского народа против его угнетателей еще недостаточно освещены в нашей исторической литературе. В этой связи надо приветствовать появление капитальной работы В. М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство», которая восполняет многие пробелы в историографии данной проблемы.

Рецензируемая работа — плод многолетнего труда автора, скрупулезно исследовавшего обширный круг источников и пособий — архивных, литературных, этнографических и археологических, большинство которых впервые вводится в научный обиход. Следует особо отметить такую уникальную группу источников, как письма, прошения, жалобы трудового населения, а также налоговые записи (дефтеры) и поименные списки родоправителей. Комплексное исследование разнохарактерных источников, тщательный анализ и сопоставление их позволили автору создать оригинальную работу.

В 1-й главе — «Киргизия XVIII столетия и завоевательная политика Кокандского ханства» — освещается процесс сложения этого государственного образования. Здесь правильно подчеркивается, что на первом этапе активную политическую роль в этом играли ферганские и Тяньшанские киргизы, выступавшие совместно с узбекскими племенами против джунгарских завоевателей. В середине XVIII в., несмотря на родо-племенную раздробленность киргизов, их феодалы — предводители крупных племенных

объединений — проводили самостоятельную политику. Кокандское владение в то время находилось в состоянии внутренней консолидации и еще не покушалось на независимость своих ближайших соседей — киргизов.

Далее в главе рассматриваются взаимоотношения киргизских племен с Цинской империей, которая, потерпев неудачу в попытках прямого завоевания Киргизии, старалась привлечь киргизскую знать на свою сторону путем подарков и обмена послами. Народы Киргизии и Узбекистана сумели пресечь экспансию цинского Китая в сторону Средней Азии и в то же время поддержали антицинскую освободительную борьбу народов Восточного Туркестана.

С 60-х годов XVIII в. Кокандское ханство отказывается от политики союза с киргизскими племенами и берет курс на насильственное присоединение киргизских земель к своим владениям. Автор подробно рассматривает процесс постепенного подчинения Коканду территории Южной, а позднее и Северной Киргизии.

Во 2-й главе рассматривается территориально-административное устройство киргизов в составе Кокандского ханства. Подробно освещается местное управление, основанное на подразделении киргизов по родо-племенному признаку. Здесь же показана роль кокандских крепостей как оплота ханско-феодалного режима.

Много внимания уделено активной роли киргизской знати в политической жизни ханства. Входя в состав ханского административного аппарата, киргизские феодалы непосредственно участвовали в угнетении и эксплуатации как узбекских, так и киргизских трудящихся.

Эксплуататорской политике Кокандского ханства и социально-экономическому положению киргизов посвящена

отдельная глава, в которой характеризуются аграрные отношения у киргизов, взаимовлияние хозяйства узбекского и киргизского населения, социальная структура киргизского общества, формы и методы феодальной эксплуатации.

В изучаемый период основу экономики Киргизии составляло скотоводческое хозяйство, а Кокандского ханства в целом — орошаемое земледелие. Однако под влиянием оседлого узбекского населения Ферганы земледелие все более проникает и в среду киргизского населения, а кочевое скотоводство постепенно превращается в полукочевое.

Хозяйство киргизов тогда представляло собой сочетание скотоводства с земледелием, промыслами, охотой и составляло «важную статью общей экономики Кокандского ханства». Между трудящимися киргизами-скотоводами и узбекским земледельческим населением складываются отношения сотрудничества и добрососедских контактов. В этом плане очень важен вывод автора о том, что нельзя сводить всю историю их взаимоотношений только к войнам и грабительским набегам кочевой феодальной знати на оседло-земледельческие районы, а роль Кокандского ханства в истории киргизского народа рассматривать лишь как самый мрачный период, приведший к хозяйственному регрессу. Именно в этот период, как справедливо подчеркивает В. М. Плоских, формируется сознание единства хозяйственных и классовых интересов узбекских и киргизских трудящихся, что нашло отражение в их совместных выступлениях против общих угнетателей.

В работе показано, что в Киргизии после подчинения ее Кокандским ханством происходит расширение феодальных институтов, развивается мельниковое (частно-феодальное) землевладение, появляются феодальные огороженные

земли (корук) и владения мусульманских духовных учреждений и лиц (вакф), углубляется процесс феодализации киргизского общества. Но в основе своей характер общественных отношений у киргизов продолжал оставаться патриархально-феодальным; важную роль в экономике и быту играли родоплеменные традиции.

Киргизские трудящиеся испытывали на себе жесточайший ханско-феодальный гнет. Тяжелые налоги, произвол и насилия правящей верхушки вызывали возмущение угнетенных масс, которое выливалось в открытые выступления, временами охватывавшие огромные территории.

Борьбе киргизского народа против его угнетателей посвящена последняя глава книги, где подробно освещается ряд восстаний, происходивших в первой половине XIX в. При этом правильно отмечается, что выступления киргизского народа против кокандских феодалов несли в себе и элементы социального протеста против гнета местных феодалов, а зачастую переплетались с подобными же антифеодальными выступлениями узбекских трудящихся. Так накапливался «опыт выражения социального протеста, зарождались истоки классовой солидарности угнетенных киргизских и узбекских трудящихся».

Народное восстание 1873—1876 гг., начатое киргизами и поддержанное затем всеми угнетенными массами Кокандского ханства, ярко показало всю мощь и глубину народного возмущения против ханского деспотизма и социального гнета. В работе четко определены этапы, характер и движущие силы этого восстания, которое в конечном счете привело к падению Кокандского ханства. Вмешательство царизма повлекло за собой присоединение ханства, в том числе киргизских районов, к России,

что открыло, по справедливому замечанию автора, новую страницу в истории киргизского народа.

На наш взгляд, в работе имеются и некоторые недостатки. В частности, излишне подробно освещаются многочисленные детали заговоров и переворотов в среде господствующего класса Кокандского ханства, что не помогает освещению основной темы книги.

Следовало бы глубже и шире показать сотрудничество узбекского и киргизского народов в повседневной хозяйственной и культурной жизни.

Представляется, что экономические и политические взаимосвязи киргизов с Восточным Туркестаном заслуживали большего внимания.

В целом же рассматриваемая книга, написанная на основе анализа и обобщения богатого документального материала, заслуживает высокой оценки как существенный вклад в историографию Киргизии и Кокандского ханства.

Л.Н. Кравец

Ж. «Общественные науки в Узбекистане». № 5. 1978.
С. 56—57.

V

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Рецензируемая книга представляет собой большой обобщающий труд, в котором исследуются вопросы взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в. Политическое влияние Коканда распространилось на значительную часть территории Средней Азии и Южного Казахстана, населенную многочисленными племенами и народностями с различными хозяйственными укладами и социальной структурой. В этом плане рассматриваемая работа имеет определенное значение и для изучения истории Казахстана.

Дав анализ взглядов различных ученых в ходе многочисленных дискуссий о феодализме на Востоке, автор приходит к выводу, что общественно-экономические отношения в Киргизии во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в. можно определить как патриархально-феодальные.

В книге привлечен большой круг источников, как архивных, так и нарративных, вкуче с данными археологии, нумизматики, этнографии и фольклора. В отличие от многих работ других авторов по истории Киргизии, написанных, как правило, на материалах русских архивных данных и публикаций, В. М. Плоских широко использует сведения оригинальных рукописных сочинений, составленных большей частью на таджикском, а также на тюркском языках.

Значительное внимание уделено политической истории включения Киргизии в состав Кокандского ханства, отражению Цинской агрессии. В. М. Плоских удалось показать, что подчинение Киргизии Коканду было длительным

процессом и сопровождалось непрерывной борьбой киргизских племен за свою независимость. Однако разобщенность и внутренние распри способствовали закабалению киргизского народа ханами кокандской династии Минг.

Автор убедительно показывает, что социально-политическое устройство у киргизов с присоединением к Коканду практически не изменилось. Ханская власть в Киргизии была непрочной и носила преимущественно номинальный характер. История киргизов в Кокандском ханстве еще раз показывает, что верхушка феодального общества, презрев национальные интересы, объединялась с завоевателями для еще большего обогащения и укрепления своей власти над народными массами.

В. М. Плоских подробно исследует аграрные отношения, взаимодействие хозяйственных укладов кочевников-киргизов и земледельцев — таджиков и узбеков в ханстве, переход части киргизов от кочевого скотоводства к земледелию, ремеслу и промыслам, рассматривает социальную структуру и различные формы эксплуатации, налогообложения, земельной ренты. Автор справедливо констатирует, что именно рентные отношения определяли суть феодального способа производства, позволяя феодалу присваивать не только прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Автор доказывает историческую общность судеб киргизского и узбекского народов даже в условиях ханского деспотического гнета, объединившихся в массовом народно-освободительном движении, которое привело к ослаблению и в конечном счете к падению Кокандского ханства и добровольному присоединению Киргизии к России.

Оценивая книгу, бесспорно, положительно, нельзя не указать на отдельные вкравшиеся в нее недостатки,

в основном технического характера. Например, опечатка в тексте документа на с. 194, строка 3: «заявление и признание, достойное дворян, законное» привело к явной бессмыслице: здесь следует читать «...достойное доверия»; вместо «рисоля» (трактат) в указателе на с. 364 отпечатано «рисоль» и т. д. Следовало бы отметить, что название должности «пансад», цитированное по Ч. Валиханову (с. 116—117), употреблено в ошибочной форме, вместо «пансадбаши». Эти и некоторые другие погрешности, однако, в целом не снижают ценности всей работы, которая написана на высоком научно-методическом и идейном уровне и, надо надеяться, займет достойное место в отечественной историографии.

Б. Е. Кумеков,

доктор историч. наук, чл.-корр. АН Каз. ССР

«Известия Академии наук Казахской ССР».

Серия Общественных наук. № 5. 1978. С. 25.

VI

СЫН ЖАНА БИБЛИОГРАФИЯ

КЫРГЫЗСТАНДЫН ТАРЫХЫН ТАЛДООГО ОЛУТТУУ САЛЫМ

Улуу Октябрдын женишинен келип чыккан турмуштун бардык жактарындагы эбегейсиз зор социалдык, экономикалык жана маданий кайра куруулардын натыйжасында кыргыз эли мезгили боюнча кыска, бирок мурда болуп кербегендей жемиштуу жана динамикалуу жолду басып етуп, ар кандай укуксуздуктан, патриархалдык-феодалдык артта калуучулуктан арылып, тузден-туз социализмдин жана коммунизмдин кенири курулушуна кадам шилтеди. Бул ийгиликтердин негизин лениндик улут саясатынын ырааттуу турде ишке ашырылышы, социализм жана коммунизм учун жургузулген куреште эч бузулгус болуп бекемделген совет элдеринин бир туугандык достугу жана оз ара жардамдашуусу тузет. Элдердин достугу «биздин баа жеткис кенчибиз, советтик ар бир адамдын журегуне синген социализмдин эн сонун жана эн кымбат жемиштеринин бири» (Л. И. Брежнев. Лениндик жол менен. «Кыргызстан» басмасы, 1972-ж., 4-том, 61-бет).

Кыргыз элинин еткендегу улуттук кез карандысыздык учун курешуне, езбек, тажик элдери менен бирдикте Кокон хандыгынын эн ырайымсыз феодалдык устемдугуне каршы таптык тилектештигине жана алардын тарыхый оор жолдорду басып еткен чыйырына кез чаптырсак, достукка негизделген бугунку ийгиликтерибиздин мааниси ого бетер терек жана даана сезилет.

Мындай ой «Илим» басмасынан жарык керген В. М. Плоскихтин «Кыргыздар жана Кокон хандыгы»¹ деген эмгеги менен таанышуудан улам пайда болуп олтурат. Бул монография кенири архивдик, адабий, этнографиялык жана археологиялык булактардын негизинде жазылып, кыргыздардын XVIII кылымдын экинчи жарымындагы жана XIX кылымдын 70-жылдарындагы турмушунун абалы жана саясий факторлору, экономикалык жана маданий байланыштары, социалдык структурасы, эксплуатациянын жана эзуунун формалары, антифеодалдык кетерулуштөрүнүн мунезу жана кыймылдаткыч кучтеру талдоого алынган. Бул белгиленгендер азырынча тарыхый эмгектерде кенири, терек изилдене элек, анын устуне автор алигиче пайдаланылбаган булактарды пайдаланып, негизги кокулду начар изилденген же буга чейин изилдөөчүлөрдүн кез жаздымында калган бир катар маселелерге бурган.

Китептин структурасы тематикалык жана хронологиялык принциптерге негизделип тузулгандугу, андагы проблеманын истори-ографиясы жана пайдаланылган булактарды талдоо маселелери биринчи главада айтылат. Экинчи главада Кыргызстандын XVIII кылымдагы абалы, Кокон хандыгынын басып алуучулук саясаты жөнүндө сөз болот. Ушул эле белумде кыргыздардын циндик агрессияга каршы да жургузгон курешуне мунездеме берилет.

Китептин учунчу главасында Кокон хандыгынын бийлиги астындагы кыргыздардын абалы, алардын территориялык-административдик белунушу, жергиликтуу башкаруунун, хандык-феодалдык эзуунун формалары жана

¹ Плоских В.М. Кыргыздар жана Кокон хандыгы. «Илим» басмасы. Фрунзе, 1977-жыл.

анын тиреги катары кокондук чептердин ролу талдалат. Кокон хандыгынын эксплуататордук мунезу, социалдык-экономикалык абалы китептин тертунчу главасында корсетулген. Китептин корутундулоочу бешинчи главасында автор XIX кылымдын биринчи жарымында кыргыз элинин Кокон хандыгынын эзуусуне каршы кетерулушунун, кыргыз элинин Россиянын составына ыктыярдуу киришинин маанисин, 1870-жылдардагы элдик кыймыл Кокон хандыгынын кулашына алып келип, туштук Кыргызстандын да Россиянын составына кошулушуна мумкундук тузулгондугу баяндалган.

Маркстик-лениндик методологиянын негизинде адабияттарга жана башка ар кандай тарыхый булактарга туура талдоо жургузуу авторго алдына койгон милдетти негизинен туура чечууге мумкундук берген. Бул эмгек кыргызстандык гана эмес, ошондой эле регионалдык орто азиялык-казакстандык тарых илимине белгилуу салым болоору талашсыз.

Сез болуп жаткан китептеги окурмандын кекулун бура турган дагы бир маселе кыргыздардын маньчжур-цин басып алууларына каршы жургузген курешу (2-глава). XVIII кылымдын орто ченинде Цин феодалдары Тянь-Шань, Чыгыш Туркстан тараптагы жерлерди басып алууну кездешкен. Ойроттордун ички жана тышкы абалы кыйындап калгандыгынан пайдаланып, алар ар кандай зордук-зомолуктун натыйжасында Жунгар хандыгындагы калктын 80 процентке жакынын жок кылышкан. Мурда алдуу-кучтуу болуп келген элдин тирүү калгандары коншулаш территорияларга качып барып баш калкалоого аргасыз болушкан. Ошентип, ойроттордун айрым белугу кыргыз жергесине келип баш калкалап калышкан. Жунгардык феодалдардын

бир кездеги талоончул саясатына карабастан, мурдагы эз ара чыр-чатактарды унутуп, кыргыз эли качкын кечмендерге оз территориясынан конуш жай беришкен.

1758-жылдын жайында цин аскерлери ойротторду куйбуз деген шылтоо менен кыргыздардын жерине етууге аракеттенишкен, бирок алар жергиликтуу элдин куралдуу каршылыгына дуушар болушкан. Басып алуу саясаты иш жузуне ашпагандыктан, алар формалдуу болсо да дипломаттык байланыш тузуу аркылуу кыргыздарды каратууну кездешкон, бирок мындай айла-амал аракеттер да ордунан чыккан эмес. Эмгекте белгилуу тарыхый, адабий булактардын негизинде автор Кокон хандыгы да, кыргыздар да эч качан Цин империясынын составында болбогондугун жана алардын территориясында кытай бийлигинин башкаруу пункттары жайгашпагандыгын дагы бир жолу далилдеп кеткен, Кыргыздар езулерунун эркиндигин коргоп, Цин бийлигине каршы жургузулгон Чыгыш Туркстандагы кыймылдардын бардыгында аскердик-саясий активдуу куч болуу менен керунуктуу роль ойношкон. Чыгыш Туркстандын калкы менен кыргыздардын экономикалык жана саясий байланыштары гана эмес, ошондой эле тарыхый жактан тузулген этникалык да жакындыгы болгон. XVIII кылымдын экинчи жарымында кыргыз эли боордош казак, езбек элдери менен биргелешип езулерунун аймагына Цин агрессиясынын таралышын токтотуп, ошону менен катар маньчжурлардын талоончул саясатына каршы турушкан.

XVIII кылымдын аягына жана XIX кылымдын баш жагына тиешелуу материалдардын, адабий булактардын аздыгынан алиге толук чечиле элек кээ бир маселелерди чечууге аракеттенип, автор кыргыздардын Кокон хандыгы

менен болгон саясий, социалдык-экономикалык ар турлуу ез ара байланыштарын талдоого алган (3-глава).

Китептин 4-главасында кыргыз элинин бытыранды-белундулугунен жана ез ара кагылышууларынан пайдаланып, кокон феодалдары аларды басып ала баштагандыгы, кыргыздын бай-манаптары кокондук бектер, даткалар менен бат эле таптык ез ара мамиле тузуп алышкандыгы кенири суреттелет. Кечмен кыргыздардын турмушунун патриархалдык-уруучулук биримдиксиз тузулушунен пайдаланып, алардын жоокердик, саясий активдуулугун эсепке алуу менен эзуучу таптын екулдери кыргыз бай-манаптарын езуне тартууга кеп аракеттер жасашкан. Мунун натыйжасында феодалдык-террордук кош эзууге дуушар болгон карапайым эмгекчил массалардын башына оор мушкул иш тушкен. Булар китепте далилдуу, элестуу жазылган.

Ушул эле главада кыргыз, езбек, тажик жана казак эмгекчилеринин чарбалык жана маданий жактан ез ара байланыштары, бири-бирине ез ара таасир керсетуулеру кенири ачылып, феодалдык ар кандай чырчатактардын, ез ара ырксыздыктын шартында бектер менен бийлердин бийлик, жер учун курешуулеру, элдердин ортосунда нааразылыкты жана кастыкты туудурууга карата жургузген саясат-аракеттери талдоого алынган. Кыргыз эли отурукташкан езбек, тажик дыйкандарынан сугат иштерин, талаачылыкты, кол енерчулукту, турак-жай курууну уйренушкен. Мал чарбасын оздештурген кыргыздар менен дыйкан езбектердин ортосундагы соода байланыштары кенейип, бул эки элдин экономикалык енуугу жагынан тенелишине жардам берген. Кыргыз калкынын кыйла белугу XVIII кылымда эле дыйканчылык чарбага етушкен. Кыргыздардын арасында жер менчигинин замини-жамоат (община жери),

мильк (езумдук жерлер), вакф (диний мекемелердин менчиги) сыяктуу турлеру таралат. К. Маркстин кечмен калк менен отурукташкан калктын ез ара катышы жана биринчисинин экинчисине кез карандылыгы женундегу жалпы методологиялык корутундусуна таянып, автор чарба жургузуунун бул эки жолун бирбирине байланышпаган керунуш катары эсептеген айрым ой-пикирдин негизсиз экендигиген далилдеп керсетет. Кокон хандыгынын устемдугунун шарттарында эзуучу феодалдык чейрелердун элдердин ортосунда кагылышууларды жана чыр-чатактарды тутандырууга карата жасаган аракеттерине карабастан, чарбалык ар турдуу формадагы байланыштар енугуп, кыргыз, езбек жана тажик эмгекчилеринин таптык тилектештиги чындала берген. Бул тилектештик эмгекчилердин «езулерунун» жана «белек» эзуучу таптардын, хандык администрациянын зомбулугуна каршы биргелешкен курештерунун журушунде бекемделген. Автор монографияда Орто Азия элдеринин таптык ан-сезиминин жалпылыгы жана достук ез ара мамилелеринин тарыхый негиздери эмгекчилердин эзууге каршы курешунде объективдуу шарттар менен калыптанды деген туура пикирди айтат.

Ошону менен бирге, автор кептеген материалдардын негизинде орус жана кыргыз элдеринин ортосундагы байланыш XVIII кылымда эле башталып, кыргыздардын Россиянын составына ыктыярдуу кошулушуна чейин эле ез ара жакындашуулардын тарыхый башталышы тузулгендугун, бул ез ара жакындашууларга таянып, езбектердин, тажиктердин колдоосу астында кыргыздар 1873—1876-жылдарда элдик согушту баштагандыгын жана ал Кокон хандыгынын кулатылышына алып келгендигин керсетет.

Кокон хандыгынын устемдугунун кулашы социалдык-экономикалык жана саясий мунездегу ички себептер менен бирге, буткул Фергананын эмгекчилеринин колдоосу астындагы кыргыздардын жургузген улуттук-боштондук кыймылы менен шартталган болучу.

Китепте Кыргызстандын Россиянын составына ыктыярдуу киришинин прогрессивдуу маанисине езгече кенул бурулган. Россиянын составына кируу Кыргызстандын жана башка Орто Азия территорияларынын тарыхындагы жаны этаптын башталышы катары каралат. Падышачылыктын жургузген саясатына жана анын эркине карабастан, Орто Азиянын эмгекчилери россиялык пролетариаттын революциялык курешуне тартылат да, аны менен бирге социалдык жана улуттук эзуунун бардык формаларына каршы чыгышат. Бул куреште Россиянын бардык эмгекчилеринде таптык таламдарынын жалпылыгын тушунуу сезими калыптанат. Бул процесстер Улуу Октябрдын жениши учун онтойлуу шарттар тузген.

В. М. Плоскихтин монографиясы жалпысынан алганда маанилуу илимий эмгек, ал советтик тарых илимине белгилуу салым болуп саналат. Албетте, мындай кеп пландуу изилдееде жетишерлик турде чечилбей калган бир катар маселелер да болушу табигый иш экендиги белгилуу. Китепте айрым окуялар, мисалы, археологиялык объектилер женунде суреттеелер, хандыктын саясий турмушунда кыргыз ак сеектерунун ролу сыяктуу фактылар ашыкча майдаланып берилген. Автор кыргыз элинин коншула езбектер, тажиктер жана казактар мен болгон чарбалык карым-катнаштарын ган эмес, ошондой эле маданий байланыштарын да кенирирээк керсетсе болмок.

Мумкун, китепте каралган айрым маселелерди дагы изилдее, дагы тактоо талап кылынаар. Ошондой болсо да, бул эмгектин баалуулугу кыргыз элинин тарыхынын начар изилденген мезгили илимий талдоого алынгандыгында. Биздин тарыхыбыздын ар бир барагы азыркы муундарды алардын бугунку жаркыраган турмушу алардын ата-бабаларынын эркиндик учун, эзуучу тапка каршы курешунде пайда болгонуна, ал куреште эмгекчилердин достугу налылтангандыгына ынандырат.

Э. Маанаев,

тарых илимдеринии доктору

Ж. «Коммунист». № 9. Сентябрь, 1978. С. 94 – 96.

**АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

В.М. Плоских

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ НАКАНУНЕ
ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель — член-корреспондент
АН Киргиз. ССР С. И. Ильясов

Фрунзе — 1965

Известно, что развитие общества зависит от развития производительных сил и производственных отношений. Как и во всех аграрных странах, земельные отношения в Киргизии составляли базис феодального общества и определяли его классовую структуру. Поэтому исследование аграрных отношений имеет важное значение для общей разработки социально-экономической и политической истории Киргизии дооктябрьского периода. До последнего времени земельным отношениям в Киргизии времени господства Кокандского ханства не уделялось должного внимания, они не были предметом специального исследования и рассматривались лишь попутно, в связи с другими проблемами истории Киргизии.

Задачей диссертации является исследование видов феодальной собственности на землю, землевладения и землепользования оседлого и кочевого населения, государственного налогообложения и других форм феодальной эксплуатации в последний период кокандского господства, что позволит сделать ряд выводов, способствующих правильному пониманию общественно-экономических отношений в Киргизии рассматриваемого, времени.

Основной трудностью при разработке вопроса является крайняя бедность источников, почти полное отсутствие статистических сведений ханского периода при фрагментарности прочих данных, относящихся к поземельным отношениям, что вынуждало привлекать косвенные сведения и материалы более позднего периода.

Нами выявлены новые документы, которые дают возможность более глубоко рассмотреть поземельные отношения. Все архивные источники и соответствующую

опубликованную литературу, на основе которых исследуется тема работы, можно подразделить на следующие группы: 1) земельные акты документы ханского времени, 2) сведения царских чиновников, представителей туркестанской администрации, 3) документы ревизий Туркестанского края, 4) статистические материалы, собранные в результате поземельно-податного устройства края, 5) описания путешествий, очерки и заметки ученых-туркестанцев и востоковедов, 6) этнографические материалы, 7) труды советских историков, исследовавших аграрные отношения в среднеазиатских ханствах и работы ученых Киргизии. Взятые в целом эти источники все же позволяют представить реальную картину земельных отношений в Киргизии накануне вхождения в состав России.

Большинство использованных архивных источников хранятся в фондах архивохранилищ Ташкента (особенно необходимо отметить документы фонда Ферганского областного правления — ф.и. 19 ЦГА Узб. ССР), Ленинграда (ЦГИАЛ) и Москвы (ЦГВИА СССР). Некоторые материалы нами извлечены из исторических фондов ЦГА Киргиз. ССР и ЦГА Казах. ССР, из архива РГО в Ленинграде, архивов и рукописных хранилищ Ленинградского отделения ИНА, ИВ АН Узб. ССР, Ин-та этнографии АН СССР, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде) и республиканской б-ки им. А. Навои (в Ташкенте).

Из наиболее важных для темы источников следует назвать акты на куплю-продажу земельных участков (*васики*), документы ханских земельных пожалований и обелительные грамоты (*ярлыки, инаят-наме, мубарак-наме*), вакфные завещания (*вакф-наме*) как подлинники, так и

их переводы, выполненные туркестанскими чиновниками (В. Наливкиным, Богдановым, Оракуловым и др.).

Отдельные сведения о фактическом состоянии землепользования местного кочевого и оседлого населения почерпнуты нами из переписки и донесений низших чиновников с вышестоящими административными учреждениями.

Докладные записки и материалы комиссий по вопросам «выяснения юридической, т. е. теоретической стороны поземельного вопроса» (М. Н. Николаева, А. И. Гомзина и др.) представляют интерес как первые сведения, собранные на местах в момент присоединения края к России.

Наличие фактического материала, собранного туркестанскими властями в связи с административным и поземельно-податным устройством присоединенного края, в некоторой степени облегчает исследование темы. Отдельные стороны поземельного вопроса затрагивались в опубликованных итогах ревизии Туркестанского края и других работах дореволюционных авторов. Однако сфера их интересов обуславливалась в основном фискально-колониальными целями, и оценки основывались на принципах классового субъектизма. При использовании этих источников необходима осторожность, так как на них наложили отпечаток две точки зрения, столкнувшиеся в процессе урегулирования в Туркестане земельного вопроса: буржуазная и ярко помещичья. Сторонники проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений старались провести мысль (и подкрепить ее примерами) о наличии в Кокандском ханстве частной земельной собственности и отстаивали принцип сохранения частной собственности на землю. Сторонники феодально-помещичьего устрой-

ства края в интересах колониально-чиновничьего аппарата стояли за объявление всех земель государственными.

Организация поземельно-податного дела в Туркестане в ходе осуществления основных правительственных законоположений завершилась проведением серии статистических обследований хозяйств местного оседлого и кочевого населения. Несмотря на то, что статистические работы зафиксировали состояние землепользования уже после введения новой системы управления, их данные, в известной степени, можно использовать и для более раннего времени, т. к. состояние землепользования кочевого населения еще не успело пережить существенных изменений.

Интересные этнографические и исторические сведения о киргизах и их хозяйстве, поземельно-налоговом устройстве Кокандского ханства содержатся в работах русских путешественников и востоковедов: А. Федченко, Ч. Валиханова, А. Миддендорфа, Н. Пантусова, А. Куна, В. Наливкина и др. В качестве подсобного источника для изучения материалов прессы XIX в. послужил уникальный «Туркестанский сборник» из б-ки им. А. Навои.

В сочинениях кокандских авторов, чаще всего представляющих исторические хроники, вопросам экономики, тем более киргизов, отводится обычно мало места. Для выявления земельных отношений они представляют относительно небольшой интерес, ни в коей мере не сравнимый с архивными источниками.

При разработке темы нами учитывались предшествующие исследования общего характера, как работы Б. Д. Джамгерчинова, А. Еренова, Р. Н. Набиева, Л. П. Потапова,

А. П. Савицкого, С. Е. Толыбекова, А. Х. Хасанова, О. Д. Чехович и др. Освещению некоторых вопросов диссертации помогли публикации А. Л. Троицкой по материалам архива кокандских ханов, работа о социально-экономических отношениях киргизов в период кокандского господства К. У. Усенбаева и исследование о земельных отношениях в Киргизии конца XIX — начала XX в. С. И. Ильясова.

Основные положения диссертации формулируются в соответствии с методологией исторического материализма. Особую ценность представляют для нас заключения классиков марксизма-ленинизма о формах собственности на землю в докапиталистических формациях, в частности, в странах Востока и определение генезиса феодальной и капиталистической земельной ренты.

* * *

Диссертация состоит из введения, трех глав и выводов. В качестве приложения даны список чековых селений по Ферганской долине и фотокопии отдельных актов документов, приводится список источников и литературы.

Во *«Введении»* формулируется постановка проблемы, дается рассмотрение источников и обзор дореволюционной и советской литературы, имеющей отношение к теме диссертации.

В *первой главе* «Виды феодального землевладения» исследуется форма феодальной собственности и категории землевладения в Южной Киргизии.

С завоеванием кокандскими ханами Киргизии вся присоединенная территория, на основании положений шариата, становилась государственной собственностью. Как

и в других азиатских странах, государство оказывается верховным собственником земли. «Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе»¹. Обрабатываемые земли закреплялись за населением на основе фактического владения и пользования, в результате орошения, ханскими пожалованиями, купчими крепостями и пр., пастбища были оставлены в пользовании занимавших их родоплеменных групп при условии платы государственных налогов и несения соответствующих повинностей. В прямом непосредственном ведении казны сохранились лишь пустоши и сравнительно небольшие обрабатываемые массивы, которые правительство сдавало в краткосрочную аренду (земли *мамлака* — казенные).

Полное право собственности на все земли принадлежало государству, и только с разрешения верховного собственника, в лице хана, могло осуществляться правовое оформление частного или общего владения землей. Поэтому отдельные феодалы и целые общинно-родовые объединения стали обращаться к правителю государства с просьбой о документальном закреплении за ними во владение прежде принадлежавших им земель.

Юридически оформленные земельные владения выступали как феодальная частная собственность с условным или полным правом отчуждения. Права землевладельцев зависели от характера завладения и варьировались у феодалов — от феодальной собственности (земли *мильки хурри холис*) до права взимания части ренты (земли *танхо*),

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 354.

у крестьян — от полного владения своим участком (*мильк, замини джамоат*) до положения почти совершенно бесправных арендаторов (*чайрикер*) чужой земли. Территории, казавшиеся оставленными в свободном пользовании скотоводов, нередко выступали как владения киргизских феодалов, узурпировавших право общин распоряжения использованием пастбищами. Неотъемлемой частью права землевладения было и соответствовавшее ему право владения оросительными водами.

Разнообразные формы присвоения земли привели к образованию различных и весьма сложных категорий землевладения. Пользуясь терминологией В. И. Ленина, можно определять здесь «средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное, и «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское), и клановое, и общинное, и государственное и т. д.»¹.

Правовое определение земельных институтов в мусульманских странах и их выделение вообще представляют определенную трудность, т. к. ни нарративные, ни документальные источники не перечисляют и не называют их. В связи с этим их классификация современными исследователями имеет довольно значительные расхождения.

Схематично структуру землевладения в Кокандском ханстве и, соответственно, в Южной Киргизии можно представить в следующем виде: а) государственные земли, б) земли ханских «уделов», в) частновладельческие земли, г) общинные земли, д) земли духовных учреждений и лиц.

¹ В. И. Ленин. Полное Собр. соч. Т. 27. С. 138.

В рассматриваемое время в Киргизии основную часть земельной площади составляли земли государственные (по общепринятой среднеазиатской терминологии — амляковые). Амляковые земли находились в прямом ведении государства и налог-рента с них поступал непосредственно в казну. «Если не частные земельные собственники, — писал К. Маркс, — а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»¹. Государственный характер землевладения выступал в соединении с мелким частнокрестьянским и общинным землепользованием, обычно не подтверждавшемся документально. Большинство амляковых земель в Киргизии являлось пастбищами и угодьями, находящимися в бессрочном пользовании кочевого населения.

Главным образом из фонда амляковых земель ханы выделяли пожалования (*танхо*, *тамлик*) своим феодалам, конституировали духовным учреждениям в *вакф*. Характерен в этом отношении документ о пожаловании в 1282/1865—66 г. (судя по дате — Сеид Султаном) пастбищ местности Науката «по линии тамлик» киргизскому феодалу Шах Мирзо дадхе. Причем документ определял земли в частное владение: «дадхо, бии и простой народ племени (*илата*) должны считать это пастбище вне товарищества (*ширкат*), частью других *мильки холис*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 354.

упомянутого дадхо». Претендовавшим на эту местность киргизам орвин подразделения бору, которые, судя по документу, занимали ее до Шах Мирзы, хаким Маргеланского вилайета ответил, что так как они в течение вот уже 20 лет не использовали пастбища сами и не сдавали их в аренду, то и не имеют на них уже никакого права.

Получавшие ханские земельные пожалования еще не были собственниками, они являлись лишь условными владельцами, которые целиком или частично присваивали в свою пользу подати с крестьян пожалованных земель. Но, по мере давности владения, такие условные пожалования имели тенденцию к превращению в наследственные владения с правом на отчуждение. Юридически отчуждение амляковых земель ограничивалось волею хана и являлось условным, так как каждый последующий хан вправе был подвергнуть ревизии документ, выданный его предшественником и даже аннулировать его. Однако, с течением времени, при длительном наследственном пользовании амляковые земли стали отчуждаться и непосредственными производителями. Наблюдается общая картина, особенно в районах орошаемого земледелия, к постепенному переходу амляковых, государственных земель в мельковые, частновладельческие. После присоединения Кокандского ханства к России оказалось, что, например, в Маргеланском уезде (по сведениям начальника уезда) обрабатываемых земель, находящихся в непосредственном ведении казны, осталось всего 2 162 танапа (360 дес.).

Земли ханских «уделов» (точнее, лично ханские) — *хасс* или *мири* — занимали как бы промежуточное положение между мельковыми и амляковыми землями. Будучи

по происхождению частным владением, земли хасс, после восшествия их владельца на престол, продолжают оставаться в прямом ведении хана, который теперь соединил в своем лице частного и верховного землевладельца, распорядившегося государственными землями так же бесконтрольно, как и «удельными». Однако эти земли никогда не смешивались. Так, с присоединением Коканда к России, последний хан Насреддин обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой, чтобы за ним сохранили его личные земли, которые, как писал проситель, были куплены им или подарены его отцом Худояр-ханом и оформлены казийскими документами.

На территории Киргизии таких земель, по всей вероятности, было немного. В документах встречается лишь упоминание, что в местности Мады, близ Оша, находились поля, принадлежащие хану, да в районах Джалал-Абада были фруктовые сады лично Худояр-хана (6 дес. 592 саж.), его сына Насреддина (3 дес. 1019 саж.) и брата хана Мурадбека (6 дес. 1998 саж.).

Выявленные документы позволили впервые на конкретном фактическом материале утвердительно разрешить вопрос о наличии у киргизов мельковой формы феодальной собственности. *Мильк* — частновладельческие земли, закрепленные за отдельными лицами правительственными документами или оформленные купчими крепостями, свободно отчуждаемые и передаваемые по наследству. Однако, за верховным собственником земли оставалось право на налог-ренту и высшее распоряжение, вплоть до изъятия земли у *мелькодара*. В зависимости от принадлежности и формы эксплуатации мельки можно

подразделить на феодальные, эксплуатируемые через посредство зависимых крестьян, и на дехканские — владения непосредственных производителей. Выделение мельков произошло в результате распродажи или раздачи ханами государственных земель, распада общинного землевладения, освоения пустошей и т. д.

Факты купли киргизскими феодалами земель у ханов и просьбы о документальном закреплении прежде принадлежавших им земель можно встретить сразу же после подчинения киргизов Коканду. Таковы купля в 1210/1795 г. братьями Дживибаевыми (багыш) в «потомственное владение» обширного массива Джергетал, ханское разрешение земельного спора в 1231/1815—16 г. между киргизскими феодалами Бекназаром Раимбековым и Байбутой Токтамышевым и др.

Одним из источников образования дехканского мелька являлся откуп государственной земли непосредственными производителями. Орошение пустошей, создание ирригационных сооружений требовало больших затрат труда или средств и поэтому было под силу лишь государству, общинам или феодалам, за которыми, соответственно, и закреплялись орошенные земли. Типично в этом отношении образование владения киргизского феодала, *хакима* (правителя) Андижанского вилайета Алимбека-дадхи, «оросившего» в 1859 г. в районе Чин-Абада 5 тыс. кошей (ок. 1600 дес.) государственной земли.

Некоторые земельные акты зафиксировали довольно интересный процесс образования частного землевладения в результате разложения общин. Первой обособлялась «знать», захватывавшая общие земли в частное владение.

Это положение подтверждается документом о выделении из общих земель по арыку Юваш (в р-не Мады) владения киргизского феодала Муллабая Нарботобаева и др.

Ханские пожалования, орошение земель феодалами, выделение из общин, институт купли-продажи земель позволили киргизским и узбекским феодалам сосредоточить в своих руках довольно крупные земельные владения. Достаточно указать, что, например, Алимбек-дадха, считавшийся также «управителем» алайских киргизов, имел только обрабатываемых земель ок. 2 тыс. дес., киргизские феодалы Бекназар Раимбеков и Байбута Токтамышев («вместе с родственниками») имели согласно ханскому документу не менее 20—25 тыс. танапов (примерно 4 тыс. дес.) земли в долине Карван. Об общем размере земельных владений жителя г. Оша Парманкула Агалука можно судить по тому, что в начале XIX в. он имел восемь арыков, только один из которых (пожертвованный в вакф) орошал 1 353 танапа (225 дес.) земли.

Материалы, выявленные нами в архивах, позволяют говорить не только о кочевых скотоводческих общинах, но и о наличии у киргизов земледельческой общины (*джамоат*). Причем, если кочевые общины являлись в большинстве случаев коллективными пользователями государственной территории, то сельские оседлые общины могли выступать и как владельцы собственной земли, то есть существовали не только общины — пользователи амляковых, мильковых или вакфных земель, но и общины, источником владения которых являлось орошение пустошей общими силами, купля земель и возможные ханские раздачи целым коллективам. Такое общинное завладение закреплялось документально и имело право на отчуждение.

Признаком общинного характера землевладения являлись не периодические переделы и уравнильное землепользование, а совместное пользование отдельными земельными угодиями, совместное сооружение и поддержание оросительной системы, правомочность отчуждения общинной земли лишь с согласия всех общинников. Коллективность в пользовании выступала только в отношении пастбищ и выгонов, пахотные земли находились в подворно-участковом пользовании. В литературе с прошлого века до настоящего времени высказывается мнение о существовании периодических переделов общинной земли в зависимости от наличия тяглого скота (*ко-шей*). Большинство же архивных источников утверждает обратное. В частности, М. Н. Николаев, один из первых исследователей земельных отношений местного населения, в 1869 г. отмечал, что «у киргизов бывшей Туркестанской области общинное начало на земли пахотные, орошенные, не распространяется после первого раздела». Видимо, если переделы и имели место, то очень в ограниченном количестве.

В целом община свободно распоряжалась своими землями, вплоть до отчуждения. Так, киргизы рода кара-багыш в 40-х гг. XIX в. продали часть своих земель в районе Джалал-Абада обедневшим киргизам рода тейит, которые перешли к занятию оседлым земледелием. В 1278/1861—62 г. община киргизов рода бостон в местности Куршаб (Андижанский вилайет) двумя документами оформила все свои земли (ок. 500 дес.) в вакф *ханаке* (обители) Ша Рахматуллы Ишана.

Возможность гражданско-правовых сделок на общинную землю, выделение частных владений и отчуждение

земельных участков общинниками совпадало с дифференциацией хозяйств внутри общин и вело к появлению, с одной стороны, крупных землевладельцев и, с другой стороны, безземельных крестьян, пополнявших ряды издольщиков и поденщиков.

Выявленные архивные документы позволяют с достаточным основанием говорить о начале распространения у киргизов института землевладения мусульманского духовенства — *вакфа*. Во время поземельно-податного обследования в Ферганской области было собрано свыше 5,5 тыс. вакфных документов на выделение более 9 тыс. отдельных имуществ. Но администрация к рассмотрению приняла (как «достаточно авторитетные») лишь 600 документов, по которым было выделено примерно 80 тыс. дес. орошаемых земель. Из них на территории Киргизии — ок. 16 тыс. дес. Если принять во внимание количество непризнанных документов (почти 90%), то общее количество вакфной земли было несравненно большим.

Обилие вакфов в Кокандском ханстве объясняется тем, что фонд вакфных земель пополнялся за счет пожертвований всех сословий — от ханов до мелких феодалов, а также за счет крестьян-землевладельцев. Духовенство не останавливалось даже перед насильственным захватом и присоединением земель в вакф.

Во время частых в среднеазиатских ханствах конфискаций и обычного произвола властей вакфное имущество являлось наиболее устойчивым. В связи с этим здесь получил широкое распространение так называемый *вакф-авлод*, когда «жертвователь» оговаривал за собой и своими наследниками право на распоряжение получаемым

с вакфного имущества доходом. Такими вакфами выступают владения влиятельных кокандских сановников киргиз-кыпчака Алимкула (в к. Карасу), киргиза Алимбека (к. Алимбек-Чек), кыпчака Хотамкула (в к. Сузак) и др.

Оформление земель в вакф непосредственными производителями-дехканами (как, например, «пожертвование» киргизов рода бостон) объясняется или их стремлением обеспечить покровительство более сильного сюзерена или указывает на вынужденный характер «пожертвования».

Архивные документы свидетельствуют о наличии довольно многочисленных вакфных участков, находящихся среди земель киргизских кишлаков. В пределах одного к. Кара-Багыш, населенного киргизами тейит и кара-багыш, было четыре вакфных владения. Два из них (5 дес.) закрепил вакфом своей мечети карабагыш Бай Мухаммедбай, один (более 23 дес.) определен Тюрю-хан Тюрей в вакф андижанской мечети своего отца и один участок (3 дес.) был пожертвован киргизом Рахимкулом приходской мечети тейит. В к. Джигда-Могол, основанном киргизами могол и найман, шесть вакфных участков (первоначально ок. 70 дес.) принадлежало узгенскому медресе Араббая, а один (ок. 2 дес.) — школе (*мектеб-хана*) соседнего к. Хан-Абад.

Такова в общем структура землевладения в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Будучи в основе феодальной, она вполне соответствовала интересам господствующего класса, обеспечивая экономически выкачивание прибавочного продукта непосредственных производителей-крестьян, а политически — господство над всей массой трудящегося населения.

Во второй главе рассматриваются формы землепользования кочевого и оседлого населения Южной Киргизии.

Киргизы являлись самым многочисленным кочевым народом Кокандского ханства. Используемые нами данные позволяют предположить, что в Южной Киргизии в момент вхождения в состав России насчитывалось не менее 125 тыс. душ киргизов. Основным занятием киргизского населения являлось экстенсивное скотоводство, но имело место и земледелие, преимущественно поливное.

Главными отраслями скотоводческого хозяйства являлись овцеводство, коневодство и разведение некоторых видов крупного рогатого скота, причем занятие овцеводством преобладало. Скот в течение круглого года находился на подножном корму. Лишь изредка в зимнее время подкармливали верховых лошадей и маточный скот. Кочевание велось по определенным сезонным маршрутам. Пастбищная территория соответственно делилась на два основных вида: летние (*жайлоо*) и зимние (*кыштоо*) пастбища, связывающими звеньями которых выступали весенние (*коктоо*) и осенние (*куздоо*) пастбища. Общее соотношение площади летних и зимних пастбищ в Ферганской области было примерно одинаковым, по статистическим обследованиям начала XX в. — 560 457 кв. верст летних и 551 432 кв. верст зимних. Зимние пастбища, на которых проводилось наиболее трудное для скота время года, обычно были постоянными. В пользовании летними пастбищами наблюдалась сравнительно большая свобода. Характерными в этом отношении являлись высокогорные районы Алая, Памира, Чаткала. Алайскими пастбищами даже в начале XX в. пользовались жители

близлежащих Андижанского, Маргеланского и Ошского уездов, и какие-либо границы, как писал один из поземельно-податных комиссаров, тут трудно определить, ибо «каждый из прибывших в течение лета со своими стадами обойдет долину Алая и ее окрестности». Если летом на Алае собиралось до 15 тыс. хозяйств со скотом в полмиллиона голов, то на зимовках оставалось совсем немного, в окрестностях Дараут-Кургана, к примеру, располагалось лишь до 150 хозяйств найман. Никто из землепользователей алайских пастбищ, по словам поземельно-податного комиссара, «личных прав на землю... не имеет и о праве собственности никто из них не заявлял. За ними право одно: исконное потомственное право пользования по обычаю». Статистические материалы поземельно-податного обследования кочевого киргизского населения подтвердили общность пользования отдельными летними пастбищными массивами самыми различными общинами и родоплеменными группами и не только кочевников, но и жителей оседлых земледельческих районов.

Представлявшие большую ценность зимние пастбища являлись предметом более четкого разграниченного пользования и вкочевывание на чьи-либо обособленные и «освященные давностью» земли было возможно лишь с разрешения данной общины, на договорных условиях. Размер установившихся территорий, которыми пользовались отдельные общины, не стоял в прямой зависимости от величины стада, а определился при первоначальном захвате и закреплении различными родоплеменными группами.

Пользование пастбищами было повсеместно общинным, что утверждают как первые исследователи поземельных отношений в Туркестане М. Н. Николаев и А. И. Гомзин, так и материалы поземельно-податных комиссий. Общинная форма пользования пастбищами, при которой многокотные хозяйства могли использовать пастбища всей общины, была выгодна, в первую очередь, феодальной родоплеменной знати, получавшей большие возможности для увеличения поголовья скота и расширения своих стад за счет малоскотных бедняцких хозяйств. Если взять статистические данные по Наманганскому уезду, то получается следующая картина. При условном принятии хозяйств с количеством скота от 1,5 до 6,6 ед. за бедняцкие (70,8%), от 9,8 до 17,6 ед. за середняцкие (24,1%), от 26,3 до 110,3 ед. за байские (5,1%), на 5279 бедняцких хозяйств (35,7% ед. скота), из нормы 137,4 дес. на хозяйство ¹, приходилось бы 725 334,6 дес., на 1 801 середняцкое хозяйство (39,4% ед. скота) — 247 457,4 дес., на 372 байских хозяйства (24,9% ед. скота) — 51 112,8 дес. Фактически же на долю бедняцких хозяйств по статистическим данным приходилось 366 000 дес., на середняцкие хозяйства — 403 000 дес. и на долю байских хозяйств — 255 137,3 дес.. Выходит, что байские хозяйства пользовались пастбищами других хозяйств в 204 024,5 дес., а у бедняцких хозяйств оставалось излишков в размере 359 334,6 дес., которые могли быть использованы при расширении байских хозяйств. Это тем более являлось

¹ Эта норма — из соотношения всей площади пастбищной территории Наманганского уезда (1 024 127,3 дес.) на количество кочевых хозяйств (7452).

возможным, что регулирование пастбищепользованием находилось в руках феодально-родовой знати в лице баев, биев, аксакалов. К тому же они выступали и в качестве административных чиновников ханства. Все это способствовало возрастанию роли богатой скотовладельческой верхушки в земельных отношениях, углублению внутри айльных общин крестьянской дифференциации, которая шла по линии скотовладения, в то время как в оседлых хозяйствах — по линии индивидуального землевладения и землепользования.

Пользование пахотными, преимущественно орошаемыми землями было повсеместно подворно-участковым. Несмотря на коллективность работ по созданию ирригационной сети, нередко арыки назывались именами баев, захватывавших себе пахотные участки в верховьях и узурпировавших право распределения воды во время полива. Уже первые исследователи земельных отношений местного населения отмечали, что у киргизов «пахотные земли совершенно неправильно захвачены родами биев, манатов и пр., имевших власть издавна, а бедный класс, действительно обрабатывавший земли, не пользуется ими» (М. Н. Николаев). Бедняки-*джатаки*, не имевшие скота и сельскохозяйственных орудий для обработки полей, вынуждены были идти в услужение к баям, обрабатывая на издольных началах (*ортук*) их участки.

Занятие киргизов-скотоводов земледелием, постоянные зимовки и застройки на них позволяют в отдельных случаях говорить о полукочевом ведении хозяйства. В кокандский период можно указать ряд районов земледелия, преобладающим населением в которых являлись киргизы.

Специфической особенностью земледельческого феодального хозяйства в Киргизии, как и в Средней Азии в целом, являлось отсутствие крупного, основанного на барщине, господского хозяйства. В Кокандском ханстве соединение крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием нашло выражение в широко распространенной *чековой* (надельной) форме землепользования. В литературе чеками принято называть участки общинной земли, перераспределяемые периодически соответственно выставленным хозяйством пар волов (*кошей*). Выявленные архивные материалы позволяют рассматривать *чек* (*чак*) в первую очередь как земельный надел, выдаваемый государством или феодалом на определенных условиях крестьянину для обработки. К чековой системе при организации своих владений прибегли известные кокандские сановники Алимбек-дадха, Хотамкул, Мусульманкул и др. Чековая форма землепользования давала возможность феодалу, обеспеченному постоянной рентой с крестьян своих владений, не вести собственного господского хозяйства.

В оседло-земледельческих кишлаках существовала в основном индивидуальная форма пользования пахотными землями и общая выгонами, пастбищами, зарослями кустарников и лесами. Следует отметить, что если землепользование зажиточных хозяйств складывалось из элементов купчей, надельной и арендованной земли, то обездоленные крестьяне-бедняки обычно прибегали к издольной аренде. В отдельных районах, ограниченных водными ресурсами, крестьяне, получая в издольную аренду землю, должны были вносить дополнительную плату за право пользования оросительной водой. Право

водопользования оговаривалось особыми документами.

В *главе третьей* «Основные формы эксплуатации» в первой части анализируются государственные поземельные налоги и во второй — другие формы феодальной эксплуатации.

В Южной Киргизии в годы зависимости от Коканда верховным собственником земли являлось государство как представитель всего класса феодалов. В основе феодальных производственных отношений как в оседло-земледельческих, так и в кочевых скотоводческих районах лежала собственность на землю. Владевший землей имел экономическое и политическое господство. Экономической формой реализации права собственности являлись обложение трудящихся налогами и всевозможными повинностями, земельная рента. Владение землей было главным средством эксплуатации, и земельная рента — основной формой присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя. Соотношение между рентой государству — налогом и долей ренты в пользу землевладельца определялось видами землевладения и условиями землепользования, наличием у феодала полного или частичного налогового иммунитета. С амляковых земель рента полностью присваивалась государством, а с частновладельческих, общинных и вакфных частично уступалась государством, землевладельцу.

Ведущей формой ренты являлась рента продуктами, которая «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II, С. 359-360.

В кочевых районах Киргизии имела место и отработочная рента, нередко маскировавшаяся пережитками патриархальных отношений и «родовой взаимопомощи». Отработочная рента в форме *ашара* наблюдалась и в оседло-земледельческих районах. С середины XIX в. практикуется и рента деньгами, как превращенная форма натуральной ренты, уже свидетельствующая о проникновении капиталистического влияния и зарождении товарно-денежных отношений. Однако следует отметить, что если для земледельческих районов Ферганы переход от натуральной ренты к денежной являлся признаком определенных социально-экономических сдвигов, то у кочевников это пока не оказывало существенного влияния на экономику и вело лишь к усилению налогового гнета.

В Южной Киргизии, как составной части Кокандского ханства, было большое количество налогов и повинностей, самыми тяжелыми из которых являлись поземельные. В диссертации рассматриваются поземельные налоги *харадж* и *ушр*, взимавшиеся с валового дохода урожая полевых культур, *танабана* — налог с огородных и садовых культур по занятой площади. Если хараджные списки (*дафтары*) велись ежегодно, то танапные составлялись один раз в три года. Наиболее обременительным налогом с кочевников был *зякет*. Несмотря на теоретическую регламентацию размеров зякета, который мусульманским законодательством определялся в 1/40 часть скота, сбор его отличался полной бесконтрольностью и произволом чиновников. По словам современников, «сбор этой подати сопряжен в Коканде с столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдадут ежегодно

двадцатой части стад своих». Неупорядоченности сбора налогов способствовала и широко распространенная система их откупов (*иджара*). Однако в последние годы ханства кокандское правительство, в стремлении привлечь киргизских феодалов на свою сторону, несколько изменило метод взыскания зякета, в отдельных случаях перепоручая его местной феодально-родовой знати, одновременно освобождая отдельных ее представителей (как, например, багыша Сарымсак-дадху) от налогов. При новой практике налогообложения киргизские феодалы иногда вносили подать сразу за всю подвластную группу, а затем произвольно взыскивали ее в двух- и трехкратном размере с подчиненной букары. Таким образом налог-рента государству поступал не непосредственно от производителей, а через феодалов, которые присваивали немалую часть собранного. Кроме названных основных налогов, в Кокандском ханстве существовало еще много других податей и повинностей, таких как *панджйак* — налог с зарослей колючки (топлива), *хан-салык*, *тютун-пуля* — денежный сбор с каждого двора, *ника-хана* — свадебная пошлина, *тарикана* — пошлина за раздел наследства, *доругаги* — налог на содержание местных правителей и др. В отдельных районах существовала особая плата за пользование оросительной водой — *хаки-оби*. По меткому замечанию туркестанского ориенталиста А. Л. Куна, в последние годы ханства налоговая система была так изощренно развита, что «оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего».

Налоговой гнет ложился тяжелым бременем на плечи трудящихся, непосредственных производителей-крестьян.

Феодалы, сами принимавшие участие в эксплуатации, пользовались всевозможными льготами, о чем, в частности, свидетельствует сохранение института *тарханства* (налогового иммунитета).

Списки освобожденных от налогов лиц — *дафтари-тархани*, сохранившиеся частично в архиве кокандских ханов, — доказательство тому, что светские и духовные феодалы пользовались налоговым иммунитетом. Обеление частных владений феодалов, образование земель *мильки хурри холис*, производилось специальными ханскими грамотами — *инаят-наме*, *мубарак-наме*, *патта*, которые имели силу лишь на срок, указанный в документе, и требовали подтверждения каждого нового правителя. Установившееся в литературе мнение, что все вакфы не облагались налогами, не подтверждается нашими материалами. Обеление вакфов, так же как и частных владений, требовало правительственного утверждения. Практически только часть вакфов пользовалась налоговым иммунитетом (*ак-вакф*), имели место частично обеленные (напр., *вакф-кадресе*) и даже облагаемые всеми налогами вакфы (*кара-вакф*).

Соотношение доли ренты, уступаемой государством феодалу и получаемой в казну, было различно в каждом отдельном случае. Из сравнения среднеазиатских документальных источников можно вывести средний размер ренты (включая и налог), определявшийся примерно в 1/3 валового урожая или от 2/3 до 3/4 стоимости земли. Так, купля у государства земельного владения и возвращение в казну 2/3 (или 3/4) земли давали право на обеление оставшейся части, которая становилась *замини милки хур-*

ри холис. Государство как бы вперед взимало все подати и выдавало свидетельство о полной собственности на землю. Жители к. Гург-тепа откупили за определенную сумму (58 тилла) у государства земли во владение (*мильк*). Если прежде они выплачивали государству налог-ренту в размере 1/3 урожая, то после купли стали платить лишь 1/5 часть с урожая, в качестве налога. В результате часть ренты присваивало государство (как налог), а другую часть — землевладелец. Это объясняет и факт, почему в качестве пожалований ханы могли превращать в танхо или жертвовать в вакф не только государственные, но и частновладельческие и общинные земли. Фактически государство переуступало в таком случае свою долю ренты (часть или весь налог).

В налоговых дафтарах велись отдельные записи по государственным, «удельным» и частновладельческим землям. В них фиксировался размер хараджа, плата с крестьян за пользование землей — рента (*ир-хаки, замин-хаки*), сведения об отработках — *ашар* на государственных и ханских землях.

Наследственно пользовавшиеся различными категориями земель непосредственные производители (*каранда*) выплачивали одинаковую ренту. Меньше платили лишь те крестьяне (*дехкане*), которые сами выступали землевладельцами (частными или общинными). Самая большая рента взималась с краткосрочных арендаторов — издольщиков (*нимкора, чайри-кер*). Условия краткосрочной аренды были наиболее кабальными. Если производитель имел свой скот, семена и арендовал только земельный участок, он выплачивал до половины урожая. Если бедняк помимо

земли вынужден был пользоваться не своими семенами, тягловым скотом и орудиями труда (т. е. выступать фактически наемным работником), он отдавал до 4/5 урожая. Расчет с землевладельцем происходил уже после выделения доли государству — налога.

В последние годы Кокандского ханства ханы наиболее ценные пастбища и выгоны стремятся сделать дополнительным источником дохода, объявляя их «заповедными» — *курук*. С кочевников, пригонявших зимовать скот на земли, ставшие «заповедными» (*курук*), взималась дополнительная, арендная плата.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие пережитков патриархально-родового быта у кочевников придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации. Киргизская феодально-родовая знать не нуждалась в юридическом закреплении привилегий, она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе неcodифицированной традиции. «При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное отношение и соответствующий ему способ производства, — писал К. Маркс о феодализме, — традиция должна играть преобладающую роль»¹. В определенной мере это было характерно и для киргизов. Подати и повинности, будучи для киргизской бедноты фактически обязательными, иногда внешне казались «добровольными». Основная масса кочевников, обладавшая хозяйственной самостоятельностью, несла трудовую повинность в пользу своих феодалов участвуя в пастьбе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. II, С. 356.

скота и уходе за их хозяйством. Обедневшим бесскотным или малоскотным хозяйствам феодалы предоставляли во временное пользование скот при условии возвращения его через определенное время с приплодом. Такой вид оказания «взаимопомощи» — *саан* всегда был связан с обязательной работой бедняка на бая. В основном в пользу феодалов шли такие поземельные сборы как *туякат*, *чоп ооз*, взимаемые с каждого «чужеродца»-скотовладельца за пользование пастбищами данного общинно-родового объединения. Одной из доходных статей феодалов служили различные подношения, известные под названием *союш*, *чыгым*, *салык* и др. *Ашар* — старый обычай добровольной взаимопомощи нередко использовался феодалами в качестве отработочной ренты.

Некодифицированные и нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались своего рода нерегламентированной рентой и довольно болезненной для рядового кочевника. Положение трудящихся масс усугублялось тем, что киргизские феодалы, являясь административными чиновниками хана, взыскивая различные государственные сборы, применяли обман и произвольно увеличивали размеры налогов.

Во второй половине XIX в. усиливается процесс имущественного и классового расслоения крестьянства в аилах и кишлаках. Выделение богатых хозяйств, с одной стороны, и пауперизация крестьянства, с другой, ведут, наряду с продолжавшейся практикой сдачи земель в издольную аренду, к применению наемного труда батраков, поденных и сезонных рабочих. Намечаются элементы развития отходничества. Однако рабочая сила отходников не всег-

да становилась товаром. Большинство из разорившихся крестьян всеми силами стремится вновь соединиться с землей, соглашаясь на кабальные условия издольной аренды. Крайне незначительный удельный вес хозяйств с применением наемного труда свидетельствует об абсолютном преобладании еще старых производственных отношений и методов эксплуатации.

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты. Ответом на экономический, политический и национальный гнет кокандских феодалов были вооруженные восстания, в которых, наряду с киргизским населением, принимали участие узбекские и казахские трудящиеся, что привело в известной мере к ослаблению Кокандского ханства и способствовало, в конечном итоге, его ликвидации.

Вхождение Киргизии в состав России повлекло за собой разрушение отсталых форм натурального хозяйства под воздействием более передовой экономики России, способствовало вовлечению края в орбиту капиталистического развития.

В *выводах*, завершающих исследование, в тезисном порядке приводятся основные положения, к которым пришел диссертант.

Основное содержание диссертации опубликовано в брошюре «Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России». Изд-во «Илим». Фрунзе, 1965. 4 п. л.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

На правах рукописи

ПЛОСКИХ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

**(Проблема политических и социально-экономических
взаимоотношений во второй пол. XVIII — 70-х гг. XIX в.)**

Специальность 07.00.02 — История СССР

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва — 1978

◀ 330 ▶

Работа выполнена в Институте истории Академии наук Киргизской ССР

Официальные оппоненты:

Академик **Нарочницкий А. Л.**, доктор исторических наук **Жданко Т. А.**, доктор исторических наук **Сушанло М. Я.**

Ведущее учреждение — Институт востоковедения АН СССР.

Защита диссертации состоится « » 1978 г. в часов на заседании Специализированного совета Д.002.33.02 по истории СССР дооктябрьского периода по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории СССР АН СССР.

Адрес: 117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Научного кабинета Института истории СССР АН СССР.

Отзывы просьба направлять по адресу: 117036. Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Специализированный совет по истории СССР дооктябрьского периода.

Автореферат разослан « » 1978 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
доктор исторических наук *Я. Н. Щанов*

Проблема политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства недостаточно разработана в советской историографии. Ее некоторые важные аспекты нуждаются в глубоком исследовании, уточнении и критическом переосмыслении. До недавнего времени при изучении истории Средней Азии XXIII—XIX вв. основное внимание уделялось историческим событиям, ограниченным современными административно-политическими рамками национальных республик. Коллективная работа над обобщающей историей Среднеазиатско-Казахстанского региона способствует выявлению ряда нерешенных проблем и дискуссионных вопросов. Одной из них является проблема политических и социально-экономических взаимосвязей между народами. Это относится также к истории Кокандского ханства и связанного с ним на протяжении целого столетия киргизского народа.

Несмотря на бесспорные достижения советской исторической науки в последние годы, многие вопросы истории Киргизии нуждаются еще в дополнительном исследовании, уточнении и критическом разборе¹. Поставленная XVI съездом Компартии Киргизии (январь 1976 г.) задача дальнейшего усиления разработки актуальных проблем общественных наук в республике, уровень развития которых все еще не отвечает требованиям современности,

¹ См.: *Каракеев К. К.* Киргизия. В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975. С. 414—422; *Лахилейгер Г. Ф.* Проблемы развития исторической науки в Казахстане и Средней Азии на современном этапе // Изв. АН Казах. ССР. Серия обществ. Наук. 1975. № 6. С. 3—15.

в полной мере и в первую очередь относится к представителям исторической науки Киргизстана ¹.

В предлагаемой диссертации на основе комплексного использования материалов оригинальных источников, новых архивных документов исследуется проблема политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, влияние внешнеполитического фактора на развитие киргизского народа в период отражения цинской агрессии, зависимости от Кокандского ханства и добровольного вхождения в состав России.

Актуальность темы заключается в выявлении глубоких корней дружбы и классовой солидарности трудящихся узбеков, таджиков и киргизов в совместных выступлениях против ханско-феодалного гнета, предпосылок добровольного вхождения Киргизии в состав России. Важность избранной темы определяется исследованием процессов, сблизивших народы Средней Азии в их историческом развитии, необходимостью усиления внимания к историческим связям народов Советского Союза в целом. Эти вопросы имеют кардинальное значение. Они вытекают из требований к исторической науке, выдвинутых XXV съездом КПСС и заключающихся в дальнейшем расширении и углублении исследований всего многообразия исторического процесса, важнейших проблем отечественной истории, диктуются требованиями бескомпромиссной идеологической борьбы с буржуазными, ревизионистскими и прочими фальсификациями исторического прошлого народов СССР.

¹ *Усубалиев Т. У.* Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Киргизии XVI съезду Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1976. С. 41.

История взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства дает возможность более полно выявить вопрос об истоках дружбы и классовой солидарности трудящихся киргизов и узбеков. Политика ханов, феодалов, манапов-родоправителей была направлена на разъединение народов и усиление их эксплуатации. Но хозяйственные контакты и взаимообмен производимыми продуктами, стихийный протест и открытые восстания, совместные выступления трудящихся в борьбе против ханско-феодалного гнета способствовали установлению взаимопонимания и сотрудничества различных народов и этнических групп, объединению угнетенных масс в их общей борьбе против всех видов эксплуатации — исходила ли она от ханов и их чиновников, или от «своих» феодалов, бай-манапов.

Автор ставит *задачу* всесторонне и по-новому исследовать вопросы, связанные с киргизско-кокандскими отношениями с середины XVIII в. до конца 70-х годов XIX в.

В диссертации всесторонне рассмотрены ход и особенности завоевательной политики кокандских ханов на территории Киргизии.

Освещаются ход освободительной борьбы киргизов и узбеков против цинской агрессии, отстаивание ими своей независимости от маньчжуро-цинских феодалов. Разоблачается тенденциозность и фальсификация китайской национал-шовинистической доктрины территориальных притязаний на земли народов Средней Азии.

Впервые исследуется процесс подчинения киргизов административно-политической системе Кокандского ханства, вскрываются основы местного «самоуправления» родоплеменных биев и манапов, выясняется актив-

ная роль киргизской феодальной знати в политической жизни ханства.

В новом аспекте рассматривается строительство и назначение кокандских крепостей — с одной стороны, как оплота ханско-феодального гнета, с другой, — как пограничных форпостов, преграждавших путь маньчжуро-цинским завоевателям.

На вновь выявленных документальных первоисточниках в работе анализируются социально-экономическое положение киргизов и угнетательская сущность Кокандского ханства, его налоговая система, а также другие формы эксплуатации трудящихся. Вскрывается несостоятельность буржуазных теорий социальной однородности и бесклассовости киргизского общества XVIII—XIX веков.

Подробно рассматриваются киргизско-узбекские хозяйственные связи: раскрыто влияние на развитие киргизского хозяйства узбекских тружеников — мастеров поливного земледелия, полеводов и садоводов, умельцев гончарного и других видов ремесленного производства; показано, что обмен и торговые контакты, взаимодействие между земледельцами-узбеками и скотоводами-киргизами способствовали в определенной степени выравниванию уровней их хозяйственного развития. Выдвигается положение о переходе, начиная с XVIII столетия, части киргизского населения к земледелию, а также о полукочевом характере хозяйства киргизских животноводов в южных районах края. Вопреки утверждениям буржуазной историографии о якобы извечной вражде между кочевниками и оседлыми народами в диссертации вскрывается взаимосвязь кочевого и оседлого населения ханства, роль скотоводства и земледелия в его экономике.

Обосновывается вывод о господстве в Киргизии XVIII—XIX вв. феодальных социально-экономических отношений, появлении под влиянием Кокандского ханства новых феодальных институтов. На основе анализа выявленных документов утверждается, что в Киргизии в этот период получили более широкое, чем ранее, распространение некоторые социально-экономические категории, такие как мильк — частное землевладение, а другие — впервые появились у киргизов, например, вакф — феодальное мусульманское землевладение, отмечено проникновение в среду киргизской знати института тарханства — налогового иммунитета феодалов за услуги перед ханами и пр.

И, наконец, впервые предпринята попытка по-новому рассмотреть этапы народно-освободительной борьбы киргизского народа против ханского гнета, формы ее слияния с классовой борьбой трудящихся масс, в которой, помимо киргизских, принимали участие узбекские и таджикские труженики. В то же время показывается, что, несмотря на ряд временных успехов, стихийные неорганизованные и локальные выступления трудящихся не могли привести к победе народа, уничтожению налогового гнета и ханско-феодального деспотизма. Выход из создавшегося положения заключался в сближении с более передовым государством — Россией, в союзе киргизских трудящихся с русским народом.

Весь комплекс исследованных вопросов приводит нас к выводу, что завоевание Кокандом Киргизии затормозило ее вхождение в состав России и тем самым задержало социально-экономическое развитие киргизского народа. Падение Кокандского ханства, проводившего политику угнетения своего и соседних народов, было вызвано вну-

тренними причинами социально-экономического и политического характера, в результате массового национально-освободительного движения киргизских трудящихся, поддержанных узбекскими и таджикскими тружениками Ферганы. Но определенную роль в этом сыграло и добровольное вхождение Киргизии в состав России.

Методологической основой диссертационной работы послужили труды классиков марксизма-ленинизма, имеющие ключевое значение для понимания общеисторического процесса развития и специфических черт общественно-экономических отношений в странах Востока.

При этом можно выделить три главных направления в трудах классиков марксизма-ленинизма, которые имеют основополагающее методологическое значение: во-первых, характеристика специфических и общих черт исторического развития стран Востока; во-вторых, разработка учения о докапиталистических формациях; в-третьих, оценка роли России в истории стран Востока.

Историография проблемы. Литературу дореволюционного периода можно разделить на три группы: а) русскую литературу, б) зарубежные публикации и в) сочинения среднеазиатских авторов.

Ранние известия о расселении и хозяйстве киргизов, о завоевательных походах Коканда связаны с именами русских ученых и путешественников П. Н. Рычкова, Ф. Ефремова, И. Г. Андреева и Ф. К. Зибберштейна. В 1851 г. в «Записках РГО» публикуется большая энциклопедическая статья ¹ о киргизах с данными об общественном

¹ В результате архивных поисков и сопоставления ряда материалов мы пришли к заключению, что автором статьи был переводчик «при

строе, экономике, политических отношениях киргизов с Кокандским ханством, о мощном антикокандском восстании в Прииссыккулье в 1842 году. Во второй половине XIX в. появляются описания путешествий П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, А. П. Федченко, Н. А. Северцова, А. Л. Куна и др. Все они затрагивали отдельные стороны положения киргизов и состояния Кокандского ханства в то время, но не давали общей картины истории киргизов и Кокандского ханства, их взаимоотношений.

Первая специальная работа «Краткая история Кокандского Ханства» В. П. Наливкина вышла в Казани в 1886 г. Книга написана по среднеазиатским нарративным источникам с привлечением отдельных документов и народных преданий и посвящена, в основном, политической истории ханства. В ней нашло отражение участие киргизов во внутренней жизни ханства и многочисленных антикокандских восстаниях. Но в работе очень мало уделено внимания социально-экономическим вопросам. Некритически следуя за нарративными источниками, нередко не называя их, В. П. Наливкин отступал от требований, предъявляемых к научным публикациям даже своего времени. Но в целом работа была положительно оценена общественностью. Книга (и на сегодняшний день единственная по истории Кокандского ханства в целом) до сих пор продолжает сохранять важное значение как ценный свод сведений из среднеазиатских рукописных источников.

В 1893 г. появился труд по истории Киргизии с древнейших времен до конца XIX в., задуманный как дополнение

начальнике Алатавского округа и киргизов Большой Орды (казахов)» И. Бардашев.

к «Землеведению Азии» К. Риттера, который был написан Н. А. Аристовым. Это — сводная работа по политической истории киргизов, несколько глав которой посвящено положению Киргизии в период господства Кокандского ханства. К сожалению, для Н. А. Аристова, как и В. П. Наливкина, был характерен описательный, а не аналитический подход к использованию источников. Именно за это рукопись подверг серьезной критике Н. И. Веселовский, что послужило препятствием к ее публикации¹. При всем этом, однако, работа Н. А. Аристова имела и положительные моменты: автор выдвинул свою гипотезу этногенеза киргизского народа, наметил периодизацию истории Киргизии, принятую в основном и В. В. Бартольдом, рассмотрел роль киргизов в политической жизни Кокандского ханства и Восточного Туркестана. Но в целом Н. А. Аристов не сумел подняться до критического осмысливания многочисленных источников, что значительно снижает ценность его рукописи.

Наряду с трудами, вызванными научными интересами общества, в конце XIX — начале XX вв. появляется серия работ по истории Туркестана, в том числе по истории Киргизии, в которых отразились колониальные цели царизма и туркестанской администрации. В числе таких работ можно отметить книги М. А. Терентьева, Л. Ф. Костенко, К. П. Кауфмана, А. К. Гейнса и др. В этих трудах явно недооценивалась история «инородцев». Положение о родовом строе у киргизов и других кочевых народов Туркестана принималось как бесспорное.

¹ Рукопись Н. А. Аристова под названием "Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргызы", (Ч. 1—2. СПб., 1893) находится в Архиве ГО СССР.

Публикации зарубежных авторов были обычно связаны с поисками английского империализма в Средней Азии и Восточном Туркестане. Но отдельные работы среди них заслуживают внимания, такие как американского путешественника Юджина Скайлера с кратким очерком истории Коканда; англичанина Чарльза Боулджера, посвященная жизнеописанию восточно-туркестанского бадаулета Якуббека; книги Роберта Шоу, Генри Раулинсона, Ф. Скрайна и Э. Росса. Задачу раскрыть для английского читателя характер политических отношений России со среднеазиатскими ханствами и положение Восточного Туркестана ставила публикация Джона и Роберта Митчел. При критическом подходе подобные работы помогают лучше ощутить ту атмосферу внешнеполитической напряженности в Средней Азии, на фоне которой развивались киргизско-кокандские взаимоотношения.

В определенной степени пытались осмыслить исторический процесс и дореволюционные среднеазиатские авторы, сочинения которых ходили в рукописных списках. Как правило, они отражали идеологию придворных феодальных кругов, грабительские устремления и завоевательную политику ханов оправдывали «законом миродержания и царственного поведения» (Тухфат ат-таварих-и хани, л.59). В 1885 г. Н. Пантуоов издает в оригинале одно из наиболее известных кокандских сочинений Муллы Нияза «Тарихи Шахрохи» (написанное в 1871 г.). История Кокандского ханства в нем предстает как цепь дворцовых переворотов и войн с соседями, много внимания уделяется выступлениям киргизов и кыпчаков против кокандских ханов.

К подобным сочинениям относятся и рукописи Мирзы Каландара «Шах-наме» (или «Тарихи Омар-хани»), Мухаммеда Хаким-хана «Мунтахаб ат-Таварих» (извлечения из которых опубликованы уже в наше время В. А. Ромодины); книга Мирзы Абдалазима Сами «Тарих-и салатин-и Мангитина» (М., 1962), сочинения Муллы Авваза «Тарих-и джахан-Нуман» и Абу Убайдуллы «Хуласат ал-ахвал» (описанные и изданные в извлечениях Н. Набиевым, А. Урунбаевым и А. Мухтаровым), а также «Тухфат ат-таварих-и хани» (рукоп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № С-440). Эти нарративные сочинения важны для характеристики внутреннего и внешнеполитического положения в ханстве, определения роли в нем киргизов.

Своеобразны по форме и содержанию произведения киргизского поэта XIX в. Молдо Нияза. В двух рукописных книгах его санат (рукоп. фонды АН Киргиз. ССР, инв. № 1732 и 5072), обнаруженных лишь в 1950-х годах, можно выделить сюжеты, бичующие социальную несправедливость, отражающие положение и роль киргизских феодалов в истории Коканда и др. Молдо Нияз, будучи по своей сути гуманистом, не сумел подняться до обобщения фактов. События он излагает так, как их воспринимал — несколько наивно и субъективно в силу ограниченности своего мировоззрения, идеализируя отдельных феодалов. Его исторические сведения более скудны, чем в аналогичных кокандских нарративных источниках. Но их особая ценность заключается в другом: это одно из немногих исторических полотен, нарисованных представителем киргизского народа о современном ему кокандском периоде истории Киргизии.

Выразителем реакционной идеологии пантюркизма, бай-манапства и нарождавшихся буржуазно-националистических элементов был воспитанник новометодной школы Осмоналы Сыдыков. В основу его книг («Мухтаси тарихи Киргизия», Уфа, 1913; «Тарихи киргиз шадмания», Уфа, 1914) были положены устные родословные предания и жизнеописания манапов. В них нашли отражение и исторические события Киргизии во взаимосвязи с историей Кокандского ханства, но сквозь призму деяний крупных киргизских феодалов. Автор исходил из принципа традиционного родоплеменного деления киргизов, утверждения бесклассовости их общества, идеализации «тюркоязычного родства».

Анализ дореволюционной литературы показывает, что она весьма невелика и представляет интерес скорее в источниковедческом плане, в аспекте выявления определенных фактов.

Советская историография, восприняв все лучшее, что было достигнуто дореволюционными исследователями, на базе марксистско-ленинской методологии создала подлинно научную историю народов Средней Азии. В советской среднеазиатской историографии можно выделить три этапа: первый — 20—30-е годы, второй — 40—50-е годы и третий — с 60-х годов.

Первоначальное изучение общественных отношений у народов Средней Азии, в том числе киргизов и узбеков, вытекало из конкретных задач социально-экономических преобразований. Предпринимается попытка по-новому осмыслить былое родоплеменное деление и патриархально-феодальные отношения местных народов, унаследо-

ванные от прошлого, экономическую отсталость, консервативные формы быта. Первые авторы социологических и хозяйственных обследований еще сами не всегда представляли в полном объеме сложности исторического процесса, не владели в должной мере методологической основой марксизма-ленинизма; экскурсы в дореволюционное прошлое, особенно такое отдаленное, как кокандский период, проводили на сравнительно бедном фактическом материале. Из этого вытекали и противоречивые оценки политического, общественно-экономического развития киргизского и узбекского народов в прошлом, ошибки и неточности (Т. Рыскулов, П. П. Кушнер, П. Погорельский и В. Батраков).

В ходе дискуссии 30-х годов «об азиатском способе производства», переросшей в общеметодологическую дискуссию о социально-экономических формациях, утвердилось положение об общественном строе стран среднеазиатского Востока как феодальном. Правда, иногда при этом высказывались и крайне бездоказательные суждения. Без достаточной источниковедческой базы предпринимается попытка выявить феодальные формы земельной собственности в кочевых обществах, даже обосновать тезис о наличии у киргизов в кокандский период крупных помещичьих хозяйств барщинного типа ¹.

В конце 30-х годов к теме Кокандского ханства и истории его взаимоотношений с соседними народами обращается

¹ См.: Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых обществах. В кн.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.-Л., 1934 (Изв. ГАИМК, вып. 103). С. 190.

П. П. Иванов¹. Его книга (подготовленная в 1938—41 гг., но опубликованная позже) ставит вопрос о взаимоотношении киргизов с Кокандским ханством, хотя, ввиду недостаточности материалов и краткости изложения, они не нашли должного решения. Архив кокандских ханов был еще не выявлен, другими архивными документами автор не располагал и ограничился по преимуществу нарративными источниками. В связи с этим в книге нечетко сформулировано положение о развитии феодализма, формах земельной собственности и феодальной эксплуатации, зависимости дехканства.

Оценивая в общем историографию 20—30-х годов, можно заключить: в литературе утвердилась марксистско-ленинская концепция общественно-экономических формаций, наметились аспекты изучения политического и социального развития народов Средней Азии в прошлом.

В 40—50-х годах выходит в свет ряд работ по отдельным конкретным вопросам политической истории и социально-экономических отношений киргизов XIX в. (С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов, А. Н. Бернштам, С. И. Ильясов, А. Х. Хасанов), появляются статьи по истории Кокандского ханства (Р. Н. Набиев, В. А. Ромодин, А. Урунбаев, А. Е. Маджи, А. О. Мухтаров). А. Л. Троицкой обнаружен архив кокандских ханов, по материалам которого публикуются ее первые статьи. Шел ускоренный процесс накопления источников и введения их в научный оборот.

¹ *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в нач. XIX в.). Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. VII. М., 1939; *Он же.* Очерки по истории Средней Азии (XVI—сер. XIX вв.). М., 1958.

Важное значение для определения общественного строя Киргизии кокандского периода, характеристики патриархально-феодальных отношений имела Ташкентская объединенная научная сессия 1954 года. Ее участники отвергли теорию особого пути развития кочевых народов и пришли к заключению, что при всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов сущность этих отношений была феодальной, как и у оседло-земледельческих народов в их основе лежала феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты ¹.

Количественное накопление материалов позволило с 60-х годов киргизским и узбекским историкам перейти к монографическому оформлению проведенных исследований. Появляются книги К. У. Усенбаева, А. Х. Хасанова, К. И. Петрова, М. А. Айтбаева, С. И. Ильясова, Б. Д. Джамгерчинова, С. М. Абрамзона по истории Киргизии XVIII—XIX вв. ²; исследования Н. А. Халфина, Х. З. Зияева,

¹ Материалы объединены научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 581.

² *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; *Он же.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961; *Хасанов А. Х.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX в. Фрунзе, 1961; *Его же.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977; *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV-XVIII вв. Фрунзе, 1961; *Айтбаев М.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и нач. XX вв. Фрунзе, 1962; *Ильясов С. И.* Земельные отношения

Р. Н. Набиева, Ю. А. Соколова, А. Л. Троицкой по отдельным вопросам истории Узбекистана (в том числе Кокандского ханства) ¹; публикуются работы с привлечением новых источников по истории взаимоотношений народов Средней Азии и Восточного Туркестана (Б. П. Гуревич, В. С. Кузнецов, К. Ш. Хафизова) ².

И, наконец, в 1968 г. выходят новые издания «Истории Киргизской ССР» (в 2-х томах, 3-х книгах) и «Истории Узбекской ССР» (в 4-х томах), которые подвели итоги всем предшествующим исследованиям, тем самым определив разработанные темы и те, которые еще предстояло изучить. Надо сказать, что если разработка многих сю-

в Киргизии в конце XIX—нач. XX вв. Фрунзе, 1963; *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; *Он же.* Очерк политической истории Киргизии XIX в. (первая половина). Фрунзе, 1966; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

¹ *Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии (1857—1863). М., 1960; *Он же.* Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965; *Он же.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974; *Зияев Х.* Урта Осиё ва Сибирь (XVI—XIX арслар). Тошкент, 1962; *Набиев Р.Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1967; *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965; *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.

² *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России // «История СССР». 1973. № 2; *Он же.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв. // «Вопросы истории». 1974. № 9; *Кузнецов В. С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973; *Хафизова К. Ш.* Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. / В кн.: История и культура Китая. М., 1974.

жетов истории киргизского и узбекского народов XIX в. существенно продвинулась вперед, то вопросы истории XVIII в. и истории Кокандского ханства в целом продолжали оставаться наименее освещенными ¹.

Каковы же в итоге результаты исследований 60—70-х годов? В эти годы окончательно сформулирована и определена характеристика феодального общественного строя киргизов, которым были присущи патриархально-феодальные отношения, когда феодальные отношения переплетались с остатками и пережитками дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений.

В целом киргизской историографией достигнуты важные результаты, получили верное отражение узловые аспекты истории Киргизии в период господства Кокандского ханства, в том числе социально-экономических отношений, налогового гнета, хода восстания 1873—1876 гг. и последовавшего за этим присоединения Кокандского ханства к России. Но всем им присуща общая характерная особенность: недостаточное внимание к внешнеполитическим связям киргизов, раскрытию дружеских хозяйственных взаимоотношений земледельческого узбекско-таджикского и скотоводческого киргизско-казахского населения в рамках Кокандского ханства, временами искусственное

¹ В 1960-х годах над проблемой начал работать и автор диссертации, опубликовав несколько книг: *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965; *Он же.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968; *Он же.* Первые киргизско-русские посольские связи 1784-1827 гг.). Фрунзе, 1970; *Он же.* У истоков дружбы. Фрунзе, 1972; *Он же.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.

разделение истории отдельных частей Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, некогда регионально объединенных в границах одного Кокандского ханства, и вытекающее из этого слабое внимание сюжетам исторической общности судеб народов Средней Азии и Казахстана, всему тому, что их объединяло в историческом процессе.

Каждая из опубликованных работ в достаточной степени решала свою задачу, отвечала на поставленные вопросы. Но, поскольку ни одна из них не ставила цель непосредственного исследования киргизско-кокандских взаимоотношений, естественно, имели место нерешенные, только затронутые вопросы, спорные и противоречивые тезисы. Поэтому мы пытались акцентировать внимание именно на этих положениях. Так, вне поля зрения историков осталась проблема в целом, в связи с этим нуждается в оценке и общая внешнеполитическая роль ханства, продолжает оставаться нераскрытым характер кокандской колонизации завоеванных соседних территорий, требуют особого исследования социально-экономическая структура ханства как феодального государства, особенности внутриклассовой борьбы и специфика народно-освободительных движений.

До сих пор нет в литературе устоявшегося твердого мнения в отношении антикокандского восстания 1873—1876 гг. и его предводителя Исхака Муллы Хасан-оглы. Первоначально исследователи (С. Павлов, М. Рабинович ¹)

¹ Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание 1875—1876 гг. // «Борьба классов», 1936, № 4.

оценивали движение как народно-освободительное, а его предводителя как национального героя, выразителя интересов народных масс. Другие ученые (А. В. Пясковский, отчасти К. У. Усенбаев ¹) последний этап восстания — 1875—1876 гг. признавали реакционным, а его предводителя — авантюристом, реакционером, стремившимся к возврату феодально-ханских порядков. В последней книге А. Х. Хасанова восстание также подразделяется на два этапа, но автор уже склонен и второй этап считать прогрессивным. Если первый этап он характеризует как «антифеодальный, народно-освободительный», то второй — как «антифеодальный, антиколониальный» ². По нашему мнению, верный подход к оценке восстания 1870-х гг. (как народного движения) предпринят узбекскими историками ³, но он недостаточно всесторонне аргументирован.

До последнего времени уделялось недостаточно внимания вопросам киргизско-китайских взаимоотношений и участию Кокандского ханства в политических событиях Восточного Туркестана. Имевший место не критический подход к китайским источникам, особенно в оценке положения киргизов во второй пол. XVIII — сер. XIX вв., привел к ряду искажений, нашедших отражение даже на страницах таких обобщающих работ, как «Всемирная

¹ *Пясковский А. В.* О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. // Труды ИЯЛИ Кирг. ФАНа СССР, вып. IV. Фрунзе, 1954; *Усенбаев К. У.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

² *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. С. 61,91.

³ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С.29-38.

история» (т. V), «История Киргизии» (1-е и 2-е издания). Они были исправлены в третьем издании «Истории Киргизской ССР» (1968 г.). Отдельные вопросы отношений киргизов с Китаем находят правильное освещение в работах Б. П. Гуревича, М. И. Сладковского, Л. С. Тихвинского и других советских востоковедов. Но до последнего времени можно еще встретить серьезные ошибки, вытекающие из некритического отношения к источникам. В частности, в работе З. Ч. Мамытбекова вопреки историческим фактам утверждается о захвате киргизской территории китайцами и насильственном расселении ими киргизских племен «в различные части Центральной и Средней Азии»¹.

Фактический материал свидетельствует, что Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе Цинской империи. На их территории не было никаких цинских административных органов, а их население не терпело вмешательства в свои дела и давало должный отпор внешней агрессии со стороны маньчжуро-цинских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана, киргизы являлись непосредственными участниками всех антицинских восстаний местного населения.

Современная зарубежная историография, в какой-то мере затрагивающая и вопросы истории Средней Азии XVIII—XIX столетий, немногочисленна. Она включает работы авторов, которые пытаются по возможности осмыслить прошлое, но не располагают оригинальными материалами, слабо знают советскую литературу и опериру-

¹ Мамытбеков З. Ч. Патриотические идеи эпоса «Манас» // Известия АН Киргиз. ССР. 1978. № 1. С. 80.

ют обычно фактами, введенными в научный оборот еще в прошлом веке, либо препарированными материалами отдельных советских изданий.

Подытоживая историографический обзор, можно заключить: предшествующими трудами советских историков исследованы многие ранее неизвестные стороны истории киргизского, узбекского, таджикского и других народов Средней Азии, намечены отдельные вопросы истории их взаимоотношений. Отталкиваясь от них, поставив целый ряд новых вопросов, мы обратились к решению проблемы политических и социально-экономических отношений киргизов и Кокандского ханства в целом.

Для выполнения темы применен комплексный метод использования источников: выявлены оригинальные архивные документы, привлечены нарративные сочинения, собраны этнографические материалы, проведены археологические раскопки и специальные полевые археографические поиски. В зависимости от этого все источники в диссертации подразделены на четыре комплекса: 1 — архивные документы, 2 — нарративные сочинения, 3 — этнографические и фольклорные данные, 4 — археологические материалы.

Выявленные архивные документы, в зависимости от характера можно также разделить на несколько групп.

Исторические акты — указы, документы государственного управления и делопроизводства, по землевладению, налоговой политике и т. д. — в большинстве выявлены в ЦГА Узб. ССР, в фондах архива кокандских ханов ¹ (ф.и. 1043),

¹ Документы Кокандского архива, введенного в научный оборот А. Л. Троицкой, использованы по ее публикациям и фотокопиям, выполненным ЦГА Узб. ССР по нашему заказу.

канцелярии туркестанского генерал-губернатора (ф.и. 1) и Ферганского областного правления (ф.и. 19), в ЦГА Каз. ССР в канцелярии начальника Алатавского округа и киргизов (казахов) Большой Орды. Ханские грамоты по назначению на должности, наделению феодалов льготами, связанные с административными распоряжениями, пожалованиями в частную собственность — мильк; документы на отчуждение частных владений, на оформление вакфных пожертвований; распоряжения ханов, беков и других официальных лиц; всевозможные донесения чиновников являются уникальным материалом по политической жизни, экономике, социальным отношениям в киргизском обществе и Кокандском ханстве.

Письма киргизов, их прошения и жалобы — первоисточник, который почти не использовался предшествующими исследователями. Основная его ценность заключается в том, что это единственные свидетельства ханского времени, составленные непосредственно в киргизской среде. Документы отражают настроение, потребности рядового жителя, иногда содержат исторические экскурсы, показывают атмосферу жизни и быта киргизов, их отношение к ханам, а также характеризуют экономические и политические взаимоотношения с соседями — казахскими жузами, Восточным Туркестаном, Россией. В Госархиве Омской области, в ЦГА Узб. ССР, ЦГА Каз. ССР, Архиве Внешней политики России нами собрана коллекция из ста киргизских писем — в оригинале и переводах туркестанских чиновников. Наиболее раннее упоминание о таком письме относится к 1759 году, но первая систематизированная коллекция киргизских писем относится к 20-м го-

дам XIX в. и связана с упрочением связей с Россией. Вторая коллекция — письма 40-50-х годов, появление которой вызвано добровольным принятием северными киргизами российского подданства. Третья коллекция — переписка киргизских феодалов между собой, с ханскими сановниками и туркестанскими властями в 60-70-х годах, переписка, несущая информацию о взаимоотношениях с кокандцами и кашгарцами, о внутреннем положении и вооруженных выступлениях в Кокандском ханстве.

Понятно значение *налоговых записей* и *поименных списков родоправителей*, сохранившихся в архиве кокандских ханов. Вместе с ними использовались и налоговые дефтеры из Ферганского областного правления, составлявшиеся в первые три года после присоединения ханства к России, поскольку и методы налогообложения и размер податей, по утверждению местных чиновников, оставались неизменными с ханских времен¹. Документы рисуют эксплуататорскую сущность ханского деспотизма и позволяют вскрыть экономическую основу многочисленных выступлений и восстаний трудящихся.

В архиве Географического общества СССР, ЦГВИА, рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина, Госархиве Омской области, архиве АН СССР выявлены *материалы и записки путешественников*, побывавших в Киргизии в XIX в. Это путевые записи Лещева и Данибегашвили, дорожники русских купцов, отчеты пограничных обозревателей, донесения М. И. Венюкова и др. начальников военных отрядов о событиях в Кокандском ханстве, отношении

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 22513. Л. 42; Д. 22516. Л. 23-30.

киргизов к Коканду, участия и роли их в повстанческом движении. Особо следует отметить документы, связанные с добровольным вхождением Киргизии в состав России (из АВПР, ЦГИА СССР, ЦГВИА, ЦГА Узб. и ЦГА Каз. ССР), которые емко характеризуют внутривосточную обстановку в ханстве накануне его падения.

Своеобразны материалы 60—80-х гг. XIX в., использованные в ретроспективе — проекты управления, поземельного и налогового устройства Туркестанского края с сопутствующими записками об истории, быте, религии, традициях и обычаях местного населения в предшествующие времена (ЦГА Узб. ССР). Составление и сбор их в свое время были вызваны чисто практическими, фискальными соображениями царских властей. Они имеют тенденциозную окраску и потребовали особо критического подхода.

Начатые нами *полевые археографические поиски* (1976—77 гг.) дали серию документальных материалов, собранных у местных жителей. К ним относится незначительное число выявленных документов актового и распорядительного характера по преимуществу второй половины XIX в.

Нами выявлено и приобретено на территории Киргизии только за два первых года работы — 1976—1977 гг. — свыше 30 рукописей, 50 старопечатных и литографических изданий на староузбекском, таджикском и арабском языках. Часть из них относится к кокандскому периоду и содержит историческую и бытовую информацию, позволяет судить о том, какими нравственными и юридическими нормами руководствовались местные жители в XVIII—XIX вв.

К нарративным источникам, использованным в сравнительном плане диссертации, мы относим, кроме названных выше, и «эреже» — установления киргизского обычного права, оформленные решением Токмакского съезда биев (1—15 мая 1893 г.)¹. Из-за беспокойства, что «эреже» станет руководством в киргизских волостях, царские власти изъяли его из обращения, но оно сохраняет значение как первоклассный источник традиционного обычного права, регулировавшего внутреннюю жизнь и внутреннее управление в киргизском обществе XIX в. «Эреже» до этого не использовалось в научной литературе и представляет несомненный интерес не только для историков, но и киргизских правоведов, философов, языковедов.

Китайские источники XVIII — сер. XIX вв. привлечены в переводах извлечений, отложившихся в фондах Института истории АН Киргиз. ССР. Основная работа по переводу материалов о киргизах из китайских источников была проведена в 1950-х годах ленинградскими востоковедами А. Л. Кондратьевым, С. И. Кычановым и Л. Г. Ефимовой. Позже, в 60-70-х годах над переводами новых извлечений работали Г. П. Супруненко и Н. Мадеюев, которыми подготовлены «Материалы по истории киргизско-китайских отношений во второй пол. XVIII — первой пол. XIX вв.».

Этнографические полевые и фольклорные материалы стали целенаправленно собираться с начала экспедиционных обследований 20-х годов социальных отношений и патриархально-родовых пережитков в горных районах Киргизии (Н. А. Калемин, П. П. Кушнер, П. В. Погорельский,

¹ ЦГА Каз. ССР. Ф.и. 44. Оп. 1. Д. 443-а.

В. С. Батраков, С. М. Абрамзон)¹. Работа была продолжена в 50-е годы (С. М. Абрамзон, С. И. Ильясов, К. У. Усенбаев, С. С. Данияров). Помимо этого, нами во время экспедиционных поездок 60—70-х годов собирались дополнительные сведения по истории, о традиционных чертах хозяйства, быта, социальной структуры киргизского населения в прошлом.

В диссертации использован и киргизский героический эпос «Манас», содержащий множество оригинальных зарисовок, сцен общественной жизни и военной организации киргизов. Наиболее интересным для нас вариантом оказалась неопубликованная запись 20-х годов от сказителя Сагымбая Орозбакова (отец которого был горником у крупного киргизского феодала сер. XIX в. Ормон-хана) в подстрочном переводе таких крупных лингвистов, как Е. Д. Поливанов и И. А. Батманов. В сравнительном плане учтены и некоторые фольклорные записи, имеющие историческое значение («Песнь об Абдулле-беке», «Тайлак-батыр» и др.), материалы по исторической лингвистике (оставшиеся в рукописях «Киргизская работа» и «Отчет о дунганской лингвистической экспедиции» Е. Д. Поливанова). Уникальным по своему значению историко-этнографическим источником явился киргизско-русский словарь живой разговорной речи, составленный К. К. Юдахиным.

Скудность материалов по отдельным вопросам привела к необходимости обратиться к специальным археологическим изысканиям. Нами были обследованы остатки ко-

¹ Рукописи частично отложились в Архиве Киргизского филиала ИМЛ и фондах ООН АН Киргиз. ССР.

кандских укреплений, гумбезов и мазаров, ирригационной сети XVIII—XIX вв., проведены зачистки и шурфовочные раскопы Туура-Суйского корука на Иссык-Куле, длинных стен на Алае, укрепления Улуг-Коргон в Кетмень-Тюбе, сняты на план крепости Кан и Дараут-Коргон, зафиксированы предметы вооружения и орудия труда киргизов XVIII—XIX вв.

Археологические материалы, как самостоятельный оригинальный источник, позволили более точно осветить характер размещения и предназначения кокандских укреплений, функционирование коруков — заповедников киргизских феодалов, исследовать вопросы, ответы на которые не могут дать другие источники.

Комплексное использование источников позволило поднять и осветить многие ранее не исследованные вопросы темы и решить проблему политических и социально-экономических взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX веков.

В первой главе характеризуется обстановка в Киргизии XVIII столетия и завоевательная политика Кокандского ханства; исследуются вопросы взаимоотношений киргизов с соседями в период их независимости, борьба против цинской агрессии, подчинение Кокандским ханством южных районов и завоевание северной Киргизии.

В XVIII столетии разрозненные родоплеменные группы киргизов перемещались по предгорной зоне Ферганской долины, Тянь-Шаню, в бассейнах рек Чу и верховьях Таласа. К этому времени уже сформировалась киргизская народность как историко-этническая общность. Феодалный способ производства был господствующим, но родоплеменная

раздробленность и укоренившиеся в быту патриархально-родовые отношения тормозили общественное развитие, препятствовали государственному объединению киргизов. Все это привело к тому, что соседние государства — сначала Джунгария, затем Цинская империя и Кокандское ханство — смотрели на Киргизию, как на удобный объект для завоевания.

С нач. XVIII в. обособляются и отпадают от Бухарского ханства несколько мелких бекств в Ферганской долине. Вскоре одно из них — Кокандское, власть в котором у ходжей перехватывает Шах-рух-бий (1709/10—1721/22) из узбекского племени минг, начинает проводить активную внешнюю политику и постепенно поглощает окружающие владения. В это же время в Фергане на политическую арену в качестве активной военной силы вступают киргизские феодалы, которые в источниках упоминаются как независимые, равноправные кокандским. Период правления кокандского владетеля Абд ал-Карима (1734—? — ок. 1750/51 гг.) отмечен в источниках («Тарихи Шахрохи») его союзом с киргизскими племенами, совместным отпором одного из джунгарских походов против Ферганы, что можно расценивать как крупный политический успех узбеков и киргизов. Позже, в 50-х годах XVIII в., известный киргизский феодал Кувад-бий выступает равноправным союзником и соперником кокандского правителя Ирданы (1751—1770 гг.), активно участвует в междоусобной борьбе белогорских и черноморских ходжей за власть в Кашгаре (Мухаммед-Садык Кашгари, «Тазкираи-Ходжаган»). Кокандские владетели занимались внутренним «собранием» земель и до 60-х годов не покушались на киргизскую территорию.

В 1758 г. ослабленное внутренними феодальными раздорами под ударами цинского Китая пало Джунгарское ханство. На территории Восточного Туркестана Китай создал свой военный форпост — имперское наместничество Синьцзян (букв. «новая граница»), подвергая жестокой налоговой эксплуатации и национальному гнету местные народы: уйгуров, киргизов, казахов и др. Цинские власти предприняли было попытку расширить свои экспансионистские притязания и на территорию киргизов, но встретили упорное сопротивление.

В диссертации на конкретных примерах показан вооруженный отпор со стороны киргизского населения китайским отрядам, стремившимся проникнуть на территорию Иссык-Куля и Тянь-Шаня, доказывается отсутствие на киргизской территории каких-либо пунктов цинской администрации. Сами китайские источники считали Киргизию «соседним владением», лишь «смежным» с империей («Пин-чжунь» — «Описание умиротворения джунгаров», 1772). Потерпев провал в попытках агрессивных поползновений, маньчжуро-цинский двор завязывает с киргизскими феодалами дипломатические отношения, принимает в Пекине киргизское посольство и в дальнейшем вынужден проводить политику невмешательства во внутренние дела киргизов. В то же время исторические факты свидетельствуют о видной роли киргизов в политической жизни Восточного Туркестана, поддержке ими национально-освободительной борьбы местных народов против маньчжуро-цинского гнета.

По мере усиления, с 60-х годов XVIII в., кокандский правитель Ирдана переходит от политики союза с киргизскими

феодалами к насильственному их подчинению, умело используя междоусобицы и родоплеменную разобщенность киргизского народа.

В 1862 г. кокандцы захватывают Ош, опустошают киргизские земли в окрестностях Узгена, к концу XVIII в. распространяют свое влияние на горные приферганские районы, в 1821 г. неожиданным набегом захватывают Кетмень-Тюбе.

Омар-хан (1809—1822), воспользовавшись усобицами между двумя киргизскими родами, подчиняет в 1821 г. племена, кочевавшие между Ошем и Кашгаром. Ханский полководец Бек-Назарбий, «произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадил ни женщин, ни детей, забрав большую добычу (главным образом скот) и массу пленных», возвратился в Коканд ¹.

Процесс завоевания южной Киргизии Кокандским ханством длился более полувека (с 1762 по 1821 гг.) и отмечен упорным сопротивлением киргизского народа, его непрекращающейся борьбой за независимость. В то же время кокандским правителям приходилось серьезно считаться с новыми пограничными подданными: они были источником военной силы — ополчением, почти всегда находящимся в боевой готовности; располагались на традиционных торговых трассах между Средней Азией и Восточным Туркестаном и далее — Индией. Поэтому, несмотря на зависимость киргизов от Коканда, они нередко выходили из-под его подчинения, представляя постоянный очаг беспокойства.

¹ МИКК. Вып. 1. С. 229. *Наливкин В.* Краткая история. С. 121.

Продвижение кокандских границ к северным киргизским кочевьям обусловило в качестве противовеса этому установление дипломатических связей киргизов с Россией. В 1784 г. Атаке-бий — глава сарыбагышского племени в Чуйской долине — направил в С.-Петербург посольство с просьбой о покровительстве. Но этот акт, однако, не принес ожидаемых результатов. В 1813 и 1824 гг. киргизские посольства посещают Омск и Тобольск, «изустно» высказываются за расширение торговли, настаивая на принесении присяги «от себя и своего народа» на подданство России. К практическим результатам — принятию российского подданства — эти посольства не привели. Царские власти лишь ограничились обещаниями покровительства и направлением к берегам Иссык-Куля в 1825 г. ответного посольства Ф. К. Зибберштейна и Т. В. Нюхалова¹. Тем временем Кокандское ханство активизирует свою политику. Мадали-хан (1822—1842), воспользовавшись феодально-родовыми распрями племен солто и сарыбагыш, направляет свои войска в Чуйскую долину, затем в Центральный Тянь-Шань и на Иссык-Куль, подчинив в начале 30-х годов кочевавшие там киргизские племена.

По мере продвижения кокандских войск на пограничных линиях воздвигались укрепления, оставлялись гарнизоны. На Памиро-Алае были возведены крепости Таш-Курган, Дараут-Курган, Суфи-Курган и Кызыл-Курган, на Тянь-Шане и в верховьях Нарына — Джумгал

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 24668. Л. 171; ЦГИА СССР. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 455—456; Д. 59. Л. 236; ГАОМО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 425. Л. 4—5; Д. 419. Л. 27—28, 97—98.

и Куртка, в Иссык-Кульской котловине — Конур-Улен, Барскаун, Каракол, в Чуйской долине — Кара-Балты, Аксу, Пишпек, Токмак. В результате границы киргизов с юга на восток были очерчены сетью крепостей, не только юридически закрепляющих границы ханства, но и ставших серьезной преградой на пути возможного повторения цинской агрессии. «Кокандцы, — писал Ч. Валиханов в сер. XIX в., — подчинив дикокаменных киргиз, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана»¹. Оценивая стратегическое значение Киргизстана для трех соперничавших государств — Кокандского ханства, Цинской империи и России — западносибирский генерал-губернатор Г. Ф. Гасфорд с полным основанием писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды в угле трех смежных держав, крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный дух, нежели других киргизских (казахских — В. П.) племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав»².

Итак, во второй половине XVIII в. киргизский народ сумел дать отпор цинской агрессии. Но активная завоевательная политика кокандских ханов привела к тому, что вся территория Киргизии попадает во временную зависимость от Кокандского ханства. В народной памяти и фольклоре этот период отразился как время беспросветной темноты и забитости, беспощадного угнетения и ханского произвола.

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 326.

² АВПр. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 36.

Во второй главе освещается положение Киргизии под властью Кокандского ханства: территориально-административное подчинение, местное управление; роль и предназначение кокандских крепостей, появление аналогичных укреплений у киргизской родоплеменной знати; политическая активность киргизских феодалов в жизни ханства.

По мере завоевания Киргизии отдельные ее районы и племенные объединения включались в состав того или иного вилайета Кокандского ханства. Однако строго централизованного управления и твердого территориально-административного устройства в ханстве не было. Оно представляло собой военно-бюрократическую организацию, основывавшуюся на деспотических принципах, и состояло из полуавтономных в административном отношении вилайетов и бекств. Строго разграниченных функций управления и должностных полномочий у сановников не было. Они зависели от степени влияния их на хана и его благорасположения, поэтому со сменой престолонаследников обновлялся и административный персонал, начиная со двора и кончая комендантами отдельных крепостей.

В диссертации рассматривается территориально-административное устройство ханства, которое к 70-м годам XIX в. претерпело существенную эволюцию.

Киргизский народ был разделен по родоплеменному признаку. Родоплеменное деление играло отрицательную роль в исторических судьбах киргизского народа, являясь пережитком, тормозившим социальное развитие: во-первых, оно препятствовало созданию внутриэкономического единства и территориальной общности; во-вторых, служило феодалам средством для развязывания

межплеменных усобиц; в-третьих, облегчало управление Киргизией со стороны кокандских ханов и их наместников, проводивших политику «разделяй и властвуй». Феодалы, стоявшие во главе племен, были носителями центробежных тенденций в государстве, кичились своей автономностью и не подчинялись друг другу даже в ущерб общенародным интересам.

В годы кокандской зависимости киргизские родоправители могли назначаться и смещаться бейами, ханами, но это было нередко и чисто символическим актом закрепления реальной власти киргизских феодалов. В киргизские кочевья ханы направляли своих наместников — комендантов крепостей, которые считались управителями окрестного населения. Им приходилось неизменно считаться с силой местных феодалов-родоправителей, в руках которых сосредоточивалась власть над соплеменниками.

Власть главы киргизского племени, рода в отдалении от центрального правительства и в период постоянных межфеодалных усобиц выражала собой самостоятельный вид внутреннего управления. Основной формой общественной (и хозяйственной) организации киргизов была пастбищно-кочевая община. Она лежала в основе организации рода, который входил в состав определенного племени. Община носила классовый характер, однако не была избавлена от кровнородственных связей, представляла собой организм со многими традиционными институтами прошлого.

Специфическим социальным институтом у киргизов являлось манапство, получившее широкое распространение на севере с 40-х годов XIX в. «Манапство есть наследственное, — писал в 50-х годах автор предания о происхож-

дении киргизского народа... — У дикокаменных киргизов всякий богач и сильный может сделаться бием, а потом и манапом, что усваивается временем, а не выбором народа»¹. Манапство выросло из института биев-родоправителей и вобрало в себя все их функции. Но институт бийства не исчез, а трансформировался в судебный орган (хотя последней инстанцией и здесь оставался родоправитель-манап). Би́и сохранили за собой управление более мелкими родовыми подразделениями, Влияние манапов было настолько велико, что они вторгались в сферу даже семейных отношений общинников. Немалую роль при этом играли традиционные формы патриархально-родовых отношений, при которых к экономическим и политическим методам принуждения добавлялись моральные. Внешне выглядя как добровольное подчинение авторитетному аксакалу, многоопытному би́ю и могущественному манапу, моральная система принуждения, как бы «освященная» всей предшествующей традицией, на самом деле давила на проявление инициативы трудящихся и всегда была направлена на защиту интересов господствующих классов.

Органами ханского правления на местах являлись комендант и кокандский гарнизон крепостей. Строительство крепостей, как единой связной цепи, началось в 1813 г. и особенно активно шло в 20-х годах. Кокандские крепости, которые ранее специально не изучались, оказались своеобразными памятниками исторического прошлого. Они нигде в Средней Азии, кроме Тянь-Шаня, в это время уже не строились в таком множестве.

¹ ЦГИА ССР. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 586. Л. 10.

Укрепления возводились как оплот ханско-феодалного гнета в районах наибольшего скопления населения и как пограничные форпосты. Выявленные новые архивные материалы и проведенные археологические обследования позволили классифицировать все крепости в зависимости от размеров и предназначения по четырем категориям: 1 — крупные административные центры районов; 2 — средние укрепления местного значения; 3 — мелкие крепости-спутники, являвшиеся звеньями между более крупными; 4 — крепости-коргоны киргизских родоправителей, созданные по образцу кокандских, но выполнявшие иные функции и являвшиеся первыми очагами оседлости киргизской феодальной знати в XVIII—XIX вв.

В диссертации анализируется каждая из категорий памятников, приводятся результаты обследования сохранившихся до наших дней Дараут-Коргон на Алае и Кан — в южной предгорной Фергане, итоги раскопок Улуг-Коргон в Кетмень-Тюбе (существовавшего сначала как киргизское укрепление, а затем — кокандское). По мере возрастания роли киргизских феодалов в общественной жизни ханства и их усиления начинается возведение и киргизских крепостей сначала в качестве административных центров киргизских феодалов как ханских чиновников, а затем и как собственных ставок, не связанных с кокандской службой (Дараут-Коргон на Алае, Кызыл-Ункур манапа Боромбая в Прииссыккулье, коргон Байтыка в Чуйской долине, Нурака Аджибекова на Таласе, Чон-Коргон Рыскулбека в Кетмень-Тюбе, коргон Ормона на Санташе и др.).

После завоевания Кокандским ханством Киргизии местные феодалы быстро приспособились к новым условиям.

Южно-киргизские феодалы стали активными проводниками ханской политики внутри страны. На более отдаленном севере феодалы старались сохранить свою власть над зависимыми племенами, используя для этого в междоусобицах и силу кокандских войск. В то же время они иногда почти не считались с ханской властью, продолжая, однако, сбор налогов по указанию ханских наместников. Такие киргизские родоправители, как Альмбек, Юсуф, Курман-джан-датха, киргиз-кыпчаки Мусульманкул и Алымкул находились в гуще интриг ханского двора, выступали активными участниками дворцовых переворотов, возводили своих ставленников на кокандский престол.

Много лет в киргизских горах скрывался один из ханских престолонаследников Шералы, чем киргизские феодалы воспользовались в 1842 г. В ходе восстания против бухарского наместника с помощью киргизских ополченцев «от группы сартийя, и кыпчакийя, и киргизийя в согласии со всем народом ферганским» («Тарихи Шахрохи», стр.136) Шералы поднимают на белом войлоке и провозглашают ханом. Его ближайшими советниками и сановниками становятся киргизские и кыпчакские феодалы. Свое влияние они продолжают сохранять и при смене ханов. В 1864 г. один из казахских биев — Турзат-Ногай — говорил верненскому приставу: «Кокандом управляют черные киргизы, кыпчаки и адыгине (один из родов алайских киргизов. — В. П.), сарты же положительно присмирели»¹. Современник этих событий киргизский поэт Молдо Нияз воспевал киргиз-кыпчакского феодала именно за то, что

¹ ЦГА Каз. ССР. Ф.и. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 117.

он, не считаясь с ханом, проводил фактически самостоятельную политику управления государством ¹.

Используя недовольство трудящихся ханской политикой, свою власть родоправителей, патриархальные традиции, силу народного ополчения, киргизские феодалы не довольствовались второстепенным и подчиненным положением, а принимали самое деятельное участие во многих внутри- и внешнеполитических событиях ханства. Они не были ни пассивным, ни угнетенным сословием, а сами участвовали в составе ханского административного аппарата в налоговом ограблении как узбекских, так и киргизских трудящихся. На примере истории Кокандского ханства и роли в нем киргизских феодалов видно, как вопреки национальным интересам господствующие классы разных народов объединялись с целью личного возвышения, своекорыстия, совместного ограбления и угнетения трудящихся масс.

В третьей главе анализируются эксплуататорская политика Кокандского ханства и социально-экономическое положение киргизов: исследуются аграрные отношения; взаимосвязи скотоводческого и земледельческого хозяйств киргизов, узбеков, таджиков; рассматривается социальная структура киргизского общества, а также налоговая ханская система и другие феодальные и патриархально-родовые формы эксплуатации трудящихся.

С завоеванием Киргизии и включением ее в систему административного управления Кокандского ханства

¹ *Молдо Нияз*. Санаты / Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР. Инв. № 1732.

на все киргизские земли распространялись правовые нормы аграрных отношений ханства, которые основывались на шариате. Но практика земельных отношений в киргизском обществе нередко и существенно отличалась от общегосударственных юридических норм. Это было связано о тем, что, во-первых, киргизы традиционно продолжали руководствоваться адатом — «обычным» правом, регулировавшим процесс землепользования; во-вторых, преобладающей отраслью киргизского хозяйства было скотоводство, которое, в отличие от земледелия орошаемых оазисов ханства имело и свои особенности, выражавшиеся в кочевом и полукочевом цикле с охватом больших пастбищных территорий. Основным средством производства у киргизов являлась земля и важным средством производства — скот, роль которого особенно велика при кочевом и полукочевом хозяйстве.

В диссертации анализируются собственность, владение и пользование — как три категории правоположения и практики земельных отношений. Верховным собственником земли выступало государство в лице кокандского хана, за которым было окончательное право распоряжения ею. Верховное право собственности государства не исключало частной и общинной земельной собственности. Участок, закрепленный документально за частным собственником, назывался *мильк*. Мильковые земли могли свободно отчуждаться. В диссертации приводятся документы на перепродажу киргизами мильков, передаче их по наследству. Крупными мильковладельцами были Алымбек-датха, Алымкул и другие киргизские феодалы. В качестве мильковладельцев выступали и отдельные

общины, в частности, общины Туганай, Бузмурчак из рода мундуз и другие.

В кокандский период наблюдались и факты разложения общин. Характерен в этом отношении документ от 1254 (1838) г. об обособлении из общинного владения в частную собственность некоего Муллабая Нарботобаева участка земли в местности Мады близ Оша¹. Выделение частных владений внутри общин привело к тому, что закрепленные участки стали не только передаваться по наследству, но и отчуждаться — продаваться, передаваться в вакф.

Новой формой землевладения у киргизов, появившейся под влиянием Кокандского ханства, стал *вакф* — имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного учреждения или духовного лица. Вакфный институт получил распространение в оседло-земледельческих районах, зафиксирован нами и в полукочевых киргизских районах, население которых начало обращаться к земледелию. Однако, специфической особенностью являлось отсутствие вакфов на севере Киргизии, где преобладало скотоводческое население, там не было и мусульманских учреждений. Нами выявлены документы на пожертвование киргизами своих земель в вакф в кишлаках Кара-Булак, Джигда-Могол, Сафид-Булан. Рассматривается крупнейшее в Киргизии вакфное установление алайского феодала Алымбека-датхи и др. Отличительной чертой киргизских пожертвований надо признать передачу земель в вакф целыми общинами, родовыми подразделениями, как, например, было сделано двумя завещаниями киргизов рода бо-

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 22534. Л. 78-79.

стон в 1278 (1861—62) г. в пользу мечети Шах-Рахматуллы в местности Куршаб ¹.

Пользование обрабатываемыми участками и пастбищами было как частным, индивидуальным, так и общинным, коллективным. Получила распространение аренда земель и наделная форма землепользования — *чек*.

Специфика феодального землепользования у оседлых киргизов (как, впрочем, и в целом в Кокандском ханстве) заключалась в отсутствии «барского» хозяйства, хотя в крупных скотоводческих хозяйствах наблюдались своеобразные отработки, опиравшиеся на патриархально-родовые традиции.

В целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

Угнетательская политика Кокандского ханства не способствовала прогрессу производительных сил местного населения, даже тормозила их. Изымая из оборота пастбища, конфискуя и перепродавая киргизские земли, нарушая традиционно сложившиеся пути кочевания преградами административного порядка, безмерным налоговым обложением и грабежом, Кокандское ханство вносило дезорганизованность в хозяйственную жизнь киргизского общества. В то же время, оказавшись в рамках единого государства, узбекские, таджикские и киргизские труженики

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 34764. Л. 14 и 36, 15 и 35.

передавали друг другу производственные навыки, делились опытом ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства, участвовали в торговом обмене, взаимно удовлетворяя потребности в недостающих продуктах и предметах. Установившиеся более тесные дружественные хозяйственные контакты имели далеко идущие положительные последствия. Несмотря на замкнутый, натуральный характер, киргизское хозяйство находилось во взаимодействии с узбекским и таджикским хозяйством, хотя медленно, но неуклонно развивалось в направлении от скотоводства к земледелию, развивались домашние промыслы, функционировал товарообмен. Однако в целом оно продолжало оставаться патриархально-феодальным, экстенсивным.

Рассмотрение социальной структуры выявляет всю бесплодность попыток идеализации отдельными националистическими представителями в прошлом (О. Сыдыков и др.) киргизского общества, как бесклассового общества равных, основанного на отношениях кровнородственного родства. Социально-классовая полярированность киргизского общества выражалась в том, что манапы представлялись «белой костью», а простолюдины — «черной». Феодалные отношения здесь были опутаны сетью патриархально-родовых связей, которые накладывали отпечаток на систему социальных взаимоотношений, условия господства и подчинения, маскировали эксплуатацию.

На верхней ступени иерархической социальной структуры Кокандского ханства находились хан и его бекское окружение, в киргизских родоплеменных отделениях до зависимости от ханства — манапы и бии-родоправители. После подчинения киргизов Кокандом ханы и беки, не имея

возможности существенно вмешиваться во внутреннее управление киргизского общества, нередко возлагали эти функции на высших представителей киргизского феодального класса: на юге — на датху, на севере — на манапа, наделяя их административными полномочиями.

Основную массу трудящегося киргизского населения составляла *букара* (букв.: подданный, простолюдин). Перекочевывая со скотом не обособленно, а в общине, со всем родом, скотовод во всех отношениях зависел от феодала-родоправителя как распределителя пастбищ, регулирующего процесс и порядок передвижения; как хранителя традиций, «народных» обычаев; как чиновника, наделенного административной властью; как сборщика налогов и, наконец, просто как более экономически мощного соседа.

Существовала довольно развитая терминология для определения понятий зависимых и выполнявших разную работу крестьян-скотоводов и земледельцев (кедей, коншу, джатак, байгуш, егенчи, чайрикер и т. д.).

Крепостничество, как таковое, в Киргизии и Кокандском ханстве отсутствовало. Но в документах, тем не менее, встречаются факты наделения отдельных феодалов земельными пожалованиями вместе с проживавшими там дехканами: к примеру, выделение по ханскому фирману от 1255 (1839—40) г. некоему Турахан-накибу 11 киргизских семейств в Ура-Тюбинском вилайете.

Не исключительным явлением было рабство. И хотя оно считалось как бы семейным, патриархальным, тем не менее раб (кул) и по юридическим нормам и фактически выступал совершенно бесправным. «Раб — вещь; господин имеет над ним право жизни и смерти» — вот основная

формула киргизского обычного права по отношению к этой социальной категории населения. Рабство имело место не только среди киргизских скотоводов, но и в сельскохозяйственных районах Кокандского ханства. В документах ханского архива упоминается школа для мальчиков-рабов, говорится о женщинах-невольницах.

Следует подчеркнуть, что социальная структура киргизского общества, патриархально-феодальная в своей основе, не претерпела существенных изменений под воздействием Кокандского ханства. Наибольший отпечаток оно наложило на класс киргизских феодалов, перенимавших у кокандцев методы управления и эксплуатации трудящихся.

В период зависимости киргизов от Кокандского ханства основные формы эксплуатации юридически вытекали из норм шариата. На их основе была классифицирована и регламентирована налоговая система, которую ханы положили в основу угнетения как собственно кокандского, главным образом узбекско-таджикского населения, так и завоеванных соседей, в том числе киргизов. Практика же налогообложения нередко составляла совсем иную картину — картину хаотической бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше испытывало социальное, а киргизское к тому же и национальное угнетение.

Государственная налоговая система и методы феодальной эксплуатации выражались в трех формах: натуральной, трудовой и денежной ренте. Основные налоги — зякет со скота кочевников, херадж и танап с сельскохозяйственных культур взимались сборщиками, назначенными ханами и бека-

ми, или сдавались в аренду на откуп. Население вынуждено было затрачивать огромные средства на содержание ханской администрации, общественные работы. В отдаленных киргизских кочевьях функции сборщиков налогов ханы перекладывали на местных феодалов, устанавливая определенный объем налогов — *ульпан* ¹.

Натуральные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей для выполнения ирригационных работ государственного масштаба, возведения крепостей, постройки зданий и т. п. Уклонявшихся подвергали наказаниям, вплоть до того, как «ослушников ханской воли» живыми закапывали в землю ².

В качестве видоизмененной натуральной ренты и платы взамен трудовой повинности выступала денежная рента. Наметившаяся с начала XIX в., она не являлась преобладающей, но свидетельствовала уже об определенных социально-экономических сдвигах в Киргизии под влиянием Кокандского ханства.

Налоговый гнет и повинности тяжелым бременем ложились в первую очередь на плечи непосредственных производителей — трудящихся крестьян. Феодалы — как кокандские, так и местные киргизские — сами принимали участие в эксплуатации, к тому же пользовались всевозможными льготами, обладая ханскими обельными грамотами. Освобождая представителей феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту. Иногда ханом рента переуступалась не целиком, а частично, в таком случае

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 22516. Л. 63.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6868. Л. 111.

часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть присваивалась феодалами. Так, от всех налогов были освобождены киргизские родоправители с Таласа Байзак-датха и Сарымсак-датха ¹; освобожден от всех налогов был вакф Алымбека-датхи и его наследников. Однако, высказанное ранее в литературе положение, что все вакфы Кокандского ханства пользовались налоговым иммунитетом (К. Ф. Чикаев, А. Х. Валиев), не подтвердилось. Анализ выявленных документов доказывает, что только часть вакфов была обельной, но многие и не освобождались от налогов — их доход выражался в дополнительном сборе с населения, обрабатывавшего вакфные земли, или с жителей, организовавших вакф. Таковы примеры киргизских вакфов мечети Тюря-хан Тюря-Ишана, мечети в кишлаке Джигда-Могол и др. ²

Одной из форм феодальной эксплуатации являлась издольщина- кабальная аренда земельных участков. По аналогии с оседло-земледельческим узбекско-таджикским населением она получила распространение и среди киргизов, занимавшихся земледелием. Если бедняк, помимо земли, вынужден был пользоваться чужими семенами, тягловым скотом и орудиями труда (т. е. фактически выступая наемным работником), он отдавал феодалу-земледельцу до 4/5 урожая, причем государственный налог выделялся до распределения доходов.

Подати и повинности, которые несла киргизская беднота перед своими феодалами, внешне выступали нередко

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865. Св. 892-а. Л. 780.

² ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 76.

как добровольный акт, но фактически были обязательными. Они носили местные названия союш, чыгым и салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан и куч, туякат, жол чыгым и др. Эти некодифицированные сборы были очень обременительными для рядового скотовода. Эксплуатация феодально-родовой знатью трудящихся скотоводов шла, главным образом, путем выколачивания докапиталистической отработочной ренты, с одной стороны, и взимания продуктовой ренты — с другой, но была замаскирована патриархально-родовыми нормами быта, «родовой взаимопомощью», была «освящена обычаями». У киргизов существовали особые нормы «обычного» права, устное юридическое руководство — «нарх», согласно которым отказывавшиеся от уплаты таких податей облагались специальным штрафом, подвергались моральному ostracismу.

Итак, налоги и земельная рента, подати и повинности в Кокандском ханстве и киргизском обществе определяли экономические отношения и классовую борьбу. Именно земельная рента была господствующей формой присвоения феодалами прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве. Система налогов, разветвленная и беспорядочная, являлась в этих условиях ни чем иным, как централизованной формой феодальной ренты. Переплетение феодальных отношений с патриархально-родовым бытом накладывало архаичный отпечаток на общественные отношения и методы эксплуатации киргизов.

В четвертой главе, посвященной борьбе киргизского народа против угнетателей, рассматриваются восстания первой половины XIX в. и, как следствие, народно-освободительной борьбы киргизского народа против

Кокандского ханства, добровольное вхождение Северной Киргизии в состав России; по-новому освещается восстание 1873—1876 гг. — как народная война против ханского гнета, приведшая к низвержению правящей династии, падению Кокандского ханства и присоединению его (а в его составе и Южной Киргизии) к России.

Период феодализма характеризуется непрерывными вооруженными выступлениями трудящихся как против всевозможных завоевателей, так и против «своих» угнетателей. Из истории Кокандского ханства явствует, что киргизы выступали самыми активными участниками восстаний против ханского гнета, а киргизское трудящееся население — одной из главных движущих сил их. Даже официальные туркестанские власти в своих донесениях в столицу признавали: «История Кокандского ханства представляет собой ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз»¹. Формы и методы борьбы были довольно просты, преобладали стихийность и неорганизованность, как, впрочем, и в большинстве всех других выступлений периода феодализма. Монархические иллюзии крестьянства и отсутствие политической программы не могли привести к победе народа.

Несмотря на то, что почти все кокандские хроники говорят о спокойствии и благополучии в ханстве в первый период, когда, якобы «не существовало разницы между богатыми и бедными» («Тарихи Шахрохи»), никакого идеального мира внутри страны не было. Уже в годы правления Алим-хана, в нач. XIX в., наблюдались «смута

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6886. Л. 2.

и волнения в государстве Коканд», которые вызвали «покушение на жизнь эмира Алим-хана» со стороны гонимого «диваны». А движение возглавлял простой мясник Уста Сейид из кокандской махалля Кут-Арык («Тухфат ат-таварих-и хани»).

Восстания вызывались социальным протестом ханскому гнету, феодальной эксплуатации, но поводом могли служить и дворцовые омуты, межфеодальные усобицы. В борьбе против ханско-феодальной тирании киргизы нередко выступали совместно с казахскими и узбекскими труженниками.

В диссертации прослеживаются ход и причины восстаний 1821 года в Таласской долине, 30-х годов под руководством Тайлака в Нарыне, в 1842 г. — на Иссык-Куле, 1845 г. — ошских киргизов, в 1847 г. — против ташкентского наместника Азиза-парваначи, в 1850-х годах в Чуйской долине и на Тянь-Шане. В ходе восстаний изгоняются из крепостей ханские гарнизоны, избиваются налогосборщики, терпят поражение правительственные войска, меняются на престолах ханы, но положение трудящихся остается прежним. К оценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создалось впечатление, что все они без исключения народно-освободительные движения, выражающие социальный протест масс. Дело в том, что феодалы нередко сами провоцировали выступления в лично корыстных целях. И благородный взрыв народного негодования на ханский налоговый гнет нередко ловко направлялся феодалами, киргизскими родоправителями лишь против правящего хана, за нового претендента — своего ставленника на тот же престол.

В результате социальный бунт совмещался, в конечном итоге, с династическими переворотами, сопровождался межфеодальными усобицами и распрями. От выступлений трудящихся выигрывали лишь феодалы, а основная масса повстанцев незаметно для себя вновь оказывалась в прежнем угнетенном положении. В то же время восстания киргизов против Коканда носили народно-освободительный характер, содержали и элементы социальной борьбы против всех видов угнетения, в том числе и против «своих» родоправителей — манапов и баев. Даже командующий войсками Западно-Сибирского военного округа в связи с этим замечал, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»¹.

Классовая борьба киргизских трудовых масс не проявлялась так ярко и четко, как у народов, прошедших классическую форму феодальной формации. Это объясняется слабым развитием производительных сил, разобщенностью трудящихся и политической раздробленностью киргизского народа; определялось живучестью дофеодальных пережитков, забитостью и темнотой народных масс. Манапы, беки, бии, стремясь притупить классовое самосознание трудящихся, старались внушить им мысль об общности интересов всех членов родовых объединений; пытались заглушить недовольство и негодование местных трудовых масс против феодального гнета разжиганием межродовой и межплеменной вражды.

При обращении к истории социальных протестов, которые нередко переплетались с народно-освободительной

¹ ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 908. Д. 12. Л. 2.

борьбой, мы выделяем следующие пассивные и активные формы: индивидуальные жалобы дехкан крупным манапам и кокандским высшим чиновникам; неуплата податей и уклонение от несения феодальных повинностей; коллективная борьба между родами за своего претендента в главные манапы или коменданты крепости; барымта — насильственный угон скота у ненавистных феодалов; откочевка от «плохих» манапов к «хорошим» в иллюзорной надежде на лучшую долю; оседание и переход к земледелию как попытка освобождения от угнетающего родо-правителя; наконец, восстания против налогового гнета, которые носили всегда социальный заряд против «своих» феодалов.

Видя безуспешность борьбы своими силами против деспотизма Кокандского ханства, киргизский народ в лице дальновидных своих представителей стал искать помощи и опоры извне, от России. Посольские связи в конце 40-х — нач. 50-х годов укрепляются и завершаются принятием 17 января 1855 г. иссык-кульскими киргизами российского подданства.

После занятия русскими войсками Пишпека, Аулие-Аты, Чимкента и Ташкента киргизские повстанцы Центрального Тянь-Шаня и Ферганы все более связывают свою борьбу против Кокандского ханства со стремлением присоединиться к России.

Весной 1871 г. среди киргизов Соха в предгорьях Ферганы началось выступление против неумеренных поборов местного правителя. Вскоре восстания вспыхнули на Алае, затем отдельными очагами — по всей Южной Фергане. Первоначально они были эпизодическими и локальными.

С 1873 г. восстанием охватываются все приферганские горы, его пламя переносится и в Центральную Фергану. Восстание становится массовым, в нем принимают участие, помимо киргизских, узбекские и таджикские труженники, т. е. основной движущей силой выступали народные массы, поднявшиеся на борьбу против ханско-феодального гнета. Это была настоящая народная война, одним из руководителей и организаторов которой выступил выходец из киргизского племени ичкилик Исхак Мулла Хасан-оглы. В отдельных районах возглавляли движение свои предводители: среди андижанских киргизов — Мамыр Мергенов, среди чаткальских — Момун Шамурзаков.

Но, как нередко было в эпоху крестьянских войн в период феодализма, на отдельных этапах к восстанию примыкали и представители духовенства и феодальной знати, ратовавшие за расширение своих привилегий. Но не они определяли общий характер движения. К тому же их участие было непоследовательным, а изменнические действия феодалов разоблачали их и отталкивали от них народ.

О массовости народной войны с самого начала движения говорит следующий факт. Уже в 1873 г. 20 тыс. киргизских и 10 тыс. кыпчакских хозяйств, т. е. около 150 тыс. человек, снялись с насиженных мест под угрозой бесчинств ханских войск и откочевали в неприступные горы. Повстанцы были связаны со своими северными соплеменниками, уже принявшими российское подданство, и находили у них сочувствие. Имеются данные, что повстанцы Западной Ферганы в 1873 г. поддерживали связь с токмакскими киргизами и переписывались с Шабданом Джантаевым. Осенью этого же года к ходжентскому уездному

начальнику явились представители киргизских повстанцев и представили список 42 недовольных киргизских, узбекских и кыпчакских родов, всего в «132500 кибиток», которые выражали желание принять российское подданство. 1700 киргизских хозяйств самовольно перекочевали из окрестностей Андижана в пределы Токмакского уезда. Восставших кочевников-скотоводов поддержало и оседло-земледельческое население. Русский посланник в Коканде доносил туркестанским властям в 1874 г.: «Оседлое население наравне с кочевниками тяготится настоящим положением дел в ханстве, и если доныне между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобы они относились враждебно один к другому; подобные отношения существовали между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник, вполне сочувствует кочевнику, живущему своими стадами»¹.

Царские власти не откликнулись на призыв повстанцев о помощи. Беженцев выдворили обратно в ханство, уведолив об этом Худояр-хана, который нашел поддержку и понимание со стороны царской администрации Туркестана.

Временно затихая на зиму, восстания снова разгорались с наступлением весны. В 1875 г. Худояр-хан под натиском восставших бежал под охрану царских штыков в Туркестанское генерал-губернаторство. Вскоре за ним последовал и его преемник — Насреддин-хан. Повстанцы взяли Коканд. В этих условиях царское правительство дает санкцию на введение в пределы Кокандского ханства

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 326.

русских войск. Войска направлялись для «утихомиривания» повстанцев. Борьба, возглавляемая Исхаком, принявшим имя Пулат-хана, продолжается, хотя противостоять регулярным царским войскам повстанцам было уже не под силу. К середине февраля 1876 г. отряды восставших были оттеснены в Алайские горы. 19 февраля Александр II санкционирует присоединение Кокандского ханства к России. Предводитель повстанцев Исхак схвачен и 1 публично казнен на площади в г. Маргелане как «преступник» и «самозванец».

Оценивая итоги кокандского похода, царские чиновники сами вынуждены были признать, что им пришлось воевать не с ханом и его окружением, а с народными массами. 27 апреля 1876 г. генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман писал: «Война в 1875 г. происходила не с ханами или эмирами, а с народными страстями... Если бы борьба происходила с ханом, имевшим значение в глазах народа, то, по всей вероятности, Махрамскою победою и занятием Коканда экспедиция достигла бы своих целей. Но дела имели иной характер, на сцене появились иные причины. Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так-то легко подавить... Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и дознали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств»¹.

С занятием царскими войсками стратегических пунктов в горах восстание постепенно идет на убыль. К тому же исчезла основная причина, вызывавшая столь длитель-

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф.и. 715. Оп. 1. Д. 67. Л. 319 — 329.

ную многолетнюю борьбу — гнет Кокандского ханства, которое было ликвидировано, и Киргизия вошла в состав Российской империи.

* * *

Непрямолинеен и труден был исторический путь киргизского народа. Столетия темноты и забитости, унижения и горя, борьбы с внешними врагами и внутренними эксплуататорами нужно было пережить, прежде чем появились объективные условия для освобождения от всех видов социального и национального угнетения. Добровольное вхождение Киргизии в состав России явилось одним из этапов на этом пути. Еще Ф. Энгельс, современник этих событий, зорко подметил, что «господство России играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», «цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

История полностью подтвердила это. Соединение народов Средней Азии, в том числе и киргизского народа, с Россией имело огромное прогрессивное значение. «Вхождение Киргизии в состав России, — подчеркивает первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. У. Усубалиев, — привело к ликвидации племенных междоусобиц и межродовой розни, от которых страдали прежде всего трудящиеся массы киргизов. Этот исторический акт означал серьезный шаг на пути к преодолению обособленности племен, к национальному объединению киргизского народа. Именно с этого момента начался решительный переход от отста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27. С. 241.

лого патриархально-феодального строя к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства»¹.

Присоединение к России положило начало новой страницы истории среднеазиатских народов. Вопреки воле и стремлениям царизма и местных туркестанских властей, трудящиеся народы Средней Азии приобщаются к революционной борьбе российского пролетариата, вместе с ним выступают на борьбу с эксплуататорским строем против всех видов социального и национального угнетения. В этой борьбе кристаллизуется самосознание общности классовых интересов всех трудящихся России различных национальностей. Создаются объективные предпосылки для победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти как в центре, так и на далеких окраинах бывшей царской империи. С победой великого Октября начался переход от патриархально-феодальных отношений, минуя капиталистическую стадию развития, непосредственно к социализму.

Шестидесятилетняя история совместной борьбы и побед народов Советского Востока в братской семье народов СССР в строительстве социализма и коммунизма — убедительное свидетельство правильности выбранного киргизским народом исторического пути.

¹ Усубалиев Т. У. Ленинизм — великий источник дружбы и братства. С. 100.

**Список работ, опубликованных
по теме диссертации**

1. Киргизы и Кокандское ханство. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1977. Объем 24,5 п.л.
2. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1965. Объем 4 п.л.
3. История Киргизской ССР. Изд. «Кыргызстан», Фрунзе, 1968. — Гл. «Киргизстан в 1 половине XIX в.». § 3. Социально-экономические отношения. § 4. Двойной гнет и борьба трудящихся за социальную независимость (в соавторстве о К. У. Усенбаевым). Объем 3 п.л.
4. Очерки патриархально-феодалных отношений в Южной Киргизии (50—70-е гг., XIX в.). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1968. Объем 10 п.л.
5. Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг., Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970. Объем 6 п.л.
6. У истоков дружбы. Изд-во «Кыргызстан», Фрунзе, 1972. Объем 7 п.л.
7. Тропюю первопроходцев (в соавторстве с В. Я. Галицким). Изд-во «Кыргызстан», Фрунзе, 1973. Объем 4,5 п.л.
8. Русские путешественники и исследователи о киргизах (в соавторстве с В. Я. Галицким, А. Ш. Абышкаевым, Д. А. Айтмамбетовым). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1974. Объем 14 п.л.

9. К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1972.
— Раздел «Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в.». Объем 2 п.л.
10. Археологические памятники Прииссыккуля. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1975:
— Раздел I. Открытие древностей Иссык-Куля (в соавторстве с В. Я. Галицким). Объем 2,2 п.л.
— Раздел X. Киргизский корук Туура-Суу. Объем 1 п.л.
11. Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1975.
— Вакф медресе Алымбека. Объем 0,8 п.л.
— Оригинальные источники по истории Киргизстана (в соавторстве с Т. Назаралиевым). Объем 0,7 п.л.
— О структуре населения дореволюционной Киргизии (XIX— нач. XX вв.) (в соавторстве с В. Я. Галицким). Объем 0,8 п.л.
12. Кетмень-Тюбе (археология и история). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1977.
— Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX— начала XX вв. (в соавторстве с В. Я. Галицким и К. И. Антипиной). Объем 2 п.л.
— Укрепление Улуг-Коргон (в соавторстве с В. М. Горячевой). Объем 1 п.л.
13. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии // «Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1967. Объем 0,5 п.л.

14. Сведения о киргизах в русских источниках XVIII в. // «Известия АН Киргиз. ССР», 1967, № 3. Объем 0,5 п.л.
15. Ранние киргизские письменные документы (в соавторстве с С. Кудайбергеновым) // «Известия АН Киргиз. ССР», 1968, № 4. Объем 0,5 п.л.
16. О формах эксплуатации в Киргизии середины XIX в. // Материалы первой конференции молодых ученых АН Кирг. ССР (21—23 октября 1965 г.). Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970. Объем 0,5 л.л.
17. Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. (в соавторстве с В. Я. Галицким) // “Памятники Киргизстана”, вып. 2, Фрунзе, 1974. Объем 0,5 п.л.

Подписано к печати 8.11.1978 г.

Формат бумаги 60x90. Объем 3,25 п.л.

Заказ 70. Тираж 150 экз.

Типография АН Киргизской ССР.

г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон С. М.* У истоков манапства // Советская Киргизия. 1931. 1 апреля.
2. *Абрамзон С. М.* Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды ИЯЛИ. Вып. 1. Фрунзе, 1945.
3. *Абрамзон С. М.* Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.
4. *Абрамзон С. М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Труды ИЭ им. Н. М. Миклухо-Маклая. Т. XIV. 1951.
5. *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды КАЭЭ. Т. IV. М., 1960.
6. *Абрамзон С. М.* Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран: Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. Л., 1968.
7. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
8. *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // СЭ. 1975. № 6.
9. *Айтбаев М.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX в. Фрунзе, 1962.
10. *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX вв. Фрунзе, 1967.
11. *Алексеев А.* Курбан Джан Датха // Ферганские областные ведомости. 1907. № 123.

12. *Алибеков М.* Домашняя жизнь последнего кокандского хана // Ежегодник Ферганской области. Т. II. Н. Маргелан, 1903.
13. *Аман Газиев.* Курманджан-датка — некоронованная царица Алая. Фрунзе: Илим, 1991.
14. *Аман Газиев.* Пулат-хан. Историческая повесть / Ред.-сост. В. Воропаева. Бишкек, 2010.
15. *Амитин-Шапиро З. Л.* Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1850—1917 гг.). Фрунзе, 1958.
16. *Амитин-Шапиро З. Л.* Библиография Киргизии. Аннотированный указатель. Т. I (1918—1924). Фрунзе, 1963.
17. *Амитин-Шапиро З. Л.* Библиография Киргизии. Аннотированный указатель. Т. 2. Вып. I (1925—1936). Фрунзе, 1965.
18. *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. Ч. СХV—СХVIII. СПб., 1795—1796.
19. *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
20. *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях // Живая старина. Вып. III—IV. 1894.
21. *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.

22. *Аристов Н. А.* Труды по истории и этническому составу тюркских племён / Отв. ред. акад. В. М. Плоских. Бишкек: Илим, 2003.
23. *Бардашев И.* Сведения о дикокаменных киргизах // ТВ. 1870. № 15.
24. *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах: Материалы для статистики Туркестанского края // Ежегодник. Вып. III. СПб., 1874.
25. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
26. *Бартольд В. В.* Извлечение из Тарихи Шахрухи. Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
27. *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании. Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
28. *Бернштам А. Н.* Источники по истории киргизов XVIII в. // Вопросы истории. 1946. № 11—12.
29. *Бернштам А. Н.* Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас» // «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.
30. *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
31. Библиография по истории Казахстана. (Аннотированный указатель). Вып. 1. Дореволюционный период. Алма-Ата, 1964.
32. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с кит. СПб., 1829.
33. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
34. *Бошарин О.* О патриархально-феодальных отношениях в Якутии XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 1955. № 8.
35. *Бубнова М. А.* Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. М., 1975.

36. *Бурковский А. Ф.* Из истории техники металлического производства у киргизов // Ученые записки истфака КирГУ. Вып. V. 1958.
37. *Вайнштейн О. Л.* Иностранцы путешественники о Киргизии 60—70-х гг. XIX в. // Ученые записки истфака КирГУ. Вып. V. Фрунзе, 1958.
38. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. В 5 т. Алма-Ата, 1961—1965.
39. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии / Пер. с англ. СПб., 1865.
40. *Васильченко И.* Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // Вопросы истории. 1974. № 4.
41. *Вельяминов-Зернов В. В.* Сведения о Кокандском ханстве // Вестник РГО. Ч. XVIII. Кн. 5. 1856. Отд. оттиск.
42. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда Али до Худояр-хана // ТВОРАО. Ч. II. Вып. 1. СПб., 1856.
43. *Вельяминов-Зернов В. В.* Кокандское ханство по новейшим известиям // Военный сборник. 1865.
44. *Венюков М.* Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Записки РГО. 1861. Кн. 4.
45. *Венюков М.* Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868.
46. *Веселовский Н.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае / Текст, пер. и прил. СПб., 1894.
47. *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Труды КАЭЭ. Т. 1. М., 1956.
48. *Виткин М. А.* Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

49. Военно-статистический сборник. Вып. III / Под ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1863.
50. *Волконский А.* От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки // Вестник Европы. 1894. № 7.
51. Всеподданнейший доклад Особого комитета по устройству среднеазиатских областей по проекту положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. Ташкент, 1880.
52. *Г.* К вопросу о земледелии в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. 1918. № 1—3.
53. *Гейнс А. К.* Управление Ташкентом при Кокандском владычестве // Собрание литературных трудов. Т. II. СПб., 1898.
54. *Гордон Т.* Путешествие на Памир. (Несколько глав из книги «The Roof of the World») / Пер. М.И. Венюкова // Известия РГО. Приложение Т. 12. СПб., 1877. Вып. 6.
55. *Горячева В., Плоских В.* Киргизская крепость XVIII—XIX вв. // АО 1973 г. М., 1974.
56. Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову / Пер. А. Ломакина // ПЗСТКЛА. Год 8-й. Ташкент, 1893.
57. *Григорьев В. В.* Современные монеты Кокандского ханства // ТВОРАО. Ч. II. СПб., 1856.
58. *Григорьев В. В.* Еще о кокандских монетах и событиях // Известия РГО. Т. IV. 1863.
59. *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1839.
60. *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России // История СССР. 1973. №2.
61. *Гуревич Б. П.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 1974. № 9.

62. *Данибегашвили Р.* Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. 1795—1827 / Пер. с груз., ст. и коммент. Л. Маруашвили. М.: Прогресс, 1969.
63. *Дахилейгер Г. Ф.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973.
64. *Дахилейгер Г. Ф.* Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников (на примере казахского народа) // IX Международный конгресс антропологов и этнографов. (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973.
65. *Дахилейгер Г. Ф.* Проблемы развития исторической науки в Казахстане и Средней Азии на современном этапе // Изв. АН Казахской ССР. Серия обществ. наук. Алма-Ата, 1975. № 6.
66. *Дембо Л. И.* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954.
67. *Джамгерчинов Б. Д.* Киргизы в эпоху Ормон-хана. (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.) // Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН. Вып. 1. Фрунзе, 1944.
68. *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
69. *Джамгерчинов Б. Д.* Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966.
70. *Джуванмардиев А.* Ценный документ по истории Кокандского ханства. (Указ Шир-Мухаммед-Али-хана, находившегося на престоле в 1842—1845 гг.) // Изв. АН Узб. ССР. Серия обществ. наук. Ташкент, 1958. № 3.
71. *Диваев А.* Последние дни Худояр-хана. [Б. м.]. 1916 // ТВ. 1916. № 20.
72. *Добросмыслов А. И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.

73. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. / Ред. О.Д. Чехович. Ташкент, 1954.
74. *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.; Л. № 1936.
75. *Думан Л. И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
76. *Ефремов Ф.* Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786; 2-е изд. 1794.
77. *Ефремов Ф.* Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии, и возвращение его оттуда через Англию в Россию. В соавт., под ред. и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811.
78. *Жирмунский В. М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.
79. *Загряжский Г. С.* Очерки Токмакского уезда // ТВ. 1873. № 9—10.
80. *Загряжский Г.* Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. III. СПб., 1874.
81. *Загряжский Г. С.* О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан.) // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876.
82. *Загряжский Г. С.* Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876.

83. *Зенков П.* Звериный промысел в Семиреченской области // Туркестанские ведомости. 1873. № 43.
84. *Зибберштейн Ф. К.* Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна // Исторический архив. Т. 1. М.; Л., 1936.
85. *Зима Л. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959.
86. *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958.
87. *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства // ПЗСТКЛА. Год 17-й. 1913.
88. *Зияев Х.* Урта Осиё ва Сибирь (XVI—XIX асрлар). Ташкент, 1962.
89. *Златкин И. Я.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 4.
90. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758 гг.). М., 1964.
91. *Златкин И. Я.* Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая деятельность // Современная историография зарубежного Востока. М., 1971.
92. *Златкин И. Я.* А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // Вопросы истории. 1971. № 2.
93. *Ибрагимова Г. М.* Краткая характеристика некоторых источников о маньчжурских завоеваниях Синьцзяна // Учёные записки Ин-та востоковедения. Т. XVI. М.; Л., 1958.
94. *Иванов П. П.* К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. М.; Л., 1932.
95. *Иванов П. П.* Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии // Известия АН СССР. № 8. Сер. VII. Отд. обществ, наук. Л., 1935.

96. *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство. (К истории их взаимоотношений в нач. XIX в.) // Записки Ин-та востоковедения АН СССР. 1939. Т. VII.
97. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX в.). М., 1958.
98. *Идаров С.* Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству // Туркестанские ведомости. 1872. № 40—41.
99. Извлечения из «Рияз-уд-довле», сочинения Мухаммед Риза Мираба Агехи / Пер. А. К. Боровкова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.; Л., 1938.
100. *Ильясов С. И.* Пережитки патриархально-родовых и феодално-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации // Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН. Вып. 1. Фрунзе, 1944.
101. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963.
102. *Искандаров Б. И.* Из истории народов Памира // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 1.
103. История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.
104. История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1968.
105. История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968.
106. *Кадырова М.* Надира. Очерк жизни и творчества. Ташкент, 1967.
107. *Каллаур В. А.* Рассказ о четырех братьях Тюрялибековых (Д. Бакбасарова со слов А. Атансарова) // ПЗСТКЛА. Год 8-й. Ташкент, 1903.
108. *Каллаур В. А.* К истории города Аулие-Ата // ПЗСТКЛА. Год 8-й. Ташкент, 1903.
109. *Каллаур В. А.* Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову // ПЗТКЛА. Год 8-й. Ташкент, 1903.

110. *Каракеев К. К.* Киргизия // Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975.
111. *Каракеев К., Джамгерчинов Б., Орузбаева Б.* Язык науки, культуры и прогресса // Советская Киргизия. 1972, 15 июня.
112. *Касымбеков Т.* Сломанный меч. Фрунзе, 1974.
113. *Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв.* / Сост. С. Х. Ишанханов. Ташкент, 1976.
114. *Кауфман К. П.* Проект всеподданнейшего отчета ген.-ад. К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губернаторства 7 ноября 1867—25 марта 1881 г. СПб., 1885.
115. *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.
116. *Каюмов А.* Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.): Автореф. док. дисс. Ташкент, 1961.
117. Киргизия в цифрах. Стат. сборник. Фрунзе, 1963.
118. *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX вв. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. XXIV. М.; Л., 1962.
119. *Ковалевский М. М.* Общинное землевладение, принципы, ход и последствия его разложения. М., 1879.
120. *Корытов Н. П.* Самозванец Пулат-хан // Ежегодник Ферганской области. Н. Маргелан, 1902.
121. *Костенко Л.* Земледельческая производительность Средней Азии // Туркестанские ведомости. 1870. № 17.
122. *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. Т. I—III. СПб., 1880.
123. *Кузнецов В. С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973.

Использованная литература и источники

124. *Кумеков Б. Е., Настич В. Н., Шуховцов В. К.* Письменные документы из южного Казахстана // Вестник АН Каз. ССР. 1977. № 8.
125. *Кун А. Л.* Некоторые сведения о Ферганской долине // Военный сборник. 1876. № 4.
126. *Кун А. Л.* Очерк Кокандского ханства // Известия РГО. Т. 12. Отд. 2. СПб., 1876. Отд. оттиск.
127. *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
128. *Кушнер П. П.* Горная Киргизия. (Социологическая разведка). М., 1929.
129. *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих орд и степей. Ч. II // Исторические известия. СПб., 1832.
130. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 3, 7. 5-е изд. М., 1967.
131. *Лукницкий П. Н.* Всадники и пешеходы. М., 1935.
132. *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.
133. *Лунин Б. В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Ташкент, 1974.
134. *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. СПб., 1899.
135. *Маджи А. Е.* Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары // Известия Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР. 1958. Вып. 1.
136. *Макшеев А. И.* Показание сибирских казаков Милютина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849-го по 1852-й год // Вестник РГО. 1856. Ч. 17. Отд. V.
137. *Маллицкий Н. Г.* О связи тюркских тамг с орхонскими письменами // ПЗСТКЛА. Год 3-й. Ташкент, 1897—1898.
138. *Маллицкий Н. Г.* Ташкент. (Историч. очерк). Отд. оттиск. (Б. в. д.).
139. *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, 1963.

140. *Марков Е.* Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства // Русский вестник. Т. IX. СПб., 1893.
141. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Т. 1, 16, 20, 23, 25. М., 1960—1961.
142. *Массон М. Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
143. *Массон М. Е.* Рудник погибели. (Из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии). Фрунзе, 1971.
144. Материалы объединённой научной сессии, посвящённой истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
145. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
146. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1—2. М.; Л., 1931—1939.
147. Материалы по истории Ура-Тюбе // Сборник актов XVII—XIX вв. / Сост., пер., предисл. А. Мухтарова. М., 1963.
148. Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913.
149. *Мелихов Г. В.* Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII веках // Вопросы истории. 1974. № 7.
150. *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1852.
151. *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Исторические сочинения. М., 1975. Вып. 3.
152. *Мир Иззет-Улла.* Путешествие Мир Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. Сводный текст по англ. и франц. переводам / Пер. и примеч. Ю. А. Соколова // Труды САГУ. Историч. науки. 1956. Вып. 7—8.
153. *Мирза Абдулазим Сами.* Тарих-и салатин-и Мангитийа. (История Мангытских государей) / Изд. текста, предисл., пер. и примеч. Л. М. Епифановой. М., 1962.

154. *Мирза Шемс Бухари*. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемс Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым. Казань, 1861.
155. *Мулла Нияз Мухаммед Бен-Ашур Мухаммед*. Тарих-и Шахрухи. История владельцев Ферганы / Издание Н. Н. Пантусова. Казань, 1885.
156. *Мухтаров А.* О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в. // Известия АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук. Вып. 8. 1956.
157. *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964.
158. *Мухтаров А.* Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX — начале XX вв. Душанбе, 1969.
159. *Н... ь В.* Поездка в Кашгарию // Военный сборник. 1869. № 7.
160. *Набиев Р. Н.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства // Известия АН Узб. ССР. 1947. № 4.
161. *Набиев Р. Н.* Народные восстания в Коканде в 1840—1842 годах // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 7.
162. *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1967.
163. *Наливкин В. П.* Киргизы Наманганского уезда // Туркестанские ведомости. 1881. № 20.
164. *Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
165. *Наливкин В. П.* Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. V. Самарканд, 1887.
166. *Никифоров В. И.* Восток и всемирная история. М., 1875.
167. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Щапов Я. Н.* Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей

- страны // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
168. *Нураков И.* К вопросу о пастбищно-кочевой айильной (аульной) общине у киргизов конца XIX — начала XX вв. // Социальная история народов Азии. М., 1975.
169. *Нурекин А.* Очерк истории Кокана с 1841 по 1864 год // Туркестанские ведомости. 1871. № 35.
170. *Нусов В. Е.* Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1963.
171. О некоторых актуальных вопросах марксистского китаеведения // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 4.
172. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки РГО. Кн. 3. 1849.
173. *Орузбаев А. У.* Социалистическое переустройство сельского хозяйства Киргизии и некоторые экономические проблемы его дальнейшего развития: Автореф. док. дисс. Фрунзе, 1974.
174. *Остроумов Н.* Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али, кокандского хана, известного в истории под именем «Мадали-хана», правившего Ферганой с 1822—1842 г. хр. эры // ПЗСТКЛА. Ташкент, 1917. Год 21-й.
175. Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн» / Под ред. Шан-Юэ. М., 1959.
176. *Павлов С. Рабинович М.* Кокандское восстание 1875—1876 гг. // Борьба классов. 1936. № 4.
177. *Пантусов Н. Н.* О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время Худояр-хана // ТВ. 1876. № 16.
178. *Пантусов Н. Н.* Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве // ТВ. 1876. № 80.
179. Перевод двух ярлыков Сеид Мадали-хана // ПЗСТКЛА. Ташкент, 1903. Год 8-й.
180. *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе, 1961.

181. *Петров К. И.* Роль природного пастбища как средства труда в переходе от присваивающего хозяйства к производящему // Материалы конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974.
182. *Петров К. И.* Влияние неполного пастбища как средства труда на общественные отношения скотоводов-кочевников // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
183. *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965.
184. *Плоских В. М.* Сведения о киргизах в русских источниках XVIII в. // Известия АН Кирг. ССР. 1967. № 3.
185. *Плоских В. М.* Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии // Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября. Фрунзе, 1967.
186. *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е гг. XIX в.). Фрунзе, 1968.
187. *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг.). Фрунзе. 1970.
188. *Плоских В. М.* Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в. // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе, 1972.
189. *Плоских В. М.* Киргизский корук Туура-Суу // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1974.
190. *Плоских В. М.* Вакф медресе Алымбека // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
191. *Плоских В. М.* Кокандские крепости на территории Киргизии // АО 1974 г. М., 1975.

192. *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. // Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1974. Вып. 2.
193. *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Открытие древностей Иссык-Куля // Археологические памятники Прииссык-куля. Фрунзе, 1975.
194. *Плоских В. М., Горячева В. Д.* Укрепление Улуг-Коргон // Кетмень-Тюбе (археология и история). Фрунзе, 1977.
195. *Плоских В., Кудайбергенев С.* Ранние киргизские письменные документы // Известия АН Кирг. ССР. 1968. № 4.
196. *Плоских В., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
197. *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
198. *Покровский Г. В., Стогов Н. И.* Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. // Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский, Кокандский уезды). Ташкент, 1915.
199. *Попов А.* Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб., 1853.
200. Посольство в Кокан // Туркестанские ведомости. 1870. № 16.
201. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы / Док., изданные с предисл. и прим. Н.И. Веселовского // Записки РГО от отд. этногр. Т. X. Вып. 2. СПб., 1887.
202. *Потанин Г. Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2. М., 1868.
203. *Потанин Г. Н.* Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году.

- Начата в Семипалатинске // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1870, октябрь-декабрь. Кн. IV. М., 1871.
204. *Потанин Г. Н.* О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной в 1785 году // Географические известия. 1875. Т. IX. Вып. 2.
205. *Потанин Н. И.* Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830). С предисл. П. Савельева // Вестник РГО за 1856 год. Кн. VI. Ч. 18. СПб., 1857.
206. *Потанов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. (Сокр. док. на научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. 30 января 1954 г.) // Вопросы истории. 1954. № 6.
207. *Пясковский А. В.* О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. // Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР. Вып. IV. Фрунзе, 1954.
208. *Радлов В. В.* Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 года // Известия РГО. Т. IV. 1870. № 3.
209. *Райт Х. Р. Г.* Докапиталистические формы собственности в южной Азии в конце XVIII столетия. Отд. оттиск докл. на V Международном конгрессе экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г.
210. *Рассудова Р. Я.* Значение термина кош в некоторых земледельческих районах Средней Азии в XIX—нач. XX в. // Советская этнография. 1974. № 6.
211. *Рассудова Р. Я.* Земледельческое хозяйство и местные рынки Ферганы XIX в. // Бартольдские чтения. 1976: Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.
212. *Рахматуллин К.* Творчество Манасчи // «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.

213. *Рашковский Е. Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1976.
214. *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века. М.: АН СССР, 1963.
215. *Ромодин В. А.* Новый источник по истории Кокандского ханства // Проблемы востоковедения. 1959. № 3.
216. *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда. М., 1960.
217. *Ромодин В. А., Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов // Советское востоковедение. 1958. № 4.
218. *Россель Ю. А.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. № 6, 7.
219. *Рыскулбеков М. Ф.* Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволюционной Киргизии // Труды Киргоспединститута. Серия «История». Вып. 2. Фрунзе, 1950.
220. *Савельев П. С.* Список известных доселе монет Кокандского ханства // Труды восточного отд. Императ. археолог. об-ва. Ч. II. СПб., 1856.
221. *Садыков Х., Бабабеков Х.* Курманжан-калк таламдашы // Кыргызстан маданияты. 1974. 11 декабря.
222. *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и-хаджаган» как источник по истории киргизов // Известия АН Кирг. ССР. Т. 1. Вып. 1 (История). Фрунзе, 1959.
223. *Саттар-хан Абдул-Гафаров.* Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русским // Туркестанские ведомости. 1892. № 26; 1893. № 61.
224. Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири // Записки РГО. Кн. V. 1851.

Использованная литература и источники

225. *Северцов Н. А.* Месяц плена у кокандцев (с картой низовьев Сыр-Дарьи). СПб., 1860.
226. *Северцов Н. А.* Этнографические заметки о Зачуйском крае // Известия РГО. Т. I. 1865. Ч. 2.
227. *Северцов Н. А.* О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. 1876.
228. *Северцов Н. А.* Путешествие по Туркестанскому краю. М., 1947.
229. *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды САГУ. Вып. 1. Ташкент, 1929.
230. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. М., 1947.
231. *Серебрянников А. Г.* Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. I—IV. Ташкент, 1908—1913; Т. V—VIII. Ташкент, 1914; Т. XVII—XXII. Ташкент, 1914—1915.
232. *Соколов А.* О кара-киргизах // Семиреченские областные ведомости. 1910. № 53, 54—58.
233. *Соколов Ю.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.
234. *Соколов Ю. А.* Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. 1 / Науч. труды Ташкентского госун-та им. В. И. Ленина. Вып. 343. Ташкент, 1969.
235. *Спасский Г.* Изображение обитателей Сибири или новое и достоверное описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывание, образ жизни, нравов, обрядов, веры, наречий и проч. // Сибирский вестник. 1820. Ч. IX—X.
236. Статистический обзор Ферганской области за 1911 год. Скобелев, 1914.

237. *Сургай В. Т.* К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951.
238. *Сыдыков О.* Тарихи Киргизия. Уфа, 1913.
239. *Сыдыков О.* Тарихи Шадмания. Уфа, 1914.
240. *Талызин А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.). Памятная книжка Семиреченского обл. стат. комитета на 1898 год. Т. II. Верный, 1898.
241. *Тер-Акопян Н. Б.* Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину // Народы Азии и Африки. 1965. № 2—3.
242. *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1—2. СПб., 1824.
243. *Тихвинский С. Л.* История Китая и современность. М, 1977.
244. *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум ГАИМК 20—22 июня 1933 г. М.; Л., 1934.
245. *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.
246. *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра. (К истории Кокандского ханства в XIX в. // Сборник Гос. публ. б-ки им. М. Е.Салтыкова-Щедрина. Вып. 3. Л, 1955.
247. *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX века. Предварит. обзор // Труды Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2. Л., 1957.
248. *Троицкая А. Л.* Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.) // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.; Л., 1960.
249. *Троицкая А. Л.* Ганчи, ганчи-баши в Кокандском ханстве (XIX в.) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
250. *Троицкая А. Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.

251. *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.
252. *Троицкая А. Л.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в. // Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972.
253. *Уметалиева А. Д.* Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, 1966.
254. *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства (XIX в.) // Известия АН Узб. ССР. Серия обществ. наук. 1957. № 3.
255. *Усенбаев К. У.* О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг. // Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР. Вып. IV 1954.
256. *Усенбаев К. У.* К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России // Труды Ин-та истории АН Кирг. ССР. Вып. 1. 1955.
257. *Усенбаев К. У.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.
258. *Усенбаев К. У.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.
259. *Усубалиев Т. У.* Торжество ленинской национальной политики в СССР и великодержавный шовинизм в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 4.
260. *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. М., 1958.
261. *Фелькерзам А.* Старинные ковры Средней Азии // Старые годы. 1914—1915.
262. *Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960.
263. *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965.
264. *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

265. *Хасанов А. Х.* Из истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1959.
266. *Хасанов А. Х.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX в. Фрунзе, 1961.
267. *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.
268. *Хафизова К. Ш.* К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов (вторая половина XVIII в.) // V научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. 2. М., 1974.
269. *Хафизова К. Ш.* Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. М., 1974.
270. *Хафизова К. Ш.* О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (на примере политики Китая в Центральной Азии) // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае» / Тезисы и доклады. М., 1975.
271. *Хидоятов Г. А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е гг.). Ташкент, 1969.
272. *Ходжаев А.* Политика цинского правительства в отношении восставших народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 60—70-х гг. XIX в. // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае» / Тезисы и доклады. М., 1975.
273. *Ходжаев А.* Политика цинского правительства в Синьцзяне в 1875—1878 гг. в оценке современных китайских авторов // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае» / Тезисы и доклады. М., 1976.
274. *Хорошихин А. П.* Заметки о Кокане // Русский инвалид. 1869. № 75, 76.
275. *Черепнин Л.* Крестьянские войны в России периода феодализма // Коммунист. М., 1973. № 13.
276. *Чихачев П. А.* Великие державы и Восточный вопрос. М, 1970.

277. *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата, 1964.
278. *Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф.* Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане. Фрунзе, 1963.
279. *Шрейдер П. И.* По окраине. Путевые очерки. СПб., 1893.
280. *Ювачев И. П.* Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. 1907. № 12.
281. *Югай Р. Л.* Путешествие Бурнашева и Безносикова в Бухару через пустыню Кызылкумы в 1794—1795 годах // Известия Узбекистанского филиала Географического общества СССР. Т. 8. Ташкент, 1964.
282. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
283. *Южаков Ю. Д.* Наши приобретения в Средней Азии. I. Ура-тюпе и его округ. II. Чимкентский округ // Отечественные записки. 1867. № 7—8.
284. *Юнусалиев Б. М.* Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования: Сборник статей, посвященный 80-летию акад. К.К. Юдахина. Фрунзе, 1970.
285. *Юфреев В.* Хозяйство сартов в Ферганской области. Ташкент, 1911.
286. *Beschkowitsch A. S.* Winterlicher Weidgang und Stallfütterung bei den Kirgisen // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 18. (1—3) Budapest, 1969.
287. *Beschkowitsch A. S.* Nomadenwirtschaft und Lebensweise der Kirgisen. 19 bis Anfang des 20 Jahrhunderts // Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Academiai Kiado, Budapest, 1969.
288. *Boulger D. C.* England and Russia in Central Asia. V. 1. London, 1879.
289. *Curtis W. E.* Turkestan: «The Heart of Asia». New-York, 1911.

290. *Gordon T. E.* The Roof of the World, being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus Sources on Pamir. Edinburg, 1876.
291. *Holdsworth M.* Turkestan in the Nineteenth Century. A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford, 1959.
292. *Meer Izzut-Oolah.* Travels in Central Asia. Calcutta, 1872.
293. *Montgomery T. G.* Report of «The Mirzas». Exploration from Caubui to Kasghar. By Major T.G. Montgomery // The Journal of the Royal Geographical Society. V. 41. London, 1871.
294. *Pierce R. A.* Russian Central Asia, 1867—1917. A Study in colonial rule. University of California press, 1960.
295. *Radloff W.* Aus Sibirien. Leipzig, 1884.
296. *Rawlinson H.* England and Russia in the East. London, 1875.
297. «Report of a Journey to Kokan». Letter № 83, dated 19th, Oktober 1861, from Comissioner and Superintendent Peshawur Division to Secretary to Government Punjab // Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department. N XXXIX. Calcutta, 1863.
298. *Schott W.* Uber die achten Kirgisen. Berlin, 1865.
299. *Schuler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. V. 1—2. London, 1876.
300. *Skrine F. H., Ross E. D.* The Heart of Asia. A History of Russian, Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899.
301. The Russians in Central Asia: their occupation of the Kirghiz steppe and the line of the Syr-Daria: their political relations with Khiva, Bokhara, and Kokan: also descriptions of Chinese Turkestan and Dzungaria; by Capt. Valikhanof, M. Veniukof and others... / Translated from Russian by Jon and Robert Michell. London, 1865.
302. *Toyneebe A.* A Study of History. V. 1—12. London, 1935—1961.

303. *Toynbee A.* Between Oxus and Jumna. Oxford, 1961.
304. *Torrey Ch. C.* Gold coins of Khokand and Bukhara. New-York, 1950 (Numismatic Notes and Monographs, № 117).
305. *Vambery H.* Das Turkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

II. АРХИВНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

306. Фонд Главный архив. 1—7. 1844—1863.
307. Фонд Главный архив. 1—7. 1863—1864.
308. Фонд Главный архив. 1—7. 1864—1865.
309. Фонд Главный архив. 1—7. 1866.

Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ранее — Архив Института этнографии)

310. Этнографические материалы, собранные Г.П. Васильевой. С. Дархан, Чичкан. Д. 2/2.

Архив Института восточных рукописей РАН (ранее — Архив Ленинградского отделения Института востоковедения — ЛО ИВ).

311. Ф. 33. А. Л. Кун.
312. *Бунаков А. В.* Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией. Рукоп. 1939. Р. II. Оп. 6. Д. 14.
313. *Мирза Каландар Исфараги.* Умар-ханова царская книга. Рукоп. С. 471.
314. *Мухаммед Хаким-хан.* Извлечение из историй. Рукоп. С. 470.

Архив Российской академии наук (РАН)

315. *Бежкович А.* Киргизское бытовое земледелие. Рукоп. 1928. Ф. 135. Оп. 2. Д. 36.
316. Донесение семипалатинского купца I гильдии Степана Попова. Ф. 2. Оп. 1 (1827). Д. 8.

317. *Рычков П. И.* Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются... Р. II. Оп. 1. Д. 126.

Архив Русского Географического общества (РГО)

318. *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или каракиргызы. Ч. 1—2. СПб., 1893. Рукоп. Инв. № 13—39 и Р. 65.
319. *Венюков М. И.* Материалы для военного обозрения русских границ в Азии. Рукоп. Р. 87. Оп. 1. Д. 5.
320. *Дивногорский М. Н.* Материалы к изучению родового деления киргиз долин р. Таласа, Курку-су и Бакаир. Их расселение и численность. Рукоп. 1921 (?). Ф. 32. Оп. 1. Д. 70.

Государственный архив Омской области (ГА ОО)

321. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири.
322. Ф. 6. Штаб Отдельного Сибирского корпуса.
323. Ф. 336. Катанаев Г.Е.

Государственный архив Оренбургской области (ГА ОрО)

324. Ф. 5. Оренбургская экспедиция пограничных дел.
325. Ф. 6. Канцелярия оренбургского военного губернатора.
326. Ф. 166. Генс Г.Ф.

Ошский областной государственный архив (ООГА) КР

327. Ф. 598.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

328. Ф. 11.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

329. Ф. ВУА. Военно-учёный архив.
330. Генеральная карта киргизских степей Западной Сибири с показанием путей от пограничных станций и укреплений к Пишпеку и Ташкенту. 1859 г. Д. 19268. Л. 3—22.

Использованная литература и источники

331. Ф. 67. Данзас А. Л., генерал от инфантерии. 1831—1880.
332. Ф. 38. Азиатский департамент Генерального штаба.
333. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть.
334. *Гирс Ф., Дандевиль В., Гейнс А., Проценко А.* Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской области. Оп. 1868. Д. 6.
335. Кап. *Проценко.* Причуйская страна 1862 г. Оп. 1911. Д. 42.
336. *Колпаковский Г. А.* Особое мнение об основах местного управления киргизов. Оп. 1871. Д. 25.
337. Ф. 438. Военные действия в Средней Азии.
338. Ф. 1396. Штаб Туркестанского военного округа.
339. Ф. 1441. Отдельный Оренбургский корпус. 1823—1865.
340. Ф. 1449. Штаб войск Западной Сибири.
341. *Перемышльский М. Д.* Описание путей в Кашгарию и другие города. 1853. Ф. 1449. Азиатская часть. Д. 10.
342. Ф. 1450. Штаб Сибирского военного округа. 1862—1917.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

343. Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.
344. Ф. 791. Кочевое движение киргизов Пишпекского уезда Семиреченской области. Оп. 5. Д. 278.
345. Ф. 954. Фон-Кауфманы и Кауфманы-Туркестанские.
346. Ф. 1101. Документы личного происхождения разных лиц. (Коллекция).
347. Ф. 1263. Комитет министров. Фонд Комитета министров.
348. Ф. 1264. Первый Сибирский комитет.
349. Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.
350. Ф. 1396. Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края.

Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР)

351. Ф. И. 38. Ошское уездное поземельно-податное присутствие.

Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ПД КР) (ранее — Архив Кыргызского филиала ИМЛ)

352. Ф. 10. Киргизский областной комитет ВКП (б).

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)

353. Ф. И. 3. Начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды.

354. Ф. И. 44. Семиреченское областное управление.

355. *Чайковский П.* Ведомость о податях и недоимках в Иссык-Кульском уезде за 1869 год. Оп. 9. Д. 56.

356. Из годового отчета о состоянии Токмакского уезда. 1869 г. Оп. 12. Д. 2.

357. Ф. И. 383. Управление киргизами Сыр-Дарьинской линии.

358. Ф. И. 825. Колпаковский Г. А.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.)

359. Ф. И. 1. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора.

360. Ф. И. 17. Сыр-Дарьинское областное правление.

361. Ф. И. 19. Ферганское областное правление.

362. Ф. И. 23. Управление начальника Скобелевского уезда Ферганской обл.

363. Ф. И. 25. Управление начальника Андижанского уезда Ферганской обл.

364. Ф. И. 300. Управление начальника Кокандского уезда Ферганской обл.

365. Ф. И. 336. Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области.

366. Ф. И. 715. Материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в разных архивах полковником Серебренниковым.

**III. РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ БИБЛИОТЕК
И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

***Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз.
Отдел рукописей***

367. *Абдулгафур*. Зафарнамаи Худоерхон. (Книга о победах Худояр-хана). Рукоп. 1275/1858—59. Инв. № 598.
368. *Абу Убейдулла Мухаммед* (Ишан Ходжа Кары Ташкади). Холосат ул-ахвал. (Краткая биография). Рукоп. Инв. 2084.
369. *Мулла Мирза Алим*. Генеалогия султанов и истории ханов. Рукоп. Инв. № 1314/1.
370. *Семенов А. А.* Отношение Кокандского ханства к Кашгару в первой половине XIX в. Рукоп. Инв. № 78.
371. Актовые документы и копии решений казиев. Инв. № 705, 757, 857.

Научная библиотека Омского областного музея. Рукописные фонды

372. Копийные материалы из Архива Главного управления Западной Сибири. Копия А. Крахова. 1872.

Национальная библиотека Узбекистана им. А. Навои. Отдел редких книг (г. Ташкент)

373. *Вельяминов-Зернов В. В.* Торговое значение Кокандского ханства для русских. 1854.
374. Туркестанский сборник.

Отделение общественных наук НАН КР. Рукописные фонды

375. *Абрамзон С. М.* Краткий предварительный отчет о работе этнографического отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР. 1954. Инв. № 1045.
376. *Горячева В.Д.* Городские центры и монументальная архитектура средневековой Киргизии (Бухара, Узген, Сафид-Булан): Дис. ...канд. ист. наук. Фрунзе, 1976.
377. *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии. Инв. № 2072.

378. Извлечения из «Описания виденного и слышанного о Западном крае» / Пер. с кит. А. А. Кондратьева. Инв. № 4051.
379. Краткая сводка важнейших сведений о западной границе. 1808. (Извлечения из китайских источников) / Пер. с кит. Е. И. Кычанова. Инв. № 3088.
380. «Манас» — Великий поход (вариант Сагымбая) / Пер. с кирг. Е. Д. Поливанова. Инв. № 29.
381. Материалы по истории киргизско-китайских отношений во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. / Пер. извлечений из китайских источников Г. П. Супруненко.
382. *Молдо Нияз*. Героические песни. Инв. № 5072.
383. *Молдо Нияз*. Санаты. Инв. № 1732.
384. Палеоархеографические материалы экспедиции 1976—1977 гг. В. М. Плоских.
385. Песня «Провозглашение Ормона ханом». Инв. № 278.
386. «Песнь о борьбе племен бугу и сарыбагыш». Инв. № 128.
387. Полевые записи К. Усенбаева (1953 г.). Инв. № 1544.
388. *Поливанов Е. Д.* Киргизская работа. Инв. № 22 и 23.
389. *Поливанов Е. Д.* Отчет о дунганской лингвистической экспедиции. Инв. № 6.
390. *Поливанов Е. Д.* Разные рукописи. Инв. № 25.
391. Провозглашение Ормона ханом. Инв. № 278.
392. *Рахматуллин К. А.* Эпос «Манас» и его сказители. Инв. № 1289. Ч 1. Исторические моменты в эпосе.
393. *Сейф ад-дин Ахсикенти*. Маджму ат-таварих. Рукоп. пер. В. А. Ромодина. Инв. № 5154.
394. *Серебренников А. Г.* Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. Инв. № 40.
395. *Солтоноев Б.* История киргизов и казахов. Инв. № 1057.
396. *Сыдыков О.* Тарихи Киргизия. Инв. № 1617.

Использованная литература и источники

397. *Тоголок Молдо*. Родоплеменное деление (киргизов). Инв. № 1016.
398. Трактат о городе Оше. Фотокопия из ЛО ИВ АН СССР (инв. № 1—2033) / Пер. В. К. Шуховцова и В. Н. Настича.
399. Тухфат ат-таварих-и хани. Фотокопия из ЛО ИВ АН СССР (инв. № С-440) / Пер. В. К. Шуховцова и В. Н. Настича.
400. *Фиельструн Ф. А.* Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов. 1925. Инв. № 2.
401. *Чоробаев А.* Песнь об Абдулла-беке. Инв. № 1566.
402. *Чоробаев А.* Тайлак-батыр. Инв. № 225.

Российская государственная библиотека. Фонд рукописей (г. Москва)

403. *Венюков М. И.* Военно-статистические очерки земель, соседних России в Азии. Ф. 363. К. 3. Д. 14.

Центральная научная библиотека НАН КР (г. Бишкек)

404. *Резник П. Ф.* Кетмень-Тюбе в 1899 году. Андижан, 1904.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ** — Архив внешней политики Российской империи
АИЭА РАН — Архив Института этнологии и антропологии РАН
АО — Археологические открытия
[Б. в. д.] — без выходных данных (об издании)
[Б. м.] — без места (издания)
ВУА — Военно-учёный архив
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГА ОО — Государственный архив Омской области
ГА ОрО — Государственный архив Оренбургской области
ГПБ — Государственная публичная библиотека
ЗВГО — Записки Всесоюзного географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИВ АН — Записки Института востоковедения Академии наук
ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИВ — Институт востоковедения
ИВР — Институт восточных рукописей
ИЭА — Институт этнологии и антропологии
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
К — коробка (хранения архивного дела)
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КирГУ — Киргизский госуниверситет
КирФАН — Киргизский филиал Академии наук
ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения
МИКК — Материалы по истории киргизов и Киргизии

Список принятых сокращений

- НАН КР** — Национальная Академия наук Кыргызской Республики
- НБОУМ** — Научная библиотека Омского областного музея
- ОНУ** — Общественные науки в Узбекистане
- ООГА** — Ошский областной государственный архив
- ООН** — Отделение общественных наук
- ПВ** — Проблемы востоковедения
- ПЗСТКЛА** — Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии
- ПСС** — Полное собрание сочинений
- РАН** — Российская Академия наук
- РГАДА** — Российский государственный архив древних актов
- РГБ** — Российская государственная библиотека
- РГВИА** — Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА** — Российский государственный исторический архив
- РГО** — Русское географическое общество
- РОГПБ** — Рукописный отдел государственной публичной библиотеки
- САГУ** — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)
- СЭ** — Советская этнография
- Св.** — связка
- ТВ** — Туркестанские ведомости
- ТВОРАО** — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
- Ф. И.** — Фонд исторический
- ЦГА КР** — Центральный государственный архив Кыргызской Республики
- ЦГА ПД КР** — Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики
Казахстан

ЦГА РУз. — Центральный государственный архив Республики
Узбекистан

ОГЛАВЛЕНИЕ

IV. ЭКСПЛУАТАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИРГИЗОВ	3
1. Аграрные отношения	3
2. Взаимовлияние хозяйственной деятельности узбекского, таджикского и киргизского населения	54
3. Социальная структура киргизского общества	104
4. Налоговая система и другие формы эксплуатации	124
V. БОРЬБА КИРГИЗСКОГО НАРОДА ПРОТИВ УГНЕТАТЕЛЕЙ	159
1. Восстания первой половины XIX в. и присоединение северной Киргизии к России	160
2. Народная война 1870-х гг. и завоевание южной Киргизии Россией	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	224
ПРИЛОЖЕНИЕ	237
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	390
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	421

В. М. Плоских — академик НАН КР и Академии педагогических и социальных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области и науки и техники, Заслуженный деятель науки КР.

Владимир Михайлович Плоских
КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО
Собрание научных трудов
ТОМ 2

Редактор-составитель: проф. *В. А. Воропаева*
Ответственный редактор: *Н. А. Халфин*

Дизайн: *В. Горнушкин*
Компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 05.01.2015.
Заказ №8.
Формат бумаги 60x84 1/16. Объем 17,25 п.л.
Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»